

LEFT ВОСХИЩЕНИЕ BEHIND®

В МГНОВЕНИЕ

ОКА

63 000 000
проданных
экземпляров

ТИМ ЛАХЭЙ

ДЖЕРРИ Б. ДЖЕНКИНС

LEFT BEHIND[®]

КНИГИ СЕРИИ
LEFT BEHIND®

ОСТАВЛЕННЫЕ

Роман о последних днях Земли

ОТРЯД СКОРБИ

Продолжение истории об оставленных

НИКОЛАЕ

Восстание Антихриста

ЖАТВА ЧЕЛОВЕКОВ

Мир разделяется

АВАДДОН

Демон-губитель сбросил оковы

ВОЗМЕЗДИЕ

Место: Иерусалим. Цель: Антихрист

ВОПЛОЩЕНИЕ

Зверь воцаряется

НАЧЕРТАНИЕ

Зверь правит миром

ОСКВЕРНЕНИЕ

Антихрист восходит на престол

ОСТАТОК

На пороге Армагеддона

АРМАГЕДДОН

Вселенская битва эпох

ЯВЛЕНИЕ ВО СЛАВЕ

Последние дни

ВОСХОЖДЕНИЕ

Рождение Антихриста

РЕЖИМ

Зло наступает

ВОСХИЩЕНИЕ

В мгновение ока

ДА ПРИИДЕТ ЦАРСТВО

Окончательная победа

LEFT BEHIND®

ТИМ ЛАХЭЙ

ДЖЕРРИ Б. ДЖЕНКИНС

ВОСХИЩЕНИЕ

В МГНОВЕНИЕ

ОКА

ТЕРРА **ТЕРРА**
ИЗДАТЕЛЬСТВО | PUBLISHING HOUSE

КК **КНИГОВЕЖ™**
КНИЖНЫЙ КЛУБ | BOOK CLUB

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
Л29

Оформление художника
А. БАЛАШОВОЙ

ЛаХэй Тим, Дженкинс Джерри Б.
Л29 **Восхищение: Роман / Пер. с англ. А. Веркина. —**
М.: Книжный Клуб Книговек, 2013. — 416 с. — (Left Behind).

ISBN 978-5-4224-0609-8

В романе «Восхищение» — третьем, заключительном приквеле к серии «Left Behind®» — рассказывается о таинственных исчезновениях людей по всему миру, положивших начало трагическим событиям Апокалипсиса. Однако основная часть повествования посвящена описанию уже знакомых читателю событий с точки зрения Ирен Стил, ее сына Рейми и других людей, которые были восхищены на Небеса.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

Left Behind #15: Восхищение, Russian
Copyright © 2005 by Tim LaHaye & Jerry Jenkins
Russian edition © 2013 by Knigovek Book Club
with permission of Tyndale House Publishers, Inc.
All rights reserved.
Left Behind ® is a registered trademark of Tyndale House Publishers, Inc.

ISBN 978-5-4224-0609-8 © Книжный Клуб Книговек, 2013

*Посвящается Линде и Джералду Мерфи,
моей дочери и зятю,
которые оказывали мне всяческую
неоценимую помощь.
Т. Л.*

*Роджеру Эйду,
советчику, консультанту,
но прежде всего другу.
Дж. Б. Дж.*

*С благодарностью Дэвиду Аллену
за техническую консультацию специалиста*

Главные действующие лица:

Абдулла (Смит или Смитти) Абганех, примерно двадцать пять лет, пилот-истребитель иорданских ВВС, Амман.

Николае Карпати, тридцати двух лет, полиглот, воротила бизнеса по экспорту-импорту, член нижней палаты румынского парламента, Бухарест, Румыния.

Хэтти Дюрхэм, двадцати шести лет, бортпроводница компании «Пан-Континентал эйрлайнз», Дес-Плейнес, Илинойс.

Леон Фортунато, пятьдесят с небольшим лет, личный консультант и политический советник Карпати, Бухарест.

Доктор Хаим Розенцвейг, около семидесяти лет, израильский ботаник, нобелевский лауреат и государственный деятель, Хайфа, Израиль.

Хлоя Стил, девятнадцать лет, первокурсница Стэнфордского университета, Пало-Альто, Калифорния.

Ирэн Стил, тридцати девяти лет, домохозяйка, жена и мать, уже восемь лет как убежденная христианка, Маунт-Проспект, Иллинойс.

Рэйфорг Стил, сорок один год, капитан компании «Пан-Континентал эйрлайнз», Маунт-Проспект.

Рэйфорг (Рэйми) Стил, одиннадцать лет, три года как верующий христианин, Маунт-Проспект.

Джонатан Стонагал, восемьдесят с небольшим лет, миллиардер. Американец, банкир и финансист, Манхэттен.

Кэмерон (Бизон) Уильямс, двадцати девяти лет, ведущий репортер журнала «Глобал уикли», Нью-Йорк.

Вив Айвинз, друг Карпати с самого его рождения, Бухарест.

ПРОЛОГ

Николае Карпати превратился в прожженного политика, дипломата, государственного мужа и возмутителя спокойствия в мировом масштабе. Он находил поводы для того, чтобы путешествовать, устанавливать связи с главами государств, которые и знать не знали о каком-то депутате нижней палаты румынского парламента, чтобы еще и аудиенцию ему назначать, однако он был очень настойчив! Он стал самым популярным человеком у себя в стране. Им восхищались, его уважали, его прославляли даже противники.

Он был настоящим проповедником. Голубем мира. Он выступал за разоружение. Это приятно щекотало слух его коллег в Европе и большинстве других стран. Он еще не побывал в Соединенных Штатах, но стал достаточно известен во всем остальном мире. Блестящий ум Карпати, деловая жилка, его

достижения каким-то образом стали известны всем, причем сам он к этому руку не прилагал. А то, как он уклонялся от восхвалений в свой адрес, заставляло людей превозносить его все сильнее и чаще.

Чем больше он получал, тем больше ему хотелось, и часто он находился на грани обморока от восторга и падал без сил, уходя от взглядов публики.

Николае научился искусству самоуничтожения. Или, по крайней мере, научился казаться скромным.

Его целью была верхняя палата парламента, а затем — президентское кресло, когда закончится второй срок. Аналитики уже называли его фаворитом.

Он хотел рывка. Пора было продвигаться вперед, расширяться. Взять то, что он считал своим по праву. Он преклонил колени перед своим господином и хозяином, поклонился ему в обмен на все царства мира. Может, от него еще что-то требуется? Он был самым умным. Самым начитанным, самым образованным человеком в мире, владел таким количеством языков, как никто другой.

Николае Карпати пора было явить себя миру.

* * *

В какой-то момент Рэйфорд Стил внезапно осознал, что его жизнь и карьера до-

стигли зенита — и в то же время надира¹. В «Пан-Континентал» ему было уже некуда стремиться, разве что в руководство. А это его не привлекало.

Он водил флагманы воздушного флота компании, сам выбирал маршруты, в буквальном смысле слова определял свое расписание. Рэйфорд уладил последнюю ссору между Ирэн и Хлоей, что привело к тому, что Хлоя перестала ходить в церковь и воскресную школу. С тех пор Ирэн стала холоднее относиться к нему.

Рэйфорд не понимал, что у нее за проблемы с Хлоей. Более идеальной дочери просто не бывает. Это же настоящее сокровище, «няшечка», как сказали бы ее друзья. Она недавно выразила намерение принять предложение о бюджетном обучении в Стэнфорде, и хотя он не мог представить, что его малышка уедет так далеко от них, он гордился ею невероятно.

Он возлагал такие же высокие надежды на Рэйми, но мальчик его беспокоил. Неужто он будет маменькиным сынком? Он не был неженкой, не походил на девчонку, только вот слишком втянулся в религию Ирэн. Это к хорошему не могло привести. Но что делать мальчику его возраста — и особенно старше — в церкви? Надо что-то предпринять. Хлое удалось отговориться от постоянных посещений церкви, но Рэйфорду придется теперь как-то уживаться и с занудством Ирэн, и с

¹ На д и р — в астрономии направление, противоположное зениту.

нытием Рэйми. Рэйфорду становилось все труднее выискивать причины для того, чтобы не ходить в церковь, что уж говорить об обещаниях наверстать упущенное.

Единственным светочем на горизонте Рэйфорда оставалась Хэтти Дюрхэм. Она в конце концов дослужилась до международных рейсов и периодически летала вместе с ним в Англию и другие точки на востоке. Ее целью было добиться положения старшей бортпроводницы и наработать стаж, чтобы получить право самой выбирать рейс. Она ясно дала ему понять, что будет выбирать его рейсы, если он не против.

Рэйфорд дал ей понять, что он не против.

По иронии судьбы, несмотря на то возбуждение, которое охватило его, когда он всего лишь сказал ей об этом, сейчас их разделяло даже большее расстояние, чем прежде. Рэйфорд еще ни разу не коснулся этой женщины.

Он был педантичен. Он надеялся, что его взгляды, жесты, тон скажут все. Но Хэтти в их взаимоотношениях шла именно на близкий контакт. Порой легко клала руку ему на плечо, когда пыталась разминуться с ним у переборки. Опускала руку ему на спину, когда приносила кофе в кабину. Касалась руки, беседуя за случайным ужином или благодаря за то, что подбросил домой — а такое бывало часто.

Рэйфорд никогда не бывал у нее дома, и они редко виделись наедине. Но при такой жизни, да еще с тревожными признаками

приближающегося кризиса среднего возраста Рэйфорд начал допускать крамольные мысли. Он говорил себе, что если что-то сломается, или если его назначат на «борт номер один или два», или его публично поблагодарят ЦРУ или министерство обороны за секретную, пусть и узкую консультацию, то это поможет ему вернуться в колею.

Он сможет выбросить из головы мысли о красивой молодой бортпроводнице и как-нибудь заставит себя механически продолжать свою скучную женатую жизнь.

* * *

Бизон Уильямс работал в «Глобал уикли» почти четыре года. За это время он написал более тридцати передовиц, включая три статьи о «персоне года». Он хотел записать себе на счет и четвертую, так что явился на очередное собрание редакции со своим номинантом — доктором Хаимом Розенцвейгом из Израиля, простым инженером-химиком, который предпочитал называть себя ботаником.

Бизон был уверен, что его коллеги захотят выдвинуть американца — поп-звезду или какого-нибудь политика. Но единственным логическим выбором был Розенцвейг. Как минимум, по мнению Бизона. Он с облегчением услышал, когда Стив Планк, открывая совещание, сказал:

— Кто-нибудь хочет выдвинуть какого-нибудь унылого зануду вместо лауреата Нобелевки по химии?

Никто не стал спорить, но Бизон не собирался оставлять решение на волю случая.

— Стив, — сказал он, — я не напрашиваюсь, но ты сам знаешь, что я знаком с этим парнем и он мне доверяет.

Как всегда, начались выпады со стороны всех остальных, тоже желавших получить это задание. На Стива обрушились за то, что он всегда идет на поводу у Бизона, а Стив огрызался тем, что решать ему. В конце концов, задание досталось Бизону. Что ни говори, а именно он написал статью, когда Розенцвейг получил Нобелевскую премию.

В Израиле Бизон остановился в военном поселении и встретился с Розенцвейгом в том же самом кибуце на окраине Хайфы, где он брал у него интервью годом раньше. Бизон увидел маленького поджарого старичка со вздыбленной эйнштейновской шевелюрой, которого охраняли не хуже главы государства. Это был радушный, улыбчивый, убежденный человек, Хаима Розенцвейга уважали во всем мире и боготворили в собственной стране.

Сам Розенцвейг был, конечно, замечательным человеком, но преобразовала Израиль и изменила облик Ближнего Востока именно его формула. Ирригация ничего нового не представляла. Как сказал профессор в отставке, она только «увлажняла песок». Если к воде подмешивали его вещество, песок ста-

новился плодородным. Бизон не был ученым, но он знал, что формула Розенцвейга сделала Израиль самым богатым государством мира за одну ночь. Каждый дюйм свободной земли был покрыт цветами и злаками, включая и те культуры, о которых прежде в Израиле и не мечтали. Нация, обеспеченная деньгами и ресурсами, замирилась с соседями. Свободная торговля и открытые границы позволили всем, кто любил этот народ, попасть в страну. Но единственное, к чему никто из гостей не имел доступа, — это была формула.

Мировые лидеры искали встречи с Розенцвейгом. Всего за десять дней до визита Бизона его посетила русская делегация. Они прекрасно представляли, как формула может преобразить их обширную тундру.

Россия превратилась в сонного гиганта с разрушенной экономикой и пришедшей в упадок технологией. У нее осталась только военная мощь, и все свободные средства шли на вооружение.

— Позвольте мне кое-что сказать вам, друг мой, — говорил Бизону Розенцвейг. — Русских мой ответ не обрадовал. И я не просто взял и отказал им. Я сказал, что права на формулу официально принадлежат государству Израиль и не мне указывать правительству, что с ними делать. Решение за ним, а оно может предпочесть не делиться с формулой ни с кем. Русские сказали, что они уже пытались действовать по дипломатическим каналам, пытались приобрести лицензию и обратились ко мне только тогда, когда

попытка провалилась. Я извинился, что они проделали весь этот путь и потратились, обратившись не к тому человеку.

— А кто еще посещал вас? — спросил Бизон.

— О, многие. Многие. Почти все. Смею признаться, мне приятно было выслушивать их комплименты и восхваления. Это интереснее всего. Я прямо-таки поразился визиту вице-президента Соединенных Штатов. Он хотел оказать мне честь, представить меня президенту, устроить в мою честь парад, присвоить мне степень и все такое. Он, как дипломат, не сказал мне ничего о том, что я за это буду ему должен, но ведь я буду ему обязан всем, не так ли? Очень много говорилось о том, что США и Израиль много десятилетий были друзьями. И разве это не так? Как я мог спорить?

Но я притворился, что считаю, будто все эти любезности и награды относятся лично ко мне, и скромно отказался. Дело в том, молодой человек, что я вовсе не скромненький, разве не так? — Старик рассмеялся и рассказал еще несколько историй о том, как к нему приезжали и пытались обаять его всякие важные лица.

— А кто-нибудь был искренним? — сказал Бизон. — Кто-нибудь произвел на вас впечатление?

— Да! И приехал он из самого непонятного и удивительного уголка Земли — из Румынии. Не знаю, послали его или он сам при-

ехал, но подозреваю последнее, поскольку он самый незначительный из чиновников, с которыми я встречался после награждения. Одно это заставило меня встретиться с ним. Он сам просил аудиенции. Он шел не проторенным политическим и протокольным путем.

— И это?..

— Николае Карпати.

— Карпати как?..

— Да, как Карпатские горы. Красивое имя, ничего не скажешь. Это необыкновенно обаятельный и скромный человек. Прямо как я!

— Ничего о нем не слышал.

— Услышите! Обязательно услышите.

— Потому что он...

— Он впечатляет, вот все, что я могу сказать.

Позже по ходу интервью Розенцвейг обмолвился о Карпати:

— Я верю, что его цель — всеобщее разоружение, а мы, израильтяне, как-то в это не верим. Но, конечно, в первую очередь он должен разоружить собственную страну. Этот человек примерно ваш ровесник, кстати. Голубоглазый блондин, как первоначальные румыны, которые вышли из Рима, до того, как их расу подпортила монгольская кровь.

— И что вам в нем так понравилось?

— Сейчас прикинем, — сказал Розенцвейг. — Он говорит на моем языке, как на сво-

ем родном. Он бегло говорит по-английски. Хорошо образован и широко начитан. И вообще, он мне просто как человек понравился. Очень умный. Очень честный. Очень открытый.

— И чего он хотел от вас?

— Того, что мне больше всего понравилось. Поскольку он показался мне честным и откровенным, я напрямую задал ему этот вопрос. Он настаивал, чтобы я называл его Николае, и потому я спросил: «Николае, чего вы от меня хотите?» Знаете, молодой человек, что он ответил? «Доктор Розенцвейг, я ищу только вашего расположения». И что я мог на это сказать? Я ответил: «Николае, оно у вас есть». Я сам немножко пацифист, понимаете ли. Но реалист. Но я ему этого не сказал. Я просто ответил, что он мне симпатичен. Вы, кстати, тоже.

— Подозреваю, вы не так легко раздаете свои симпатии.

— Вот потому вы мне нравитесь и потому вы мне симпатичны. Когда-нибудь вы наверняка встретитесь с Карпати. Вы друг другу понравитесь. Его цели и мечты невозможно реализовать даже в пределах его собственной страны, но у него высокие идеалы. Если он продвинется, вы о нем еще услышите. А поскольку вы и сами восходящая звезда в своей профессиональной области, он наверняка услышит о вас. Или вы сами на него выйдете, я ведь прав?

— Надеюсь.

* * *

Бизон Уильямс лениво наслаждался поздним ужином вместе с Хаимом Розенцвейгом в миле от кибуца и ближайшего военного поселения, где Бизону предстояло оставаться до утра, до вылета в Штаты на рассвете.

Старик устал, его акцент становился все заметнее, понимать его было все труднее, чем больше пустел его бокал с вином, веки его опускались.

— Вам надо отдохнуть, — сказал Бизон.

— Я полагаю, что это верно, но мне с вами было так хорошо. Вы должны приехать как-нибудь просто так, не по делу.

— И когда такое возможно? — рассмеялся Бизон. — Я всегда на работе, и хотя вы больше чем вдвое меня старше, вы даже более заняты, чем я.

— Мы выкроим время и назначим встречу. Просто для отдыха и развлечения.

Бизон не мог себе представить такого простоя, но уж если придется, то лучшего собеседника не найти.

Водитель Розенцвейга высадил Бизона возле военного поселения, где он прошел через командный центр прямо в свою более чем комфортабельную комнату. Уже было за полночь, и его поразило, с какими напряженным вниманием люди на командном пункте всматривались в светящиеся экраны компьютеров. Раньше он встречался со здешним начальством и получил допуск к техническо-

му персоналу, который постоянно наблюдал за ночным небом.

Казалось, что соседи настолько благо-расположены к Израилю, что никакой серьезной угрозы и быть не могло. И все же эти солдаты с гордостью говорили о своем долге защитников. Многие кивали Бизону или махали рукой, а двое-трое окликнули по имени.

Поскольку Бизон всегда четко планировал свою жизнь и расписывал время, он плохо спал накануне раннего подъема. Но ему очень хотелось домой, так что он просто приготовил все, чтобы встать, принять душ, побриться и поехать. Поскольку он с собой никогда много вещей не брал, он быстро уложил свою кожаную сумку и приготовил одежду на завтра.

Прежде чем раздеться и лечь, он постоял у окна, глядя в звездное небо. Он был взбужден, спать вовсе не хотелось. Ему трудно было бы заснуть, и он это понимал. В такие времена ему хотелось бы наслаждаться вином так, как Розенцвейг. Это бы помогло ему отключиться.

Может, надо почитать на ночь. Как раз когда он отвернулся от окна, чтобы достать из сумки книгу или журнал, пронзительно взвыла сирена. Пожар? Какой-то сбой? Бизон полагал, что сейчас громкоговорители скажут, что делать и куда идти. Хорошо, что не успел раздеться. Он набросил кожаный пиджак, и тут его снова привлекло к окну что-то странное в небе.

Это оказалось запуском ракет «земля—воздух». На Израиль совершенно нападение? Неужели такое может быть? Гром небесный перекрывал даже пронзительный вой сирен. Когда небеса озарились, словно днем, Бизон понял, что это все не бред — это полномасштабный воздушный налет. Но кто? Почему?

Он выбежал из комнаты и побежал по коридору к командному центру.

— Гражданский, оставайтесь у себя в комнате! — не раз слышал он, пробегая мимо бледных как смерть полуодетых мужчин и женщин. Многие выскакивали из комнат, по ходу натягивая форму и кепи.

В оперативной комнате уже царил хаос, хотя кризис начался всего минуту назад. Командиры сгрудились у экранов, без передышки отдавая команды технике. Человек в огромных наушниках кричал:

— Один из наших истребителей определил, что это русские штурмовики, МиГи!

Из другого угла:

— МБР!

Бизон пошатнулся. Межконтинентальные баллистические ракеты? Против крошечного Израиля? Русские?

Внезапно все повскакали с мест. Даже эксперты стояли у своих клавиатур, словно смотрели на то, чего не желали видеть. Все экраны светились и были испещрены вспышками света и точками.

— Это же суций Перл-Харбор!

— Нас сотрут в порошок!

— Сотни МиГов почти над нами!

— Безнадежно!

Загрохотали взрывы. Часть здания потемнела. Грохот был такой, будто бомбы падали прямо за окнами. Значит, это не демонстрация силы, чтобы поставить Израиль на колени. Никаких обращений к жертвам не было. Никаких объяснений того, почему военная машина нарушила границы. Израиль был вынужден обороняться, прекрасно понимая, что первый же залп буквально сотрет его с лица земли.

В небе расцветали желто-оранжевые клубы огня, которые вряд ли смогут остановить нападение России. Защиты просто не было. Бизон понял, что все офицеры ожидают неминуемого конца через какие-то секунды, когда снаряды достигнут земли и накроют всю страну.

Бизон понимал, что конец близок. Спасения не было. Некоторые уже покинули свои посты и с воплями разбежались, и командиры даже не пытались их останавливать. Даже старшие офицеры спрятались под столами и закрыли уши.

Ночь пылала как день, чудовищные оглушительные взрывы продолжались, здание дрожало, тряслось и раскачивалось.

Первые израильские ракеты попали в русские штурмовики, в результате чего МБР взорвались слишком высоко, чтобы причинить большие повреждения, разве что пожары. Русские боевые машины падали на землю, врезались в почву, взрывая кратеры

и разбрасывая пламенеющие осколки во все стороны. Но, судя по показаниям радаров, в налет была отправлена практически вся русская авиация, в резерве не оставалось почти ничего. Тысячи самолетов шли на самые густонаселенные города крошечной страны.

Инстинкт самосохранения Бизона включился на всю катушку. Он забился под пульт управления, сдерживая неожиданные рыдания. Он вовсе не так представлял себе войну. Он думал, что будет следить за событиями из безопасной точки, запоминая всю драму военных действий.

Кэмерон Уильямс не сомневался, что погибнет, и спрашивал себя — почему он так и не женился? Останется от него хоть что-нибудь, чтобы отец и брат могли опознать его труп? Есть ли Бог? Кончается ли все со смертью?

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Бизон Уильямс понимал, что под взрывающимся ночным небом Хайфы он может погибнуть точно так же, как и в командном центре. Это не было бравадой — это было уникальное, ненасытное любопытство журналиста. Он будет единственным человеком на этом командном пункте, который увидит и узнает, что его убило. На ватных ногах он подошел к двери. Никто его не замечал, никому он не был интересен. Казалось, что все они были обречены на смерть.

Он с трудом открыл дверь навстречу ослепительной вспышке и прикрыл глаза от пылающей белизны. Небо полыхало. Из ада с воем вырывались реактивные самолеты, и от взрывов ракет небо вспыхивало еще ярче. Он стоял, ошеломленный ужасом, глядя, как огромные боевые машины пикируют на город со всех сторон, разбиваются, подпрыги-

вают и разлетаются на горящие куски. Но, похоже, они падали между зданиями, на опустевшие улицы и поля.

Лицо Бизона покрылось волдырями, он обливался потом. Что, черт возьми, творится?

* * *

Николае Карпати спал чутко, так что тихое жужжание маленького устройства, встроенного в изголовье, мгновенно разбудило его ровно в половину второго утра.

Он сел, потер глаза и растер лицо и нажал кнопку двусторонней связи.

— Габриэла?

— Да. Прошу прощения, но здесь господин Фортунато. Он утверждает, что вы хотели, чтобы вас разбудили.

Значит, свершилось. Дело сделано.

Меньше чем через минуту Николае причесал влажной расческой волосы и набросил на плечи роскошный халат. Он подошел к лифту, который выходил в его гостиную, и столкнулся нос к носу со своим самым доверенным советником.

Карпати с трудом подавил улыбку.

— Леон, в чем дело?

— Пока мы говорим, Израиль стирают с лица земли.

Николае хлопнул в ладоши.

— Русские? — спросил он, словно и так не знал.

Фортуна то с улыбкой кивнул.

— Есть сведения, что Ливия с Эфиопией также участвуют в операции.

— Замечательно! Доктор Розенцвейг четко знал, что мне нужно, но не уступил. Интересно, что он сейчас думает? И будет ли он думать когда-нибудь еще? Чего ради он так оберегал свою формулу? Никто, кроме меня, не сумеет с такой выгодой ее использовать.

Фортуна то скривился.

— В чем дело? — сказал Николае. Он указал на диван. — Садитесь, друг мой.

Леон грузно опустился на сиденье.

— Не думаю, чтобы Кремль с вами стал делиться, Николае. Мои источники говорят, что этот рейд стоил дороже любого в их истории. Те, с кем я вас познакомил, в лучшем случае дадут вам лицензию только на часть рынка в определенных областях.

Николае сел напротив Леона на большую оттоманку.

— Вы считаете, что мне этого будет достаточно? Вы шутите.

— Я понимаю ваши чувства, Николае, просто это оказалось не так просто, как мы думали. Простите, шеф, но почему вы продолжаете улыбаться, как Чеширский кот?

Карпати хмыкнул:

— Сделка уже заключена, Леон.

— То есть?

— Вы меня не слышите или не понимаете?

— Последнее.

— Сделка между Джонатаном Стонагалом и мной. Мы финансировали эту операцию и

договорились об условиях еще до того, как поднялся в воздух первый самолет. Россия получит неограниченные права на формулу, так же как Ливия с Эфиопией, но ее продажа по всему миру — в моей компетенции, к тому же они получают солидные отступные.

Леон покачал головой и выпрямился, прищурившись на Николае:

— Вы шутите.

— Вовсе нет. Я не выбросил бы на ветер миллиарды долларов. Хотите получить привилегию оповестить мистера Стонагала? В Нью-Йорке сейчас почти семь утра, и старик уже взялся за рутинную работу.

Леон вздохнул:

— Это он мне сказал.

— Но не рассказал вам о соглашении?

Леон встал, сунул руки в карманы.

— Ни один из вас. Вы указали мне мое место.

— О, не заблуждайтесь, Леон. Вы знаете больше, чем кто-либо из моего круга, но вы не должны знать всего — и не будете знать. Вы будете знать то, что вам нужно и когда я буду считать, что это нужно. Вы поняли?

— Как я уже сказал, я понял, где мое место.

* * *

Куски льда и градины размером с мяч для гольфа заставили Бизона прикрыть голо-

ву пиджаком. Земля дрожала и гудела, подбрасывая его в воздух. Он упал лицом вниз, прячась от леденящих осколков, и тут град сменился дождем. Внезапно единственным звуком остался рев огня в небесах, да и тот начал утихать, словно его уносило прочь. После десяти минут громового рева огонь угас, последние искры рассыпались по земле. Пламя исчезло так же быстро, как и вспыхнуло. Тишина опустилась на землю.

Когда ветерок развеял клубы дыма, вновь открылось иссиня-черное ночное небо, и засияли звезды, словно ничего не случилось.

Бизон повернулся к зданию, сжимая в руке грязный кожаный пиджак. Дверная ручка до сих пор была горячей, внутри плакали и рыдали военные. Эфир звенел сообщениями израильских пилотов. Они не смогли подняться в воздух вовремя, чтобы что-нибудь сделать, но, по их наблюдениям, все воздушные силы русского флота уничтожили сами себя.

Каким-то чудом во всем Израиле не оказалось ни одного пострадавшего. Бизон мог бы поверить, что произошел какой-то невероятный сбой и ракеты с самолетами уничтожили друг друга. Но потрясенные мужчины и женщины, отслеживавшие весь налет на экранах компьютеров, рассказывали совсем иное.

Молодая женщина в чине рядового Цахала говорила ему на хорошем английском, пусть и с акцентом:

— Это была огненная буря, дождь и землетрясение. Вот что спасло нас от уничтожения.

Такой сюжет попадаете лишь раз в жизни. Бизон быстро добыл джип и понесся по стране, беря интервью у лидеров, гражданских, военных. Где бы он ни ехал, землю усеивали сотни, тысячи обломков горящей, перекрученной, оплавленной стали, падавшей на землю в Хайфе, Иерусалиме, Тель-Авиве, Иерихоне и даже Вифлееме — древние стены сровнялись с землей, но никто из израильтян не получил ни царапины.

Это было выше понимания Бизона, у него это просто не укладывалось в голове.

Через несколько часов, на рассвете, отряды специального назначения соперничали с канюками¹ и стервятниками за трупы врагов. Военные пытались похоронить их прежде, чем трупы будут обглоданы до костей и нацию поразит зараза.

Бизон с огромным облегчением узнал, что доктор Розенцвейг остался цел и невредим.

— Если бы я не был здесь и не видел всего своими собственными глазами, никогда не поверил бы, — сказал он ученому. — Мне придется наизнанку вывернуться, чтобы мои читатели поверили в это.

Розенцвейг был странно спокоен.

— В чем дело, доктор? — сказал Бизон.

¹ К а н ю к — хищная птица семейства ястребиных

— Ну, просто у меня какие-то странные ощущения, когда я говорю об этом. Я ведь в лучшем случае агностик, но позвольте познакомить вас с некоторыми учеными, у которых есть интересный взгляд на это событие.

Розенцвейг представлял Бизона университетским профессорам, которые указали ему отрывок в Библии, где говорилось, что Бог уничтожит врагов Израиля огненной бурей, градом, землетрясением и дождем. Бизон ошеломленно читал 38-ю и 39-ю главы Книги Иезекииля о великом враге с севера, который вторгнется в Израиль вместе с Персией, Ливией и Эфиопией. Совершенно потрясающим было то, что в Писании говорилось об оружии войны, которое станет топливом для пламени, и о вражеских солдатах, которые станут пищей птиц и будут похоронены в общей могиле.

Бизон не был готов уверовать, но он совершенно точно стал другим человеком и другим журналистом. Теперь он был готов поверить во что угодно.

И если он и хотел с кем-нибудь поговорить об этом, то это была его коллега из Чикаго Люсинда Вашингтон.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Николае Карпати сидел за столом в своем кабинете у себя дома в Бухаресте, прекрасно понимая, что сплетенные под подбородком пальцы — избитое клише. Леон Фортунато ерзал в кресле напротив него. Заметил ли Леон, что кресло Карпати стоит на платформе высотой в дюйм, Николае сказать не мог. Это приспособление позволяло Карпати чуть возвышаться над любым посетителем.

Николае забавляло, что Леон чувствовал себя не в своей тарелке с тех пор, как понял, что не настолько близок Карпати, как считал прежде. То, что Николае позволил своему советнику сообщить себе о русском нападении на Израиль, а потом ошарашил откровением, что он лично финансировал эту операцию, сломило дух Фортунато. И конечно, этого Николае и добивался.

Фортуна то был капиталом, но ценность человека всегда определяет его положение в окружении. Леон мог быть полезным, но только в том случае, если он будет знать свое место. Этот римлянин обладал странными чертами характера. Он мог быть подобострастным и в то же время дипломатичным. Он был почтителен, но также чувствителен к своему положению. Карпати придется восстанавливать его хрупкое эго, не ослабляя недавнего укола по поводу установления иерархии. Особенно после нелепого, сверхъестественного провала налета на Израиль.

О, конечно, отнюдь не все миллионы были потрачены на эту операцию. Но, уйдя несолоно хлебавши после фиаско без формулы Хаима Розенцвейга, Карпати был вынужден признать жестокую реальность. В смятении он осознал, что обещанное ему место во главе всего мира не будет основано на финансах.

Нет, оно будет построено на дипломатии. Или на том, что будет казаться дипломатией. На самом деле его возвышение должно быть основано на силе.

— У меня есть для вас дело, друг мой, — начал Николае.

Леон еле заметно склонил голову набок и поджал губы, потрогал узел галстука, затем достал из кармана маленький кожаный бумажник.

— К вашим услугам, сэр.

— Вы в смятении, Леон.

Грузный мужчина вздохнул и поудобнее устроился в кресле.

— Я просто не хочу новых сюрпризов.

— Вроде моего участия в недавней шумихе в Израиле.

— Вашего и мистера Стонагала, да, сэр.

Карпати закрыл лицо руками и потер глаза.

— Нам надо также прояснить роль мистера Стонагала, Леон.

— Прояснить?

— Вы должны понимать, что хотя он участвовал в этом деле вместе со мной и именно он решил, что вас не следует информировать, это было сделано по моей просьбе. На самом деле, он тоже служит мне.

— Он служит вам? Разве его финансовые ресурсы не превышают даже?..

— Мои? Да. Но вы должны понимать, что он, по сути дела, просто исполнитель заказа.

Фортунаго казался искренне удивленным.

— Это действительно так? Я думал, что новое золотое правило состоит в том, что тот...

— ... кто платит, тот заказывает музыку. Да, это не ново и не оригинально, и факт в том, что это не является истиной. Мой ресурсный потенциал неограничен, и я ожидаю не только получить доступ к состоянию Стонагала, но однажды и завладеть им.

— Неужели?

— Если вы в это не верите, Леон, то, возможно, вам лучше работать на него.

Фортунато покачал головой, и Карпати заметил печаль в его глазах.

— Не сомневайтесь, Николае. Я поставил на вас, и хотя вы, похоже, этого не цените, я готов доказать вам это.

Карпати внимательно рассматривал его. Лучшего нельзя было ожидать.

— Вы понимаете, что эта комната — то есть весь дом — проверен на предмет «жучков».

У Леона был подавленный вид.

— Конечно, сэр. Я сам за этим следил.

— Именно поэтому мы находимся здесь. Леон кивнул.

— Может, пройдемся? И будьте готовы пообедать со мной. Чего бы вам хотелось?

Николае встал и позволил Леону помочь ему надеть пиджак, затем позвонил Вив Айвинз и попросил ее отправить на кухню их заказ. Когда они вернутся, обед уже будет сервирован.

Шагая по просторному поместью, возвышавшемуся над обширной столицей Румынии, Николае вспомнил об их первой прогулке после знакомства и как он ощутил в этом непривлекательном итальянце со множеством связей потенциал делателя королей.

В самой высокой точке своего имения Николае внезапно остановился и обернулся к Фортунато. Два первых телохранителя Карпати держались позади на расстоянии при-

мерно пятнадцать ярдов, еще четверо стояли на своих постах дальше по всем сторонам.

— Я хочу стать следующим президентом республики...

— Я знаю. Я сейчас собираю команду...

— ...но я решил, что не стану дожидаться следующих выборов.

— Не понял.

— Конечно, вам не понять, Леон. Вы однажды сказали мне прямо здесь, что вы делаете все, о чем я попрошу, до последнего слова.

Фортунато поднял брови.

— Но вы же не предполагаете...

— Я ничего не предполагаю. Я говорю, что хочу, чтобы Василе ушел, а я сел на его место. Вы можете это сделать или нет?

— Сделаю, что смогу.

— Уж сможете.

— Я беззаветно предан вам, но поймите — я полагал, что вы начнете избирательную кампанию и будете избраны традиционным путем, и я был уверен в вашей победе.

Николае небрежно сел на выступ скалы и оперся локтями о колени, подперев руками подбородок.

— Меня от всей этой идеи тошнит, к тому же это слишком долго. Мне нужно прямо сейчас.

— Но это определяется протоколом, законом, порядком смены власти!

— Меня не интересуют препятствия, Леон. Мне интересен только итог.

— Георге Василе гордый человек, Николае. Он так просто не сдастся.

— Мне наплевать, как легко он сдастся. Я просто хочу, чтобы он сделал это по собственной воле, чтобы я занял его место с его благословения, чтобы он заставил правительство и народ не только принять это, но и ратифицировать.

— Но как?

Карпати многозначительно посмотрел на Фортунато:

— Я сам должен все делать? Вы хотите, чтобы я сам составил и осуществил план?

— Нет, я... просто я...

— Вы так очарованы Стонагалом, а вы знаете, что у Джонатана собран компромат на бизнес Василе?

— Ну, это удачно и может пригодиться стратегически, но...

— Может? Этот человек получает откаты на миллиарды долларов по государственным контрактам прямо сейчас! Каждая единица вооружения, например, превращается в колоссальный бонус к его тайным банковским счетам!

— Но его предприятия наверняка в трастовых фондах, пока он у власти.

— Ой, Леон! Вы что, и правда верите, что президент Василе откажется от всего своего состояния, чтобы жить на зарплату госслужащего?

— Ну, я...

— Конечно, нет, и он не отказался и не откажется, — сказал Николае. — Этот чело-

век замешан не только в политическом скандале, но также в преступлениях против собственного народа.

— Если то, что вы говорите, правда, мы можем в буквальном смысле слова шантажировать его, чтобы вынудить уйти. Уничтожить его. Разорить. Или пригрозить ему этим.

Николае медленно кивнул:

— Если придется. Но дело не обязательно дойдет до этого. Я не хочу принимать власть из рук свергнутого правителя. С одной стороны, мне будет труднее обойти систему. Я говорю вам, что инициатива должна исходить от него, чтобы это было его идеей. Я должен нехотя согласиться на эту роль с его полного согласия, равно как со стороны народа и правительства.

— Это нелегкая задача.

— Вы же хотели серьезного поручения. Вот, берите.

* * *

Ирэн Стил приняла трудное решение — и понеслось. Ее муж все реже посещал церковь вместе с ней, ее духовно развращенная дочь уехала в Стэнфорд, так что Ирэн сменила церковь и стала брать с собой Рэйми. Как же хорошо было слушать поучения и проповеди близкого, словно отец, Вернона Биллингза в церкви Новой Надежды. И каж-

дое воскресенье видется с дорогой подружкой Джеки. Да и Рэйми все очень нравилось в этой церкви.

Она понимала, что это раздражает Рэйфорда. Он посещал церковь не чаще чем раз в два месяца и спал на проповеди или играл в гольф по утрам в воскресенье. Он захотел было завлечь в это дело и Рэйми, смотря вместе с ним спортивные передачи, когда бывал дома. Мальчик соглашался, но неохотно, и Рэйфорд поделился с Ирэн своими опасениями.

— Ему же не обязательно быть спортсменом, — говорил он. — Но зачем он превращает каждую игру в возможность наставлять меня? Если бы я хотел знать, чему его учат в воскресной школе или церкви, я бы туда ходил.

Ирэн придержала язык, хотя это было и непросто. Не так давно она сказала бы ему, что он *обязан* туда ходить. Он совершенно забросил это, и последний раз он появлялся в церкви утром в воскресенье на Рождество, когда Рэйми, натянув банный халат, играл пастуха в детской пьесе. Рэйфорд приехал отдельно от них и уснул сразу же, как только Рэйми сыграл свою роль.

Ирэн так и подмывало наброситься на него с упреками, спросить, да кто он такой... спросить, чего он так боится. Но она училась. Медленно, болезненно — но училась.

Джеки посоветовала ей обратиться к пастору за советом насчет Рэйфорда, и пре-

подобный Биллингз привел на беседу свою жену — отчасти ради общества, отчасти для разговора. Они убедили Ирэн, что лучше всего ей перестать пилить Рэйфорда. Но рассказ Джеки о том, как она привела своего мужа к вере любовью, оказал на Ирэн большое впечатление. Она сказала Биллингзам, что отчасти именно поэтому она против их предложения попытаться привести Рэйфорда для разговора с ними.

— Он еще слишком далек от этого, — сказала она. — Между нами словно существует молчаливое соглашение. Я не принуждаю его посещать церковь, а он не мешает мне посещать церковь Новой Надежды.

Решение далось Ирэн нелегко. Она привыкла делать обманчиво пассивные замечания, и для нее было неестественно мириться с неуклюжими оправданиями Рэйфорда. Она не могла забыть своей последней вспышки и стыдилась ее. Он сказал что-то о том, что на самом деле хотел бы пойти, но ужасно устал, и потому ему правда нужно отдохнуть.

— Словно посидеть небольшую часть утра на церковной скамье тяжелее, чем загнать мячик в восемнадцать гольфовых лунок, — сказала она.

К его чести, он просто промолчал и вышел в припадке раздражения. Она была благодарна ему за это.

Возвращаясь домой после убедительной проповеди, они с Рэйми по дороге традиционно перекусили в фастфуде. Ирэн не могла

дождаться возвращения Рэйфорда с гольфа. Но когда он вернулся, она просто потрясла его.

Неудивительно, что он был осторожен и тих. Он просто хотел расслабиться и посмотреть телевизор. Она хотела, чтобы он немного побыл с Рэйми, конечно же, но ей приходилось искать силы, чтобы просто любить и принимать его таким, как он есть.

— Как сегодня игра? — сказала она, обнимая его.

Рэйфорд был откровенно ошеломлен.

— Да как всегда, — сказал он. — Пару лунок сделал профессионально. Заставил остальных постараться с прочими.

— О, я знаю, что ты куда лучше играешь, — сказала она. — Готова поспорить — у тебя лучший счет.

У него был растерянный вид.

— Вообще-то сегодня выиграл Джек, но я отстал всего на один удар.

— Ну вот! Если бы у тебя было больше времени на то, чтобы играть, ты бы постоянно выигрывал!

— Я тоже так думаю.

Когда он начал рыться в буфете, чтобы найти что-нибудь перекусить, Ирэн сказала:

— Сейчас приготовлю, милый.

И снова он с подозрением посмотрел на нее. Она даже предложила ему выпить кока-колы, чтобы только он не пил в присутствии Рэйми — она ощутила исходящий от него запах алкоголя.

Он помялся, словно хотел пива или чего покрепче, но уступил, и она усадила его за стол с чипсами и соусом.

— Покатаемся сегодня на джипе? — крикнул Рэйми, пробежав через весь дом.

Обычно Ирэн взглядом укоряла Рэйфорда, когда он опять отказывал мальчику после многократных обещаний. Но сейчас она просто ждала в кухне, где они ее не видели, надеялась и молилась.

— Может, на следующей неделе, — сказал Рэйфорд. — Давай вместе посмотрим игру, а?

— Может, на следующей неделе, — ответил Рэйми, и Ирэн была потрясена.

— Не говори, что я не спрашивал, — сказал Рэйфорд.

— Тогда не говори, что ты не обещал.

Ирэн услышала, как захлопнулась передняя дверь и как Рэйфорд крикнул:

— Эй! Рэйми!

Ей страшно хотелось выругать Рэйфорда и спросить, чего он вообще ожидал, но она просто вошла и села рядом с ним смотреть игру.

Позже, укладывая Рэйми, она попыталась убедить его понять отца.

— Я знаю, что папа много раз разочаровывал тебя, но мы должны любить его и принимать таким, какой он есть. И разве тебе трудно поступать правильно, хотя он так и не поступает?

— «Медведей» с ними, что ли, смотреть? Ты же знаешь, я больше баскетбол люблю. Весной буду смотреть с ним «Быков».

После того как они вместе помолились, Рэйми сказал:

— Мам, а папа попадет в ад?

Она вздохнула:

— Честно говоря, я не могу тебе этого сказать. Он утверждает, что верит в Бога, и не нам судить.

— Ладно. Я не дам ему попасть в ад. А что если его самолет разобьется, или его машина собьет, или?..

— Рэйми! Пожалуйста, не говори так!

— Ну, это либо правда, либо нет, мам. То есть пастор Биллингз все время про это говорит. Мы не знаем, сколько нам осталось.

— Я знаю.

Может, Рэйми сумеет привести Рэйфорда к Христу. Вот за это Ирэн не беспокоилась.

* * *

Люсинда Вашингтон, глава чикагского отделения «Глобал уикли», настояла, чтобы Кэмерон Уильямс посетил ее в следующий раз, как приедет в город. Это случилось вскоре после того, как вышла его статья о неудачном русском налете на Израиль.

«Тебе надо поговорить со мной, и ты это знаешь», — написала она ему по электронной почте.

Она была права. И хотя она отказывалась называть его по прозвищу, ему было

приятно видеть ее и говорить с ней. Она была ему как вторая мать. Ей было за пятьдесят, грузная, с шоколадной кожей, она была любимицей своих подчиненных и стояла за них стеной. Казалось, они особенно ценили то, что она, выдвинувшись из их среды, став начальницей, не переехала в угловой кабинет.

— И чего я там не видела? Разве что побольше улицы за окошками. Ответственность не кабинетом измеряется. Она идет из сердца.

— Ну, давай, — сказал Бизон, но она просто села и покачала головой.

— Я вычитала кое-что в твоей статье, Кэмерон, — начала она.

— Я уж догадался.

— Между строк, — добавила она.

— Да, я понял.

— Господь привлек твое внимание, не так ли?

Бизон сидел к ней лицом в ее загроможденном маленьком кабинете, неуклюже сгорбившись в кресле с прямой спинкой, скрепив ноги прямо в углу ее стола. Он кивнул.

— Будь ты моим сыном, я бы тебе задницу то надрала, чтобы так не сидел.

— Но теперь-то тебе уже не приходится лупить Лайонела? — усмехнулся Бизон, глядя на фото ее симпатичного младшего сына.

— Да мне уж его и не догнать, но он в курсе, что я до сих пор могу вздуть его.

Лайонелу было около двенадцати. Бизону хотелось продолжить разговор о мальчике,

чтобы Люсинда не лезла ему в душу. Хотя он и восхищался ею, она от него не отстала бы.

— И я пока еще могу привести тебя в чувство, мистер старший репортер. Скажи, где ты взял Писание, которое цитируешь в своей передовице. За мной следят орлиным оком, так что мне вряд ли удастся избежать этого вопроса. А то, понимаешь ли, начнешь проповедовать свою веру.

Бизон рассказал ей, что Хаим Розенцвейг, откровенный агностик, как и он сам, свел его с религиозными учеными.

— А мне ты позвонить не мог? Я Писание знаю лучше, чем эти старые дураки, и вижу в Ветхом Завете то, что они просмотрели.

— Ты бы показала мне те же самые цитаты?

— Да, конечно! Это же первое, что пришло мне в голову, когда я услышала, что массивный налет провалился. Это же было предсказано, малыш. Это не должно удивлять никого, кто хоть немного знаком с Библией. А ты не знаком.

— Я знаком.

— Ты мало знаешь, но, смею заметить, то, что ты узнал, потрясло тебя до глубины души.

— В этом ты права, Люси.

Она склонила голову набок и сердито посмотрела на него:

— Люсинда.

Вот уж что угодно, но не Люси — она миллион раз говорила ему.

— Кэмерон, почему бы твоей башке из Лиги Плюща не признаться, что ты знаешь

отнюдь не так много, как считаешь, немножечко смирить себя и сходить в церковь со мной и моей семьей? С одной стороны, это будет культурный опыт, которого ты прежде не испытывал. Даже если наш энтузиазм, музыка и все такое прочее слишком для тебя, но если ты откроешь уши — и разум, — ты сможешь узнать что-нибудь от людей, которые, как ты думаешь, ничему тебя научить не могут.

— Не надо так говорить, Люсинда. Я уже не раз говорил, что многому научился от тебя.

Она оценивающе посмотрела на него.

— Господь намерен достучаться до тебя, парень. То есть ты оказался в нужном месте, когда все стряслось. А затем ты прочел древний текст, написанный словно бы вчера. Ты не можешь отрицать этого чуда. Ты не можешь не увидеть длани Господней. Ты даже не можешь утверждать, что до сих пор остаешься агностиком.

Бизон покачал головой:

— Ты, как всегда, права.

— До Иисуса тебе остался только шаг.

— Об этом я ничего не знаю. Не могу отрицать сверхъестественности случившегося. Иначе все это просто бессмысленно. Но если Бог защитил Израиль...

— Если?

— Ладно, почему Бог защитил Израиль, страну, где отрицают, что Иисус — Мессия?

— М-м-м, — сказала Люсинда. — Значит, ты все же умеешь думать. Ладно, позволь

тебя спросить — а ты бы лучше хотел Бога, Который обращался бы со Своими детьми так, как они заслуживают? Библия называет евреев Его избранным народом. Он не станет их «разызбировать». Он сделает то, что обещал, как бы они себя ни вели.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Хлоя Стил и ее соседка по комнате шли по кампусу Стэнфорда к общежитию после волейбола в закрытом зале. Хлоя чувствовала себя грязной в наколенниках и потной униформе.

— Ну? — в полумраке спросила Эми.

— Что — ну?

— Ты опять отворачиваешься. Плачешь?

Хлоя выругалась.

— Я не хотела!

— Это трудно, — ответила Эми.

— Он этого не заслуживает!

— Ты права, Хло, не заслуживает. Но он долгое время был большой частью твоей жизни.

— Даже не целый семестр. На самом деле, всего пару месяцев.

— Но ты его любила. Так что нормально, что ты тоскуешь.

— Если бы я тосковала! Я хочу, чтобы Рики сдох!

— Не надо так говорить!

— После того как он со мной обошелся? А теперь уже и женился? Нет уж, пусть сдохнет.

— Я сама через такое прошла, понимаешь ли, — сказала Эми, когда они поднимались по лестнице.

— Да? Я и не знала.

— В первом семестре последнего класса школы.

— Год назад?

Эми кивнула.

— Расскажи. Хуже всего чувствовать себя такой особенной, такой одинокой.

— Шутишь, Хлоя. Если бы мы открыли клуб, то нам пришлось бы собираться на стадионах. Всем доставалось.

— Да, правда? Меня это просто расплющило.

— Его жена с ним расквитается, Хлоя.

— Повтори.

Эми запрокинула голову и рассмеялась.

— Это все, что тебе нужно? Ты хочешь, чтобы Рики сдох, и приговождаешь это этим «Повтори»? Это ты, красноречивая моя?

Хлоя не могла не улыбнуться.

— Я могу потратить время, которого он не заслуживает, на изобретение креативных оскорблений.

— Еще более креативных? Типа, что его мамаша носит берцы?

Они вошли в свою комнату, и Хлоя упала на кровать.

— Просто это так бесит! Хочется кого-нибудь отпинать, морду набить.

— Рики.

— Да, но нет. Я даже не могу выразить, как он меня задел. Мне надо куда-то выпустить мою злость.

Эми села на пол возле постели Хлои.

— Какой у тебя средний балл?

— Ты знаешь.

— Да, он выше среднего. Но ты способна на большее.

— Ты что, мой декан?

— Нет, просто говорю.

— И?.. — сказала Хлоя.

— Направь свою злость в это русло. Ты можешь учиться лучше. Ты можешь выйти на 4.0 и закончить с отличием.

— Да ладно!

— Можешь! Я знаю тебя. Ты в шаге от полного отличного аттестата. Я вижу, как ты работаешь, читаешь, учишься. Добейся этого, Хлоя. Хотя бы подумай об этом.

Хлоя повернулась на бок.

— А ты будешь это делать вместе со мной?

— Ха! Да никогда в жизни! Я здесь, чтобы еще и развлекаться, и в любом случае я могла бы работать вдвое усерднее тебя — эй, я и работаю, — и успехи мои вполтину хуже твоих. Это нечестно? Но я помогу тебе. Откажись от внеклассных занятий — может,

кроме чего-то одного, кроме волейбола, ты в нем не очень.

— Еще бы!

— Но, возможно, тебе нужно бросить все, кроме дебатов, и окунись в учебу.

— И никаких парней?

— Шутишь? Над тобой же смеяться будут, если ты, еще хныча по своему прежнему парню, начнешь с кем-нибудь встречаться. То есть ты уже свободна? Правда?

— Нет.

— Тогда на время спиши парней со счетов. Долго в одиночестве не останешься. Я же вижу, как парни об тебя глаза стирают.

— Неправда!

— Правда-правда! Я делаю вид, что это они на меня смотрят. Не говори, что ты не замечаешь, Хлоя. Даже не пытайся обмануть меня.

— Ну, немножко.

— Как бы то ни было, подумай об этом. Круто будет быть накоротке с девчонкой, которая добилась первого места!

— В академическом смысле? На самом деле, никому такого не удавалось.

— Тогда стань первой.

* * *

Абдулла Абданех, ярый поклонник западной культуры, особенно американской, из-за этого известный в иорданских ВВС как Абдулла Смит, слетел с катушек.

Его жена, Ясмин, отреклась от ислама и стала христианкой. Он запретил ей, они поссорились, и она ушла от него вместе с детьми. И он покатился под уклон, стал пить и таскаться к женщинам определенного сорта. И это открыло всем, что он и сам лишь прикидывался верным Аллаху, и теперь он жил в маленькой казарме на авиабазе Аммана.

Абдулла долго был звездой. Молодой, решительный, щеголеватый, он был предметом восхищения старших по званию и равных. Но сейчас он чувствовал их жалость и ловил косые взгляды. Как же низко он пал! Ему едва хватало сил, чтобы заставлять себя встать с постели утром и делать вид, что молится. Он выполнял свои обязанности как автомат, никогда не улыбался, редко разговаривал. Его непосредственный начальник сказал Абдулле, что тревожится за него, но Абдулла заверил его, что у него просто депрессия — вроде того.

— Само пройдет, — сказал он. — Я по-прежнему верю, что время излечит меня, если Ясмин позволит мне видеться с детьми.

— Ты не можешь ее вернуть? Она так хорошо влияла на тебя.

Абдулле не хватило мужества сказать ему, что жена для него практически умерла. Он должен был считать ее мертвой, это окончательно. Временами он был уверен, что Аллах простит его, если он ее убьет. Вообще, возможно, Аллах этого и хочет.

Но Абдулла не мог — вопреки себе, всему, что он знал, он по-прежнему любил Яс-

мин всей душой. Он скорее наложил бы руки на себя, чем поднял бы руку на нее. Может, она еще раскается в своем кощунстве и вернется к исламу и к нему.

Но он знал, что такого не будет. Хотя он порвал на клочки многие ее письма, некоторые все же сохранил. Он ничего в них не понимал, кроме одного — она была крепка в новой вере. И она умоляла его подумать об этом самому. Ясмин Абданех невозможно было переубедить.

* * *

Все то, что прежде так привлекало Рэйфорда в Ирэн, теперь раздражало его. Ее придиричивость, например. Он знал, что ведет себя иррационально. С чего бы иначе его так бесили проявления лучших черт ее характера? Рэйфорд все больше начал подозревать Ирэн — ну надо же! Смена церкви не сделала ее более надоедливой, как он опасался. Напротив, она стала ласковее, с ней стало проще. Внезапное одобрение его воскресных игр наверняка какая-то уловка, но она вроде была искренне заинтересована, она собирала его одежду, помогала ему готовиться. И в то же время готовилась к поездке в церковь вместе с Рэйми.

Утром в будни, особенно когда у Рэйфорда был выходной, все было точно так

же. Он вставал рано, даже если ему не надо было в полет, но редко ему удавалось встать раньше ее. Аромат ее особенного кофе, поставленного на автоматический таймер для подогрева к шести утра, рано поднимал его. И хотя он пытался, ему редко удавалось выбраться из постели и одеться в спортивный костюм к тому времени, как ее радио, настроенное на волну неутомонно радостной местной христианской станции, начинало свое вещание в шесть тридцать.

Ирэн привыкла складывать Рэйфорду одежду, включать в тренажерной комнате телевизор, настроенный на спортивный телеканал ESPN, и заботилась о том, чтобы ко времени, когда он пойдет в душ, ванная комната была свободна. Когда он спускался вниз по лестнице, Ирэн открывала шторы на окнах с передней и задней стороны дома, и солнце заливало все внутри. Она становилась воплощенной мечтой, и почему-то это его бесило.

Нет, она не стала чем-то вроде крошки Золушки. Он мог заметить, когда разочаровывал ее, раздражал, когда она была готова наброситься на него. Но каким-то образом она сдерживалась. Она могла уйти, громко хлопнув дверью, но когда брала себя в руки, снова становилась милой, услужливой и даже любящей. Она прощала его даже тогда, когда он не просил прощения, и это доводило его до бешенства.

Рэйфорд устал от пилежки и вытекавших из этого ссор, по большей части из-за церк-

ви, из-за его свободного времени, из-за того, что он слишком мало уделяет внимания Рэйми. Но сейчас, в нынешней ситуации, Ирэн словно смотрела на все это сквозь пальцы. Он знал, что именно эти проблемы прежде всего беспокоят его жену, и ему было бы легче ругаться по их поводу, чем делать вид, будто бы их не существует. С другой стороны, если она спускает все на тормозах, он сможет к этому привыкнуть.

Пока Рэйфорд крутил педали своего велотренажера или толкал штангу, пытаясь сосредоточиться на спортивных новостях, он не мог отрицать, что понимает, что так раздражает его в Ирэн. Она приближалась к сорока. Во многом он гордился ею. Она тоже занималась спортом, держалась в форме, и он без смущения представлял ее как свою жену. Она никогда не была классической красавицей, не кружила головы, но сохраняла юношескую привлекательность, ее можно было назвать жизнерадостной. Она была личностью. Она нравилась людям.

Так в чем проблема?

Проблема звалась Хэтти Дюрхэм.

Рэйфорд не мог выбросить ее из головы. Молоденькая, высокая, фигуристая, белокурая, яркая. И хотя Рэйфорд никогда не верил старинной поговорке о том, что все блондинки — дуры, он по жизни знал многих весьма умных, Хэтти действительно не была светочем разума. Она не была тупой — скорее, толковой, и хотя уже стояла в двух шагах от должности старшей бортпроводницы, она до

сих пор стеснялась своего грядущего двадцать седьмого дня рождения. Но пока она была очень молоденькой двадцатилетней, несмотря на то что успела повидать мир. Она не была слишком начитана, не следила за новостями, и, казалось, ее интересы не выходили за пределы личных.

Но смотреть на нее было очень приятно. И находиться рядом с ней тоже. И было понятно, что она влюблена в Рэйфорда — это заставляло его неукоснительно соблюдать дисциплину смысле ежедневных тренировок. Надеялся ли он, что из флирта Хэтти что-то может выйти? Он не собирался рисковать своим браком, семьей и репутацией из-за интрижки в зрелом возрасте.

Если бы Ирэн была мегерой, свободно-мыслящие люди могли бы понять его интрижку с молоденькой женщиной. Никто из тех, кого он знал, не оспаривали его вкуса, хотя порой оспаривали его суждения. Рэйфорд был уверен, что Ирэн вот-вот оттолкнет его из-за каждодневных попреков и уговоров. Из-за этого он все больше ждал полетов с Хэтти. Даже шаг его становился более пружинистым, когда он узнавал, что она в списке экипажа.

Но сейчас Ирэн внезапно стала вести себя так, словно они снова ухаживали друг за другом. Она почему-то так старалась! Сразить его своей добротой? Попытаться доказать, что ее новообретенная религия на самом деле переменила ее? Лучше бы она была его по голове Библией каждый день.

Несмотря на его смятение, хотя бы окончание ссор дало ему некий мир в душе. Беда была в том, что Ирэн имела право настаивать на своем по поводу Рэйми. Рэйфорд сделался просто нерадивым папашей. После того как он прежде успешно выкраивал время для малолеток — особенно когда малюткой была Хлоя, его женское воплощение, — он совершенно упустил Рэйми.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Бизон, как и все, был встревожен распространением войн по миру и следующих за ними природных катаклизмов. За месяцы, последовавшие за попыткой вторжения России в Израиль, в США было зарегистрировано рекордное количество торнадо, землетрясений, ураганов и лесных пожаров. Президент Джералд Фитцхью столько раз объявлял об очередной зоне катастрофы, что это уже не воспринималось как новость. Благотворительные фонды агрессивно рекламировали себя, сражаясь за финансы, объявляя, что одни районы нуждаются в помощи больше, чем другие, хотя на самом деле все районы, попавшие под удар стихии, в результате оставались без помощи.

И война. В Южной Африке сразу в нескольких странах вспыхнула революция. США заявили о новых, более жестких санк-

циях против Кубы за нарушения прав человека, и в отношениях США с Россией возникла новая холодная война. Арабо-израильский конфликт разгорелся с новой силой. Северная Корея угрожала всему полушарию.

Каждый день приносил новые страшные известия о конфликтах и катастрофах, и даже Бизон начал соглашаться с тем, что в воздухе просто ощутимо повисла опасность. Успокоение он находил в ежедневной переписке по электронной почте с Люсиндой Вашингтон.

«Никто в Нью-Йорке не заинтересован в моем мнении, — написала она как-то утром. — Но ты же понимаешь, что что-то грядет, Кэмерон. Не может быть, чтобы дела становились все хуже без того, чтобы где-то был просвет».

Что он мог ответить? Пророки конца света предсказывали конец того мира, который он знал, но как это будет? Весь мир взорвется? Пандемия унесет больше половины жизней по всей планете? Разразится Третья мировая? Что?

Бизон поймал себя на мысли, что ему хочется знать, что на этот счет думает его невестка. Шэрон единственная в семье была религиозна, что привело практически к полному отчуждению с мужем, братом Бизона Джеффом, и дело шло к разрыву со свекром.

Но после смерти матери его перестали звать домой. Бизон чувствовал, что его там не желают видеть. И хотя Шэрон с удоволь-

ствием поддержала бы тему, которая так волновала его, он понимал, что нечего искать настоящего ответа у родственников.

По обе стороны баррикад в вопросе о будущем имелось огромное количество экспертов, которые вещали о том, куда катится общество. Но ему не заказывали репортажей на эту тему. Его епархией были ударные международные новости, геополитика. Остальное он оставлял редактору по религиозной тематике, лично заинтересованному в этом вопросе.

* * *

Леон Фортунато был поражен сходством румынского президента Георге Василе с собой — только тот был старше. Они были одинакового роста и сложения, хотя у президента волосы были совсем седыми и лицо гораздо шире. Ему было уже под семьдесят, это был лишенный юмора политик, но на публике он был улыбчив и общителен. Он говорил народу, что его старое тело выдержит еще один срок, и, судя по голосам, он шел с огромным перевесом относительно других кандидатов.

Но подсчет голосов не отражал никоим образом его соперничества с гораздо более молодым Николае Карпати. Еще никто не выходил в президенты напрямую из ниж-

ней палаты парламента. Однако всем был известен харизматический сторонник мира, красноречивый и решительный, внушающий к себе любовь соратников по партии и пользующийся уважением оппозиции.

Василе с явным удивлением читал карточку Леона.

— Я встречаюсь с вами, господин Фортунато, не потому, что у меня много времени и не потому, что вы мне интересны, а потому, что меня попросил об этом одолжении господин Карпати. Вы ведь его начальник выборного штаба?

— Я много кем служу ему, — сказал Леон, серьезный до мозга костей. — Но, да, будучи членом его окружения, я являюсь начальником его штаба.

Василе обошел свой чудовищных размеров стол черного дерева, который, казалось, прямо там и вырос, простояв на этом месте не одну сотню лет. Президент сел напротив Фортунато за маленьким столиком, кругленьким, как оба собеседника.

— Я и не знал, — сказал Василе, — что у членов нижней палаты парламента есть штаб, что уж говорить о начальнике оного.

Фортунато улыбнулся, пытаясь смягчить остроту укола.

— Вы прекрасно понимаете, что доктор Карпати больше чем просто политик. Влияние его велико и разнообразно.

— Доктор Карпати? Ах да, адъюнкт-профессор. Я осведомлен об интересах и влиянии этого сосунка.

— Он вовсе не мальчишка, господин президент, несмотря на свою молодость.

— Это только ваши слова.

— А вам не приходилось сталкиваться с противодействием доктора Карпати вашим собственным инициативам? — сказал Фортунато, все время что-то карябая в своем блокноте, чем явно привлекал интерес Василе.

— Конечно. Что вы имеете в виду? Он часто и громко выступал против наших инициатив в делах обороны, несмотря на то что сам преподает в военных академиях. Его связь с академиями и в то же время его нудное потворство толпе своими миротворческими стремлениями откровенно показывают его цель однажды спихнуть меня с моего места.

— Однажды? — небрежно повторил Фортунато, все еще делая заметки. Теперь Василе наклонился поближе, чтобы увидеть, что он там пишет. Но Фортунато перевернул бумагу обратной стороной и пододвинул ее к президенту.

Вы в курсе, что господин Карпати является партнером Джонатана Стонагала? Он это предугадал и прекратил все транзакции. Все.

Фортунато едва удержался от усмешки, когда Василе побледнел и прокашлялся. Он посмотрел на часы, встал и застегнул свой пиджак.

— Как у вас с расписанием, господин Фортунато? Я хотел бы вас угостить своим любимым напитком.

Фортунато, решительно игнорируя протокол, остался сидеть, когда президент встал.

— Я не очень люблю крепкий алкоголь, господин президент, — ответил он, — но я попробую, если вы настаиваете. Полагаю, что раз это ваш любимый напиток, то у вас тут хорошая коллекция?

Василе ожег его взглядом.

— У меня есть любимое местечко, куда я хотел бы пойти.

— О, мне и здесь хорошо, — ответил Леон, что заставило Василе схватить ручку и написать:

ЗДЕСЬ ПРОСЛУШКА!

Фортунато, конечно, знал, что президентский кабинет прослушивается и что любой подобный серьезный разговор необходимо вести где-нибудь в другом месте.

— Хорошо, — сказал он, вставая и надевая пиджак.

Василе сказал своему секретарю отменить все встречи, передать начальнику охраны, чтобы готовил машину, и заказать столик в «Кэруцаш». Он добавил, что хотел бы остаться наедине с Фортунато, так что Леон сделал вывод, что охранники будут достаточно близко, но не настолько, чтобы подслушать разговор.

Интересный выбор, «Кэруцаш». Леон, который солгал насчет своего безразличия к крепким напитками, хорошо знал это место. Это была забегаловка меньше чем в двух милях от здания законодательного собрания, и завсегдатаи привыкли оставлять президента наедине с его выпивкой, как только замечали его там.

Леону нравилась пышность и обстановка, возникавшая при появлении президентской машины. Горожане толпились на улицах, надеясь хоть одним глазком взглянуть на человека, которого много лет видели по государственному телевидению. Когда они окружили машину, их оттеснила тайная полиция, и вскоре Василе и Фортунато вошли в заведение.

Понимая, что телохранителям потребуется некоторое время, чтобы проводить президента к его любимому бару, Леон выпрыгнул из машины, как только они остановились, и вбежал внутрь, спросив хозяина, знает ли он, что приехал Василе.

— Конечно. Мы готовы.

— Я с ним, — сказал Леон, всовывая хозяину в ладонь крупную купюру. — Какой любимый напиток президента?

— Русская водка.

— Чистая?

— Да.

— Наливайте мне воду, что бы я ни просил. Ясно?

— Понял.

Через несколько минут Фортунато и Василе вошли в забегаловку, посетителей оттеснили, а прохожие пялились на происходящее.

Когда принесли водку и два стаканчика, Фортунато запаниковал.

— Простите, — прошептал он, подзывая официанта. — Глава государства не должен сам себе наливать!

— Ерунда, — ответил Георге Василе.

Но Фортунато настаивал, и хозяин, с поклонами и извинениями, унес бутылку и стаканы, затем вернулся с наполненными. Он подмигнул Фортунато, и Леон, облегченно вздохнув, понял, что в стакане вода.

— Наглость какая, — прошептал Леон.

— Да ладно! Меня тут знают. Я часто сам себе наливаю.

— Вы не должны так делать. Никогда. Вы глава этой страны. Это требует определенного почтения.

— Но не в баре же. Здесь я просто человек.

— Такого нельзя допускать. — Леон мог поручиться, что произвел впечатление на этого человека. Интересно, обращался ли глава штаба Василе к своему хозяину таким же образом. Он не знал ни одного лидера, чье эго не желало бы такого отношения.

Когда Фортунато открыл было рот, чтобы заговорить, Василе поднял руку, призывая к молчанию, залил в себя один стакан и поднял его для очередной порции водки.

Леон подозвал хозяина, который и выполнил эту задачу. Леон едва успел отпить своей водички.

— Отлично, — сказал Василе.

— Да? Вы понимаете? Именно так вас и должны обслуживать!

— Понимаю. — Василе прикончил второй стакан и со стуком поставил его на стол.

— Еще? — спросил Леон.

— Позже, — ответил Василе. — Говорите, что вы там хотели?

Фортуна то нравилась откровенность власть имущих. У них не было времени на расшаркивания и пустые разговоры, и Леон в любом случае пришел сюда не ради этого.

— Я хочу сказать, что ваше состояние, которое, как считает народ, соответствующим образом вложено в трастовые фонды на время вашего президентства, управляется не только Джонатаном Стонагалом, но и Николае Карпати.

Василе замер, уставившись на Леона.

— И что из этого вытекает?

— Вытекает? И вы еще спрашиваете? Вы же не думаете, что румынский народ верит, будто ежегодное пособие вашей жене выплачивается только из вашего президентского жалованья? А содержание роскошного поместья вашего сына? За счет его прибыльного предприятия по разведению породистых лошадей? Но мы же оба в курсе, что это карточный домик. На самом деле все обеспечивается вашими личными золотыми запасами,

американскими фондами и акциями, азиатскими ценными бумагами, европейскими земельными владениями. Если просочится хоть слово, что вы все это финансируете, сэр, абсолютно криминальными доходами, ну, все здание начнет рушиться.

Василе прищурился и подался вперед.

— И Карпати все это знает?

— А как иначе я бы это узнал?

— И он сам неуязвим, если у него такая информация, и он ею не поделился?

Фортунато выпрямился, по-прежнему не повышая голоса.

— Никто не может определить, когда эта информация попала к нему. Но вы сами знаете, что информация — это власть. У него есть и то и другое. Он не желает униженно, неохотно, печально выступить и заявить о своем ужасном разочаровании в достойном противнике, которого он долгое время уважал, не смотря на политические разногласия.

— Но ведь он это сделает, не так ли?

— Конечно, сделает. — Фортунато было жарко в прокуренном, людном баре, и он сбросил пиджак.

Президент, раскрасневшийся и потный, не просто не снял пиджака, но даже ни пуговицы не расстегнул. Он скрестил руки, печально опустил голову. Посмотрел на Леона, затем на стол.

— Итак, это шантаж?

— Именно, господин президент.

Василе облокотился на стол и подпер руками щеки. Он вздохнул, выдохнул, словно

собираясь что-то сказать, затем передумал. Наконец, хриплым шепотом произнес:

— Полагаю, вы готовы сказать мне, чего этот человек хочет.

— Конечно, — заявил Леон.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Итак, вот почему Ирэн грубо льстила Рэйфорду. Она держала его в благодушном настроении, не спорила с ним ни по какому поводу. Она держала с ним визуальный контакт. Она слушала. Она подбадривала его. Короче, она была приятной во всех отношениях.

Но затем Ирэн ласково начала закручивать гайки.

— Я могу с тобой поговорить об одном деле? Только ты обещаешь не обижаться и не волноваться.

Он хмыкнул:

— И что от меня требуется?

— Да нет, ничего. Я просто хотела поговорить с тобой по одному вопросу, который обсуждал с нами пастор Биллингз, но я не хочу, чтобы ты понял все не так.

— И что я могу понять не так?

— Ну, например, ты подумаешь, будто я пытаюсь переубедить тебя, или затащить в церковь, или критикую тебя.

— А ты не пытаешься?

— Нет. Ты же сам знаешь, что я обо всем этом думаю, так что я не намерена ничего затевать. Ты взрослый мужчина и сам принимаешь свои решения, но пастор Биллингз говорил о таких невероятных вещах, что мне действительно очень нужно узнать твое мнение по этому поводу.

Рэйфорд был загнан в угол. Она приперла его к стенке своей лаской, так что он оказался в безвыходной ситуации. Если он откажется от дискуссии, он окажется таким же неразумным, как и она. Если согласится, а выбора, похоже, не было, ему придется выдержать очередной разговор на тему «приди к Иисусу».

— Знаешь что? — осенило его вдруг.

— Что? — спокойно сказала Ирэн, явно готовясь к очередной неуклюжей отговорке.

— Та штука, которую я обещал Рэйми, доставлена, и я должен ее забрать.

— А это не может подождать денек? Да и в любом случае, Рэйф, если ты будешь отсутствовать, твой подарок не будет иметь смысла. Он не подарка хочет. Он хочет общения с тобой.

— Но ведь три новые игрушки сразу! И кстати, это игрушки для большого мальчика! Мы говорили о квадроцикле, снегоходе и велосипеде, когда снег сойдет.

— Ты пытаешься откупиться от него.

Рэйфорд хмыкнул:

— Видишь, какая ты? Видишь, что ты делаешь?

— Извини, Рэйфорд. Я не права. Мне не следовало так говорить.

— Но ты это имела в виду! И ты сама все прекрасно понимаешь. Я просто был слишком занят.

— Закажи все это по Интернету и проведи то время, которое потратил бы на магазин, с сыном.

— Ты просто не понимаешь, когда надо остановиться, да?

* * *

— Сколько? — спросил Георге Василе.

— Сколько? — передразнил Фортунато. — Вы думаете, что сможете купить такого человека, как Николае Карпати?

— Вы о чем?

— Николае Карпати не нужны ваши деньги. Он хочет ваше место.

Василе хохотнул:

— Никогда. Я скорее умру.

Фортунато любил такое больше жизни. С властью, дарованной ему самым властным человеком, какого он знал, он подался вперед, почти уткнувшись носом в нос Василе, и сказал президенту Румынии:

— Это можно устроить.

— Я могу вас расстрелять за один такой намек.

— Но вы этого не сделаете. Если со мной что-то случится, произойдет то же самое, что произойдет, если вы не удовлетворите желание господина Карпати.

— Ну, так поведайте.

— Вот что я скажу вам, господин президент. Мы не начнем с такой банальности, как разоблачение вас в прессе, хотя международные СМИ очень обрадовались бы. Нет, я думаю, мы начнем с вашего сына. Может, конюшня сгорит, пара лошадей погибнет. Это будет сигнал о том, что может случиться с вашими внуками.

Василе побагровел, закипая. Глаза его сузились, и он ткнул в Фортунато пухлым пальцем:

— Вот их вы не тронете. Не осмелитесь.

— Все зависит от вас, сударь. Не от меня. Не от Карпати. Не от Стонагала. Последствия вашего решения полностью зависят от вас. Вы неплохо поцарствовали, сколотили состояние. Уйдите. Наслаждайтесь жизнью. Отступите.

— Румыния — моя жизнь!

— А президентский срок станет вашей смертью. Сдайтесь. Останетесь государственным деятелем. Люди по-прежнему будут вас почитать, если не будут знать о ваших финансах.

Цвет лица Василе перешел от багрового к серому.

— Значит, вы думаете, что если я откажусь от выборов на очередной срок, то это освободит дорогу Карпати?

— О нет, все не так просто.

— Надо же, как я не догадался!

— Вы должны выйти из гонки в течение недели и устроить избрание Карпати.

— Без выборов? Нереально. Есть протокол, и в очереди за мной много кто стоит...

— Вот почему это должны сделать вы.

— Да никто не купится! Нет, мы с Карпати не были злейшими врагами, но все знают, что мы не сходимся в фундаментальных вопросах вооружения. И кто поверит, что я уступлю такому мирному голубку президентство?

— Я не знаю, мистер президент. Но это ваша задача. Ваша работа. Ваша цена.

* * *

Ясмин Абданех, нежная, хрупкая, в ближайшем будущем разведенная супруга Абдуллы, оставила на авиабазе письмо для него. Она хотела встретиться с ним лично, но ей нужно было, чтобы он вел себя цивилизованно. Он немедленно перезвонил ей.

— Даю торжественное обещание, — сказал он.

Абдулла принял душ, побрился, оделся в недавно вычищенную форму, надел чистый тюрбан. Он нервничал, как школьник перед

первым свиданием. Несмотря на всю горечь и ненависть — даже мысли об убийстве, — он так хотел вернуть Ясмин, что был согласен практически на все. Как же он хотел, чтобы она взяла с собой детишек! Его сын и дочь смягчили бы обстановку встречи, заставили их обоих понять, что они потеряли, перестав быть семьей.

Но она приехала одна, как и сказала. И Ясмин была так хороша, что у него дух захватило. Он хотел было обнять ее, но она не ответила на его жест.

— Я люблю тебя, — сказал он. — Мне не хватает тебя, и я все тебе прощу, если ты простишь меня.

— За что нам друг друга прощать, Абдулла?

— Тебе меня — за то, что я не был добр. А я прощаю тебя за то, что это было спровоцировано твоей религиозной неверностью.

— И твоей недобротой, — сказала она, демонстрируя просто бесящее самообладание, целеустремленность и независимость. — Ты признаешься в том, что это повлекло за собой? В своей измене?

— Да, я согрешил. Я был неверен тебе. Я пристрастился к алкоголю. Я стал нерадив. Но Аллах простил меня, и я теперь на пути к духовному обновлению, я молюсь в назначенное время и блюду чистоту.

Выражение лица Ясмин немного смягчилось, и Абдулла воспрянул духом.

— Спасибо, что ты честен со мной, Абдулла. И если ты говоришь правду, то мне

легче на душе. Я уверена, что ты останешься в ловушке, если будешь по-прежнему верен исламу, но то, что ты пытаешься жить, руководствуясь морально, облегчает мне душу, и я могу позволить детям иногда с тобой видеться.

— Иногда? Но почему мы снова не можем жить вместе, жена?

— У них все хорошо. Конечно, им тебя не хватает, но им не хватает отца, которого они знали прежде — дисциплинированного, удостоенного наград пилота. А не человека, который тратит жизнь понапрасну.

— Я же говорил тебе! Я теперь другой человек. Я заново уверовал. Мы должны восстановить семью. Почему ты не слушаешь моих просьб?

Ясмин села и скрестила ноги, пригладив цветную тобу, закрывавшую ее до локтей и прикрывавшую колени. Она очень шла ее смуглой коже.

— Потому что ты хочешь простить меня за то, от чего я не готова отречься.

Абдулла вскочил и стал расхаживать из стороны в сторону.

— Ты решительно отказываешься от верности господу?

— Не моему Господу, — сказала она. — Абдулла, я не могу отвернуться от Христа, точно так же, как не могу отказаться от моих детей.

— наших детей! А от меня ты отказываешься! Ты отвернулась от ислама и Аллаха!

Она подалась вперед.

— Не хочу быть суровой. И конечно, ты волен выбирать, кому служить. Но что касается меня и детей, мы будем служить единственному истинному Богу и Его Сыну Иисусу.

Абдулла закрыл лицо руками и потерял глаза. Его охватила дрожь.

— И ты не боишься гнева Аллаха.

— Я ничего и никого не боюсь, Абдулла. Даже тебя не боюсь. Если Бог за меня, то кто против меня?

Абдулла отвернулся от нее и уставился на пустую площадку перед ангаром, блестящую в жарких лучах вечернего солнца. Он понизил голос и попытался говорить убедительно, хотя слова его были суровыми и угрожающими.

— В нашем правительстве влияние ислама еще достаточно сильно, чтобы я мог получить опеку над детьми.

Он услышал, как она встала у него за спиной, но не обернулся.

— Абдулла, послушай, что ты говоришь. Мир проходит мимо тебя. Мы живем во времена толерантности. Да, здесь мы, христиане, в меньшинстве, и да, многие будут поливать меня грязью. Но официальных преследований по религиозным мотивам не было уже более десяти лет. И ты же не хочешь заставить меня перечислять твои собственные слабости в таком суде, даже если он будет весь инсценирован.

Теперь он резко повернулся к ней:

— Нет! Не хочу! И, по правде, я вряд ли более верующий сейчас, чем месяц назад.

Религия для меня пустой звук, будь то моя или твоя! Я молюсь! Я молюсь, чтобы Аллах вернул мне моих детей, смягчил твое сердце, изменил твой образ мыслей, заставил увидеть твою ошибку. Но он не слышит меня.

— Будь так любезен, — тихо сказала Ясмин, и он ошеломленно понял, что она и правда не боится подойти к нему. — Пока ты размышляешь над всем этим, перечитай мои письма. Подумай о моем Боге. А пока возьми себя в руки ради себя самого, даже если тебе кажется, что Бог далек от тебя.

Абдулла онемел. Как можно спорить с этой женщиной? Она так рассердила его! Он отмахнулся.

— Что? — сказала она. — Ты гонишь меня?

Он зло глянул на нее и еще раз махнул рукой, словно не мог больше ни секунды смотреть на нее.

— Тебе больше нечего мне сказать? — спросила она, вроде даже вовсе не расстроенная, но почти приятно удивленная.

Абдулла отвернулся и направился к двери в коридор, который вел к его комнате.

— Хорошо, — услышал он ее шепот. — Я буду молиться за тебя.

Это заставило его хлопнуть дверью, но ощущение было такое, что виделся он с ней в последний раз. И, добравшись до койки, он рухнул на нее, задыхаясь от слез.

* * *

Как и следовало ожидать, альтруистическое предприятие Рэйфорда — поездка за дорогими игрушками для Рэйми — заняло гораздо больше времени, чем требовалось. Толпы, бумажки, которые следовало заполнить, борьба с продавцами, каждый из которых пытался всучить товар подороже, погрузка всего в нанятый фургон... Когда он вернулся домой, Рэйми давно уже спал.

Но это были не случайные подарки, это было выражение любви Рэйфорда. Рэйми, конечно же, поймет, как папа его любит, когда утром увидит все эти сокровища в гараже. К сожалению, Рэйфорда не будет дома еще до рассвета. Он поедет в аэропорт О'Хара, подхватив по дороге Хэтти Дюрхэм. Но, может, он сумеет позвонить Рэйми чуть позже и назначить время, когда они, как настоящие мужчины, смогут заняться новыми игрушками.

— Ирэн, ты спишь? — спросил он, вглядываясь в темноту хозяйской спальни.

— Спала, — пробормотала она. — Что случилось? Почему ты так застрял?

— Да сама знаешь. Все в порядке. Мне просто хотелось бы, чтобы кто-то посмотрел на мои покупки.

Она громко вздохнула.

— Я все это видела в магазинах, Рэйф.

— Отлично. Проехали.

Но из-за его топота Ирэн уже не смогла снова погрузиться в сладкое течение сна.

— Ну ладно, — сказала она. — Показывай.

— Нет, не надо уже.

— Серьезно, Рэйфорд, я хочу это увидеть. Я же понимаю, что ты старался.

Он бросил Ирэн ее халат и повел вниз, в холодный гараж, включив свет.

— О! — воскликнула она, и он видел, что восхищение ее неподдельно. — Ему понравится.

— Ты так думаешь?

— Конечно. Но, понимаешь...

— Да, я знаю. Это не заменит моего присутствия. Я вернусь завтра вечером, и мы что-нибудь затеем вместе.

— Он будет так счастлив.

— Надеюсь.

— Будет-будет. Он и без этих подарков был бы счастлив. Он просто хочет побыть с тобой.

— Я знаю.

* * *

Рэйфорд выехал до рассвета. Его БМВ въехал на парковку многоквартирного дома Хэтти Дюрхэм через двадцать минут. Она никогда не заставляла его ждать, и это он точно знал. Он не сводил глаз с дороги, настолько великолепно она выглядела. Первые пару раз, когда он забирал ее, он выскакивал из машины и открывал для нее дверь.

Но она настояла, чтобы он перестал так делать.

— Это слишком уж возвышенно для меня. Вы прямо рыцарь, капитан, — сказала она. — Но честное слово, сейчас не те времена, и на меня будут смотреть с подозрением.

— Вы уверены, что не обидитесь на меня за хамство, если я перестану?

— Не глупите.

Хэтти была, как обычно, весела для раннего утра. Потому она так хорошо ладила с пассажирами. Рэйфорд понимал, что у нее в жизни точно такие же сложности и разочарования, что и у большинства людей, но она редко брала их с собой на борт.

И хотя она смотрела на него, когда он говорил, и часто касалась его руки, он смотрел только вперед и не отвечал на прикосновения. Когда они шли из гаража О'Хара к аэропорту, он держался на приличном расстоянии. И хотя они демонстрировали профессионализм перед лицом остального персонала, в этом полете должно было случиться нечто, что повлияет на их возвращение домой.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Когда Леон Фортунато доложил своему боссу о встрече с президентом Румынии Георге Василе, Карпати так развеселился, словно сам побывал там.

— Значит, вышел, кипя от злости, да? — говорил Карпати.

Фортунато кивнул:

— Настаивал на сорока восьми часах.

— И что вы ему сказали?

— Согласился. А не надо было?

— Я думал, вы лучший переговорщик, Леон. Я бы ответил на это молчанием, чтобы посмотреть, не срежет ли он этот срок добровольно. И если нет, я настаивал бы на двадцати четырех часах. Вообще-то вам, возможно, надо позвонить и сказать ему, что у вас возникли затруднения и что вы в лучшем случае можете дать ему двадцать четыре часа. Пола-

гаю, вы обменялись личными телефонными номерами?

— Да.

— Хорошо. Звоните.

Леон вздрогнул:

— Прямо сейчас? Отсюда? Прямо перед вами?

— А в чем дело? У вас страх перед публикой?

— Ну, я лучше справляюсь с делом наедине.

— Хватит. Я здесь, и я желаю слышать.

— Мне включить громкую связь?

— Нет. Он поймет. Я буду слушать через свою трубку. Давайте. С одной стороны, скажете ему, что вы просто высказываете мою волю, с другой стороны, осуществляете контроль. Хорошо?

— Как скажете.

Леон выудил из кармана карточку с нацарапанным карандашом номером личного сотового телефона Василе.

Президент явно понял, кто ему звонит.

— Фортунато?

— Да, господин президент. Боюсь, что...

— Минутку. Я выйду.

Карпати поднял брови и прикрыл рот рукой, чтобы не рассмеяться.

Через несколько секунд Леон услышал на фоне разговора ветер.

— Теперь слушайте. Я не готов дать ответа до истечения сорока восьми часов, но могу сказать вам прямо сейчас, что склоняюсь к

мысли раскрыть ваши махинации, а также Карпати и даже Стонагала, если придется. Народ Румынии не потерпит этой тактики большой дубины. А теперь я намерен...

— Подождите минутку, Георге, — сказал Фортунато. Николае весело помахал ручкой и широко улыбнулся, видимо, одобряя, что Леон нагло назвал главу государства по имени. — Не рассказывайте мне, что будет дальше, это я вам скажу. У меня возникли затруднения, и не могу вам дать больше двадцати четырех часов. Двадцать четыре часа — предельный срок, и...

— Двадцать четыре? Но...

— Двадцать четыре, и не в вашем положении угрожать раскрыть чьи бы то ни было махинации. Под ударом только вы, и если вы не желаете, чтобы международное сообщество узнало о вашем двуличии...

Телефон отключился.

Леон закрыл телефон под аплодисменты Николае.

— Он просто вызверился на вас, Леон! Вызверился! Отличная работа!

— Итак, — сказал Леон, пытаясь не показать, как у него скачет сердце, — что вы будете делать, если он не согласится на этот срок?

— Согласится. Уж поверьте. Мы сделали его, Леон. Он наш.

Через пару минут зачирикал интерком Карпати, и Вив Айвинз сказала:

— Мистер Стонагал хочет говорить с вами.

Николае нажал кнопку громкой связи:

— Как дела, друг мой? Со мной Леон, и мы как раз гадали, сколько сейчас в Нью-Йорке.

— Как всегда, относительно вашей дыры. Ты что творишь?

— Извините?

— Ты меня слышал. Ты считаешь, что можешь угрожать главе государства и мне об этом не донесут?

— Мне казалось, что я не обязан перед вами отчитываться, Джонатан.

— Обязан, когда действуют моим именем — не говоря уж о моих деньгах. И как ты осмелился искать президентского места, не оповестив меня и не получив моего благословения и согласия со стороны остальных?

Фортунаато редко видел Николае ошеломленным. Но молодой человек держался хорошо. Размеренным тоном он сказал:

— Джонатан, вам лучше выдохнуть и хорошенько подумать, с кем вы разговариваете.

Стонагал выругался.

— Я знаю, с кем говорю, сынок. А теперь слушай меня. У нас скоро состоится встреча, и к тому времени...

— Когда?

— Что?

— Когда будет встреча вашего подпольного братства? Вы оглохли или связь плохая?

— Ты сообщаешь, с кем разговариваешь, Николае?

— С тем, с кем долго еще не буду разговаривать, если вы сейчас мне не ответите.

— Три недели.

— К тому времени я уже буду президентом. Стонагал брызгал слюной.

— Это преждевременно, Николае. Не торопись. Мы устроим дела так, что на следующих выборах ты станешь президентом.

— Извините. Я не могу ждать так долго.

— Но... но ты... мы не можем...

— В том-то и проблема, Джонатан. Вы ничего не можете сделать. Я сдохну от скуки до следующих выборов. И почему я должен ждать, когда у нас есть все, что нужно, на этого типа? Вы знаете, что у нас все есть.

— Но зачем усложнять дело таким опасным образом, когда мы просто можем подмазать и...

Карпати встал.

— Потому что я не ваш служащий, Джонатан! Как только вы захотите забрать вашу половину денег, чтобы использовать их для большего контроля над кем бы то ни было другим — вперед!

— Ладно, утихни. Ты же должен понимать, что хотя я владею только половиной того, что мы делаем вместе с Василе, целое море денег идет на глобальные инициативы, которые под моим контролем повсюду. Тебе не следует забегать вперед меня. Когда ты займешь свое место лидера, остальные финансисты должны будут быть в команде.

— Мы все знаем, что начинается здесь, в Румынии.

— Да, но...

— Никаких «но»! Если я должен начинать здесь, то я хочу начать сейчас, на этой неделе.

— Василе никогда на это не пойдет.

— У него нет выбора.

Стонагал помолчал.

— И как ты позволишь ему сохранить лицо?

— Вот это беспокоит меня в последнюю очередь.

* * *

Ирэн все время посматривала на часы. Через час после позднего ужина ей удалось выдворить Рэйми из гаража. Да, она ему сказала, что там подарки, и да, папа обещал сегодня же вечером покатать его на одной из этих штук. Но нет, он не может их увидеть, пока Рэйфорд не вернется домой. А он опаздывал. Настолько, что она попыталась набрать его по мобильному и, когда не получилось, позвонила в «Пан-Кон». Самолет приземлился вовремя.

Она подождала еще тридцать минут, затем еще раз позвонила Рэйфорду по мобильному.

— Привет, милая, — сказал он, и она услышала звуки ресторана.

— Рэйфорд, скажи мне, что ты не забыл.

— Конечно, нет. Который час? О нет! Уже еду.

— Ты где?

— В часе от вас.

— В часе! Сегодня вечером Рэйми ни на что не хватит времени.

— Но ты же не показала ему подарки? По крайней мере, я увижу, какое у него будет выражение лица!

— Возможно, оно будет неопределенное. Он же не только подарков хочет, Рэйф. Он хочет порадоваться ими вместе с тобой. Где ты сейчас?

— Ну, у нас неприятность в полете. У нас не хватило нескольких обедов, и экипаж остался без еды. Я подумал, что мне надо их накормить прежде, чем мы поедем домой.

— Очень предусмотрительно с твоей стороны, Рэйфорд.

— Почему такой сарказм, Ирэн?

— Даже не знаю. Значит, ты пошел поужинать со всей своей командой.

— Да! Ну, некоторые из них поехали прямо домой, но кто хотел остаться, тот остался.

— Поторопись, пожалуйста.

* * *

Рэйфорд завершил звонок и подзвал официанта.

— Едешь? — сказала Хэтти.

— Да.

— И значит, я — весь твой экипаж?

Он вздохнул:

— Да.

— По крайней мере, я те, кто решил остаться.

— Верно.

— Это такая маленькая невинная ложь, да? — сказала она, улыбаясь.

Рэйфорд кивнул. Но это вовсе не была невинная ложь. Это была большая, тяжкая, мерзкая ложь, и он как раз напомнил себе, что, если Ирэн узнает правду, это будет для нее куда больнее, чем если она ее никогда не узнает.

Никогда дорога домой не была такой долгой, поскольку ему все равно пришлось завести Хэтти, и даже обоснование своего поведения не слишком помогло успокоиться. В конце концов, он ведь мог позвонить Ирэн. И мог бы попросить поговорить с Рэйми. Но ведь с Хэтти у него ничего не было. И разве он не правду сказал — ну, по большей части? Они ведь и правда недобрали обедов, и они с Хэтти были голодны. Конечно, они могли бы перехватить что-нибудь из фастфуда, и да, о своем обещании он забыл. Ну, на время.

Но Рэйми хороший мальчик. Он поймет. И простит.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Леон был горд собой. Он был уверен в безупречности своего плана. Даже если его замысел приструнить президента Румынии и даст сбой на каком-то этапе, он был уверен, что никоим образом невозможно будет выйти на него или Николае Карпати.

Фортуноато начал с бедных районов на востоке Бухареста, где рабочие и их семьи ютились в многоквартирных домах. Квартиры там были слишком малы, даже если бы в них жило вполосину меньше народу. Пивнушки были забиты, по улицам слонялись хулиганы всех возрастов. Леон пробрался через весь район туда, где жил его осведомитель. Припарковавшись на забитой машинами улице и выбравшись наружу, Леон увидел девушку нужного ему человека. Она спускалась по ступенькам и явно была в бешенстве.

— Сделай любезность, пристрели его, а? — сказала она.

— Конечно, Екатерина, — усмехнулся Леон. Семьи, друзья, знакомые, любовницы всегда усложняют ситуацию в таких делах.

Он нашел Стефана Марина на продавленном диване. Тот потягивал пиво.

— Что с ней такое? — поинтересовался Леон.

— Да денег хочет. Чего ж еще?

— Тебе три косаря пригодятся?

— В баксах? Еще бы!

— Это почти сорок тысяч старыми лями.

— Я в курсе, будь спокоен.

— Работа легкая, но сделать надо четко.

— За три тысячи я все сделаю, если только не изврат какой.

Фортунато улыбнулся.

— Раньше тебя это не останавливало. Но тут все прилично и прямо. Просто разыщи человека по имени Теодор, который возит внуков Василе в школу и служит их охранником. Предложи ему восемь тысяч долларов за то, что он скажет хозяину, что кто-то спрашивал его о ежедневном маршруте детей. Это все, что должен сделать он, и что должен сделать ты.

— Звучит подозрительно.

— Ничего подозрительного. Но если так, я другого найду.

— Нет-нет. Мне нужны бабки.

— Еще бы. Теперь повтори задание.

— Я запомнил. Но откуда мы будем знать, что он все сделает как надо? А если сделает, то как он получит бабло?

— Он должен сделать звонок при тебе. Он говорит своему начальнику то, что ты ему велишь сказать, ты отдаешь ему деньги. Все просто.

— И он не должен мне ничего рассказать? Ничего о детях?

— Нет. Он может сказать своему начальству, что какой-то незнакомец подошел к нему и предложил денег. Пусть скажет, что он в замешательстве, что он верный человек и просто решил, что босс должен знать. И сделать это надо сегодня вечером.

— Откуда ты узнаешь, что я не сбегу с баблом?

— Если ты смоешься с восьмью штуками, тебя прикончат прежде, чем ты снова увидишься с Екатериной. Или ее прикончат.

— Не беспокойся. Можешь мне верить.

— Конечно. Я знаю, где ты живешь. Я знаю, где живет она. Я даже знаю, где живет твоя мамочка.

— Мамочка?

— У тебя нет матери? У всех есть мать.

— Я никогда не говорил о моей матери.

— Неужели? Тогда откуда я знаю, что Параскева Марин живет в трех милях отсюда и работает шесть дней в неделю на кружевной фабрике?

Стефан застыл.

— Незачем втягивать в дело ее и других. Она не знает, чем я занимаюсь. И ей не надо этого знать.

— Продолжай работать на меня, и я забуду все, что знаю о твоей матери. Она ходит в церковь. Она верующая.

— Она святая.

— Ну и пусть Бог ее хранит. И ты тоже, Стефан.

* * *

Когда Рэйми вернулся на следующий день из школы, Рэйфорд уже уложил в грузовичок новый квадроцикл и снегоход и был готов выехать в ближайший лес, чтобы их испытать. От Рэйфорда не ускользнуло, что мальчик в первую очередь радуется машинам, а не отцу. И понимал, что это вовсе не противоречит словам Ирэн о том, что Рэйми нужен отец, а не игрушки. Рэйфорд отдалил сына от себя сотнями нарушенных обещаний и недостатком внимания, так что понимал, что таким образом Рэйми пытается быть вежливым и не затрагивать этой темы.

К сожалению для Рэйфорда, радость оказалась недолгой. Потому что прогулка пошла вкривь и вкось вскоре после того, как они выгрузили снаряжение. Снег оказался слишком глубоким для снегохода, а Рэйми был слишком мал и юн, чтобы водить снегоход. Ему пришлось сидеть рядом с Рэйфордом и балбесничать, а все удовольствие досталось папе.

И это действительно было замечательно! Восторг полета Рэйфорд уже почти перестал ощущать после долгих лет в кабине пилота, осторожно ведя тяжелое воздушное судно от города к городу. Он по-прежнему был на

пике формы, и ему хватало азарта от ощущения груза ответственности за пассажиров. Но, закладывая резкие повороты на снегоходе, чтобы Рэйми верещал, Рэйфорд вспоминал себя прежнего.

По дороге домой Рэйми захотел с ним поговорить. А этого Рэйфорд как раз и хотел избежать. Мальчик был прям и говорил без обиняков.

— Пап, — сказал он, — ты в Иисуса веришь?

— Ну да, конечно. То есть я так думаю.

— Ты либо веришь, либо нет. Ты ведь понимаешь, что надо верить в Иисуса, чтобы попасть на небо.

— А ты понимаешь?

— Конечно. Разве не все это понимают? Мама сказала, что ты в детстве ходил в церковь и что обычно вы потом вместе в церковь ходили.

— Знаю. Да, все так. Но полно народу ходит в церковь, и они не согласны с тем, что для того, чтобы попасть на небо, надо верить в Иисуса.

— Но они ведь не правы, так? Ведь Иисус сказал это сам! Он сказал, что никто не может прийти к Богу, кроме как через Него!

— Рэйми, я рад, что ты ходишь в церковь, и я уверен, что в конце концов это пойдет тебе на пользу. Но понимаешь, я меньше всего хочу, чтобы то, что идет тебе на пользу, сделало тебя нетерпимым. Ты понимаешь, что это такое?

— Нет, расскажи.

— Когда ты станешь постарше, ты поймешь, что на свете есть много хороших людей, которые считают, будто полностью познали Бога и только их путь истинный. Честно говоря, для меня это не имеет смысла. Я считаю, что есть много разных путей к Богу и один ничем не хуже другого. Я не считаю, что Бог накажет кого-нибудь, кто слыхом не слыхивал про Иисуса и делает, что может, в рамках той религии, которую он выбрал. Или вообще не в рамках религии, пока он пытается быть хорошим человеком.

— Ох ты.

— Что — ох ты?

— Ты говоришь прям как те люди, про которых рассказывает пастор Биллингз. Которые думают, будто все знают, но на самом деле в Иисуса не верят.

— Я же сказал тебе, что верю в Иисуса.

— Но ты ж не веришь в то, что Он говорил.

— Слушай, Рэйми. Иисус жил две тысячи лет назад, так что трудно узнать, что Он на самом деле сказал. Он был замечательным человеком, религиозным, хорошим учителем. То, что Он до сих пор знаменит, что Его помнят, означает, что Он был человеком толковым.

Рэйми рассмеялся:

— Толковым! Я никогда прежде не слышал, чтобы так говорили про Иисуса. Хочешь знать, во что я верю?

— Думаю, я это знаю, но давай послушаем.

— Я думаю, что Иисус был либо чокнутый, либо врал, либо говорил правду.

— Ну зачем так скучно-то, сынок.

— Именно так. Пастор Биллингз про такое говорил. Ты сказал, что Иисус был великий учитель, но Он сказал, что Он Сын Божий и единственный путь к Его Отцу. Если это неправда, то Он либо врал, либо считал Себя чем-то, чем не был на самом деле, верно?

Рэйфорд сделал вид, что занят управлением снегоходом.

— Ну, как я уже сказал, Рэйми, мы не можем быть уверены полностью, что он сказал в точности так, верно?

— Если не можем, — ответил Рэйми, — то откуда нам знать, во что верить?

— Вот и я об этом, сынок. Не надо так поспешно принимать на веру все, что ты читаешь или слышишь, даже в церкви.

— Значит, ты не веришь, что Иисус придет еще раз, верно?

— Еще раз?

— Мама собиралась поговорить с тобой о том, что говорил пастор Биллингз. Иисус возвращается.

«Так вот о чем она пыталась поговорить со мной».

— Ну, нет, нам не удалось пока об этом поговорить. Я был жутко занят.

— Еще бы. Мы же хотели об этом поговорить несколько недель назад.

— Я понимаю, извини. Теперь, когда у нас есть все эти штуки, мы можем выезжать вместе почаще.

— Когда у нас все это есть? А как это влияет на твое свободное время?

— Ты не проголодался?

— Скоро захочу есть. Но сейчас я немножко за тебя волнуюсь.

— Не надо волноваться за меня. Я же извинился и обещал выкраивать для нас время. Лады?

— Да я не про это. Ну да, немножко про это, потому что иногда мне кажется, что ты обещаешь мне это, просто чтобы я к тебе не приставал, но никогда не выполняешь и...

— Никогда? А что мы сейчас делаем?

— Да я не про это. Меня волнует, что, когда Иисус придет, ты не будешь готов.

— К чему готов?

— Пойти на небо с Ним. Тебе и правда надо ходить в церковь по воскресеньям. Пастор Биллингз заканчивает цикл проповедей про это. И это правда здорово. Даже я понимаю.

«Ну и на здоровье».

— Значит, Иисус возвращается и все идут с Ним на небо?

— Не все, пап. В том-то и дело. Надо в Него верить.

— Я верю. Все будет со мной в порядке.

— На самом деле не веришь.

— Ладно, мы можем расходиться по этому поводу и все равно любить друг друга,

Рэйми, хорошо? Я не хочу тратить наше совместное время на споры.

— Я же люблю тебя, папа. Потому и волнуюсь.

— Ладно, не надо за меня волноваться. Если хорошие люди однажды попадут к Иисусу, то я буду с тобой.

— Но попадут-то не хорошие люди, а те, кто прощен.

«Он говорит прямо как его мать!»

— Ладно, кончаем дискуссию, хорошо? Когда повзрослеешь, сам увидишь, что есть много взглядов на этот вопрос и каждый волен сам делать свои выводы.

Рэйми замолчал, и хотя Рэйфорд надеялся, что не задел чувств мальчика, в то же время был рад, что избавился от всего этого религиозного бреда.

Дома Рэйми помог снять машины с грузовичка, но когда Рэйфорд, наконец, разместил их в гараже, он услышал, как мальчик говорит с Ирэн, которая расспрашивала, как они покатались.

— Папа попадет в ад, — говорил Рэйми. — Но он не думает, что попадет туда. Он не верит в Иисуса. Не верит по-настоящему.

— Я молюсь за него в первую очередь, — сказала Ирэн. — Ты тоже?

— Конечно.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Хотя Леон Фортунато страдал от того, что ему приходилось ежедневно заново доказывать свою полезность хозяину, он не мог отрицать, что Карпати во многих отношениях хорошо относился к нему, и не в последнюю очередь об этом свидетельствовали отведенные ему роскошные апартаменты. Карпати предложил ему выбор между огромными комнатами в его собственном поместье или целый верхний этаж в великолепном элитном доме в Бухаресте. Леон выбрал последнее.

Он расположился перед камином и стал смотреть по телевидению постановочную встречу президента на очередном параде в его честь. Общительного Георге Василе восхваляли, махали ему руками и засыпали цветами школьники. От этого сигнал сотового телефона Леона показался совершенно

сюрреалистическим — на том конце был сам президент.

Леон должен был признать, что манера Василе говорить тем четче и спокойнее, чем больше он был рассержен, смущала его.

— Я несчастный человек, мистер Фортунато. Вы должны понимать, что, несмотря на все ваши усилия и пожелания Николае Карпати, я остаюсь президентом этой республики и имею доступ к власти куда большей, чем вы можете себе представить.

«Если бы он только знал, к какой власти имеем доступ мы с Карпати!»

— И почему вы мне угрожаете? — сказал Леон.

— Потому что кто-то начал ошиваться возле моих внуков, а я этого не потерплю.

— Ошиваться?

— Не надо разыгрывать со мной невинность. Вы сказали, что именно это случится, если я не соглашусь с нелепыми сроками вашего хозяина.

— Которые быстро приближаются.

— А если я скажу вам, куда вы можете засунуть ваши намеки и угрозы?

— Я уверен, что вы знаете ответ, Георге. Вас может сменить ваш вице-президент — если вы его предпочитаете Карпати, — но вы окажетесь в грязи с ног до головы, ваша репутация будет растоптана. Ваши скандальные махинации станут известны всему миру. Какую бы миссию вы, по вашему мнению, ни несли, она будет выглядеть как фикция —

примерно как то, что я прямо сейчас смотрю по телевизору. Что до записи, то я понятия не имею, кто там «ошивается» вокруг ваших внуков, как вы сказали.

— Это так?

— А зачем мне лгать? Было бы это правдой, я бы с удовольствием взял ответственность на себя, разве не так?

— Вы сказали, что не знаете ничего о том, кто вышел на водителя и охранника моих внуков, предложив ему четыре тысячи долларов за информацию об их маршруте?

— Извините?

— Вы меня слышали. Пятьдесят тысяч старых лей.

«Четыре тысячи долларов? Василе меня испытывает или Стефан попытался, в конце концов, прикарманить деньги? Может, Теодор припрятал половину и передал остальную начальнику, чтобы доказать свою непричастность?»

— Повторяю вам, господин президент: я совершенно ничего об этом не знаю. Но позвольте сказать вам следующее: если я не получу ответа о вашем решении — единственном, которое будет для нас приемлемо, — сегодня в полночь, я просто проинформирую своего начальника, и делу будет дан ход, такой, что вы предпочтете самоубийство.

Когда Георге Василе закипел и начал протестовать, ругаться и грозить, Леон просто выключил телефон, включил снова и набрал номер.

— Матей? — сказал он. — Для тебя есть работенка. — Он дал ему описание и адрес матери Стефана Марина и его девушки. — Старуха должна исчезнуть раз и навсегда. А девушку надо отделать так, чтобы Стефану пришлось несколько месяцев за ней ухаживать.

— Понял.

— И еще: если до полуночи от меня не будет сигнала, то вот местоположение здания, которое надо поджечь, причем скоту не давать уйти. Охрану обезвредить. Понял?

— Понял.

* * *

Во время напряженного ужина Рэйфорд откровенно избегал темы, которую хотели с ним обсудить Ирэн и Рэйми. Ирэн сказала сыну, чтобы тот согласился на желание отца смотреть спортивную передачу по телевидению и таким образом еще побыть вместе.

— Только сегодня больше никаких разговоров о церкви, — попросил Рэйфорд. — Хорошо?

— Рэйфорд! — сказала Ирэн.

— С меня на сегодня хватит, и мне кажется, что забивать ему голову этим в его возрасте неправильно.

— Хорошо. Ладно. Остановимся. Рэйми, позволь мне говорить об этом с твоим отцом.

А ты некоторое время будешь говорить только о спорте.

Рэйми пожал плечами, а Ирэн смотрела на Рэйфорда гневным взглядом, пока тот не отвернулся.

Как только Рэйфорд и Рэйми расположились перед телевизором, Ирэн вдруг ощутила себя одинокой. Совсем одинокой. Ей не доставало дочери. Они редко с ней разговаривали с тех пор, как Хлоя уехала в Стэнфорд. Ирэн решила не позволять стене, разделявшей их, стать еще выше. Она позвонила Хлое на номер ее комнаты и попала на ее соседку, которая сказала ей, что Хлоя в дискуссионном клубе, но что она передаст ей сообщение.

— Спасибо, Эми, — сказала Ирэн. — Ничего срочного. Просто скажи, что я тоскую по ней, люблю ее и хочу услышать ее голос.

— Ой, это так мило!

— Ну, посмотрим, что скажет об этом Хлоя после того, как перезвонит мне.

— Если не перезвонит, — рассмеялась Эми, — я подделаю ее голос и сама вам позвоню.

* * *

Матей Продан был самым доверенным агентом Фортунато. Брал он дорого, но исполнителем был идеальным. Спокойным.

Безжалостным. И прежде всего, работал четко. Никогда не оставлял следов, и когда он брался за дело, то его быстро списывали в «глухари» и забывали.

Матей и его более молодой помощник, Лазар, сначала занялись матерью Стефана. Пока Лазар поднимался по ступенькам к двери ее однокомнатной квартирki, Матей звонил ей со своего сотового из машины.

— Госпожа Марин?

— Да, а кто это?

— Я звоню из клиники Фундени, к нам доставили вашего сына. Вашего сына ведь зовут Стефан Марин, верно?

— Стефан? Да! Что случилось?

— Авария. Мне очень жаль, но вам надо приехать немедленно.

— Он умирает? Но как мне туда добраться!

— Мы послали за вами медбрата, он вас подвезет. Вы можете прямо сейчас?

— Конечно!

— Он должен быть почти у ваших дверей.

— Но я уже переоделась в домашнее! Мне надо одеться!

— Тогда побыстрее, — сказал Матей. — Кроме паспорта с собой можете ничего не брать.

Через несколько минут Лазар распахнул заднюю дверцу машины Матея перед сторбенной женщиной. Она, вся в слезах, села внутрь.

— Я так вам благодарна за доброту, — сказала она. — Что с ним? Он выживет?

— Вы не хотите поговорить с ним? — сказал Матей, протягивая ей телефон. — Он звонит.

— Стефан? Что случилось? Я уже еду! Держись ради меня... Что? Но мне сказали... эти люди везут меня в больницу!... Что? Помоги мне, Стефан! Они мне сказали...

Женщина попыталась открыть дверь, но та была заблокирована. Она подалась вперед.

— В чем дело? Что вы делаете? Мой сын сказал, что с ним все хорошо!

Матей кивнул Лазару, который обернулся к ней и мягко сказал:

— Возможно, его просто с кем-то спутали.

Из телефона неслись предостерегающие вопли Стефана. Лазар так резко ударил локтем женщину в лицо, что Матей услышал хруст ломающихся костей. Женщина упала на сиденье, затем сползла на пол. Крики из телефона продолжались, пока Лазар не поднял его с пола и не отключил.

Матей выехал из города вдоль Дуная¹ и остановился у одинокой рощицы.

— Она еще жива?

Лазар кивнул, и Матей обернулся, одновременно на шаривая выключатель откры-

¹ Вообще, Бухарест расположен на реке Дымбовица, до Дуная от нее 45 километров

вания багажника. Младший подельщик вышел и вернулся с двумя цементными блоками с петлями из гнутой арматуры.

Мать Стефана дышала с трудом, ноздри ее были забиты запекшейся кровью. Лазар подошел к другой стороне и засунул ее ноги в петли из арматуры. Матей помог вытащить ее из машины. Она весила едва ли больше, чем эти цементные блоки.

Они оттащили ее к крутому берегу и скалили вниз. Подождали всплеска. Когда ее тело разложится и освободится от смертельной обуви, от нее мало что останется для опознания. И кто знает, где вынесет ее на берег быстрое течение реки?

Матей и Лазар отряхнулись и вернулись в машину. Матей достал листочек бумаги из кармана и поднес его к тусклому свету лампы приборного щитка.

— Наша следующая остановка.

* * *

— Говори, где моя мать, прямо сейчас! — орал Стефан, изрыгая проклятия.

Фортуна то приглушил звук телевизора и прикрыл полый халата босые ноги.

— Твоя мать? — переспросил он, крепко прижимая телефон к уху.

— Оставь ее в покое! — кричал Стефан. — Где она?

— Хмм, — ответил Леон. — Если бы я знал что-нибудь об этом, я подумал бы, сколько взять за эту информацию.

— Получишь четыре тысячи с процентами! — крикнул Стефан.

— Значит, все-таки это был ты, а не Теодор. Возможно, мне стоит нанять ответственного молодого человека вроде него вместо тебя.

— Господин Фортунато, прошу вас! Убейте меня, не трогайте мою мать!

— Что же, это честно, — сказал Леон. — Вот что я тебе скажу — когда ты в следующий раз увидишь ее, скажи, что я обещаю присматривать за тобой. Ты будешь очень занят.

— Занят? Чем занят? Что я должен сделать? Я все сделаю, чтобы рассчитаться с вами!

— Я это знаю, Стефан. А пока ты поможешь моему бизнесу. Будешь предостерегать, чтобы никто не пытался и думать что-нибудь у меня стянуть.

— Я обещаю! Обещаю! Пожалуйста! Не допустите, чтобы с моей матерью что-то случилось!

— Извини, Стефан. Продолжим разговор в другой раз. Мне звонят.

— Подождите! Нет!

Леон прервал разговор и ответил на звонок Матая.

— Стефан вам уже звонил? Вы не думаете, что он предупредит девчонку?

ТИМ ЛАХЭЙ, ДЖЕРРИ Б. ДЖЕНКИНС

— Уж поверь мне, — ответил Леон, — что сейчас он ни о ком не думает, кроме своей святой матушки.

— Пусть думает, что хочет, — ответил Матей. — Дело сделано.

— Все по плану?

— Ни следов, ни улик, ни свидетелей.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

В самый разгар трансляции бейсбольного матча пришло время Рэйми ложиться спать, и Рэйфорд понял, что близится время разноса. По пути к спальне Рэйми Рэйфорд сказал:

— Ой, совсем забыл. Я же кое-что тебе привез.

— Что-то еще? — сказал Рэйми.

— Да, идем.

Мальчик пошел следом за ним в гараж, где Рэйфорд достал с заднего сиденья БМВ сверток, в котором лежал его собственный снимок в рамочке, где он в полной форме стоял в терминале с фуражкой под мышкой, а в окне виднелся «Боинг-747». Рэйфорд подписал снимок: «Рэйми с любовью от папы». Под этим написал: «Рэйфорд Стил, капитан компании «Пан-Континентал», аэропорт О'Хара».

— Круто! — воскликнул Рэйми. — Я поставлю его у себя в комнате!

Но по дороге в дом Рэйми сказал:
— Пап, слушай. На квадроцикле колесо сдулось.

Рэйфорд выругался, потом извинился.

— Пап, можно я что-то у тебя спрошу?

«Ох...»

— Ты пойдешь с нами в церковь в это воскресенье?

— Не знаю. Возможно.

— Почему нет?

— Я сказал — возможно.

— Ты так и на прошлой неделе говорил.

— Ну, в это воскресенье я буду заниматься колесом.

— Да ладно, пап!

— Ты хочешь, чтобы я почил для тебя квадроцикл или нет? У меня времени не вагон.

— Значит, следующее воскресенье?

Рэйфорд вздохнул:

— Хорошо.

Когда они поднимались по ступенькам в комнату Рэйми, из кухни их окликнула Ирэн:

— Я уже положила ему пижамку с логотипом «Быков». Не позволяй ему ложиться в кровать в носках!

Через несколько минут Рэйфорд вернулся в гостиную и почувал, что Ирэн готова взяться за свое. Он инстинктивно взял газету как отвлекающий маневр.

— Ты не против, если я приглушу звук? — сказала она. — Или хочешь посмотреть последние новости?

— Нормально, — не возражал он, с газетой на коленях.

— Рэйфорд, — сказала она, — я не хочу сориться, но, пожалуйста, не преуменьшай того, что так важно для Рэйми.

— Ладно, — ответил он. — Постараюсь вести себя хорошо.

— Не относись к этому так легкомысленно, — сказала Ирэн. — Прошу тебя.

— Что же, это честно. Я думаю, немного религии ему не помешает, но ты знаешь, что меня беспокоит.

— Он вряд ли станет миссионером или пастором, — ответила она. — Хотя это было бы не так уж плохо. Он просто мальчик, который интересуется Господом, как и я.

— Он интересуется этим только потому, что это делаешь ты.

— И что тут ужасного? Мы разве не должны служить ему примером?

— Но не примером фундаментализма!

Ирэн скривилась:

— Зачем же использовать такие термины, Рэйф. Это нечестный прием. Фундаменталисты готовы убить всякого, кто с ними не согласен. Когда ты последний раз слышал такое о христианах?

— Согласен. Но знаешь, о чем меня спрашивали последний раз, когда я ходил в церковь с тобой? У меня спрашивали, что такое для меня Бог.

— И что ты сказал?

— Я сказал, что Он для меня абсолютная величина. Как понимаю, я их шокировал.

Кстати, что вы с Рэйми пытаетесь мне втолковать насчет вашего наставника и его любимого конька?

— Это не любимый конек, — ответила Ирэн. — Это одна из основ нашей веры. Мы верим в библейские пророчества, в которых говорится, что Иисус однажды вернется, но мы не знаем, когда это будет. Вот потому я очень хотела бы, чтобы ты пошел с нами в это воскресенье, поскольку пастор Биллингз заканчивает лекции на эту тему и намерен сделать обобщение. Это замечательно.

— Значит, все-таки это его конек.

Ирэн покачала головой и отвернулась, словно ее заинтересовали приглушенные новости по телевизору.

Рэйфорд воспользовался возможностью посмотреть спортивный раздел газеты. Он ожидал, что она будет упрекать его за то, что он не слушает, но она не спешила возобновлять разговор. Рэйфорд нашел что-то интересное в газете и вскоре и правда погрузился в чтение.

— Я читаю все, что только нахожу о восхищении Церкви, — сказала Ирэн.

— М-м-м?

— Ничего.

— Это Рэйми и пытался мне сказать. Иисус возвращается, и все такое.

— Представляешь, Рэйф, — возбужденно заговорила она, — прежде, чем мы умрем, к нам придет Иисус!

— Да уж, — отвечал он, глядя на нее поверх газеты, — как только Он придет, тут я концы и отдам.

Но ей не было смешно.

— Если бы я не знала, что будет со мной, — сказала она, — я бы не острила на этот счет.

— Но я-то знаю, что будет со мной, — отвечал он. — Я умру. Скончаюсь. Опочию. Но ты, конечно, сразу же попадешь на небо.

Он не хотел обижать ее. Он просто пошутил. Но когда она отвернулась и пошла прочь, он встал и бросился за ней. Он повернул ее к себе и попытался поцеловать, но она не ответила ему.

— Да ладно тебе, Ирэн, — сказал он. — Да тысячи добрых людей на месте бы померли при виде второго пришествия Иисуса ради их спасения!

Она, вся в слезах, вывернулась из его рук.

— Да я уже сто раз говорила тебе, что спасутся не добрые, а те, кто будет...

— Прощен, да, знаю, — сказал он, чувствуя себя отвергнутым и жалким — в собственной-то гостинной. Он вернулся в кресло, снова взял газету. — Если тебе от этого будет легче, то я рад, что ты так в этом уверена.

— Я просто верю в то, что говорит Библия, — ответила Ирэн.

Рэйфорд пожал плечами. Ему хотелось сказать: «Блажен, кто верует», но он не стал подливать масла в огонь. Он даже в чем-то завидовал ее уверенности, но на самом деле списывал все на ее эмоциональность и чувствительность. Он не хотел говорить этого вслух, но факт оставался фактом — он был

умнее, да, он был рассудочнее. Он верил в правила, системы, законы, закономерности, в то, что можно потрогать, увидеть и услышать. Если Бог принадлежит к этой категории явлений, тогда все в порядке. Высшая сила, существо, которое есть любовь, сила, стоящая над законами природы, — ладно, пусть так. Давайте Его воспевать, молиться Ему, радоваться тому, что мы можем творить добро другим и заниматься своим делом. Рэйфорд больше всего боялся, что эта религиозная одержимость не пройдет так же, как эра «Амвэй»¹, эпоха «Тапервер» или период аэробики. Он просто воочию видел, как она звонит в двери и спрашивает, можно ли прочесть пару псалмов. Наверняка она понимала, что он с ней ходить не будет.

Ирэн стала законченной религиозной фанатичкой, и это каким-то образом освобождало Рэйфорда от чувства вины за мысли о Хэтти Дюрхем.

* * *

Бизон Уильямс никогда не видел Джима Борланда таким. Давний редактор религиозного отдела «Глобал уикли» пару десятилетий назад специализировался в Принстоне

¹ A m w a y — компания по сетевому распространению косметики и бытовой химии, Tarpegwage — занимается сетевым распространением посуды и прочей домашней утвари.

по религиозным наукам, и хотя они не во всем сходились, Бизон считал Джима здравомыслящим ветераном издательства.

Но сейчас Борланд тоскливо слонялся по нью-йоркскому офису, явно не в себе. Бизон едва сдерживался от того, чтобы спросить его, в чем дело, но Борланд сам тихонько постучал в его дверь:

— У тебя найдется минутка?

— Конечно, Джимми. В чем дело?

— Ты ведь в курсе, что я думаю обо всех этих Господних делах, верно?

— Господних делах? — спросил Бизон.

— Обо всей этой религии. То есть я-то религиозный человек, но не настолько, понимаешь? Я вышел из философской школы, которая считает, что во всех есть частица бога — кого или что бы ты ни считал богом. Возможно, для человека моей профессии это хорошо.

— Если ты разбираешься в разных религиях, то конечно.

Борланд неохотно сел, когда Бизон показал ему на кресло.

— Понимаешь, я был в Восточной Европе, чтобы написать статью по религиозным темам. Меня пригласили на то, что они называют евангелическим крестовым походом. Неинтересно. Совершенно. Я всегда интересовался, что эти евангелисты думают, когда призывают к массовым крестовым походам, в то время как сразу поднимают вой, как только напомнишь им о позоре тех самых крестовых походов во славу их Бога.

— Верно. Значит, ты не поехал.

— Нет, поехал.

— Поехал?

— Да, и вот почему. Этот так называемый крестовый поход собирался в Албании, ага? И тот евангелист не был из того типа, которых в Америке крутят по телевизору. То есть сейчас-то он гражданин Америки, но зовут его Гонсало Исландо, и он из Аргентины. Слышал о таком?

— Вряд ли.

— Он приехал в Албанию в молодости, проповедовал в духе Муди, Сандея, Грэхема — такого типа. Проповедовал массам спасение, ну, ты понял.

— Ага.

— Мне стало интересно, потому как это настоящее взаимопроникновение культур. Сейчас этот парень мог бы натурализоваться в Америке, но он аргентинец и проповедует в Албании. Это могло оказаться интересным. Я думал, что смогу поймать его на каком-нибудь культурологическом промахе, каком-нибудь невежественном заявлении. Я поехал проверить, и знаешь что? Две ночи назад я присоединился к его пастве.

— Настолько впечатлило, что ли?

— Да нет. Он оказался не так уж и крут. Не могу не признать — он понимает местную культуру, он скромн, хорошо общается с прессой, умаляет собственное достоинство, обладает чувством юмора, и кажется, что он и правда любит людей Албании и печется о них. Кто знает почему? Могу догадаться, что

проповедник он хороший. Такие люди, понимаешь ли, очень просты. Ничего глубокого. Никаких громов-молний. Прослушаешь проповедь одного про адские муки, Иисус умер за вас и все такое, считай, что всех слышал. Я решил, что он вряд ли шарлатан, он правда во все это верит. Ты не можешь заслужить небес, верь в кровь Христову и все такое.

— Итак, ты уверовал.

Борланд хмыкнул:

— Едва ли. Я убедился в том, что Исландо искренен, и все. А зацепил меня отклик. Я ведь и прежде такое видел, Уильямс, и всегда мне это казалось немного странным и забавным. Всегда море эмоций, люди идут за проповедником, как бараны, выступают вперед и получают спасение, ну, сам знаешь.

— Конечно.

— Но тут не так. Исландо проводит такие встречи на стадионе, который вмещает пятьдесят тысяч человек, и там яблоку негде упасть. Там играет дерьмовая музыка, люди каются прилюдно в том, какие они были плохие и какими они хорошими стали благодаря Иисусу. Затем Исландо дает проповедь — простую, почти такую же, как прошлым вечером. Быть хорошим недостаточно. Заслужить небеса невозможно. Верь в Иисуса.

— Старая песня.

— Да, за исключением того, что люди начинают вставать и выходить куда раньше, чем он их об этом просит. И это не подсадка.

Я видел, как это происходит. Это как затравка. Обычно ты понимаешь, что первая тысяча людей — часть спектакля, они с Библиями и бейджами.

— Но?..

— Но не в этом случае. Ну да, некоторые точно, но там люди рыдали, кричали. Казалось, что им не терпелось спуститься к нему, помолиться, раскаяться и получить спасение. Там обращенных было куда больше, чем духовных наставников, и давка там была еще та. Мне это показалось интересным. Я просто голову сломал, пытаюсь понять, почему послание Исландо привлекает столько, и не мог ничего придумать. Как я уже сказал, я пришел на другой вечер и еще раз, и, вспоминая все это, я не могу сказать, чем одна проповедь отличалась от другой. Разве что реакцией публики. В первый вечер народу обратилось столько, что я никогда прежде не видел и не слышал. Но на другой вечер было еще больше, а на третий — еще! Бизон, это было на прошлой неделе. А встречи эти все продолжают, и каждый вечер народу все больше. Похоже, там вся нация вот-вот в христианство обратится.

— Верное определение возрождения.

— Да уж. Меня просто снесло.

— И?..

— Это не все. Я возвращаюсь во Францию и слышу, что парень из Техаса — Санди Тиббитс из Сан-Антонио, помоложе, чем Исландо, но уже более сорока лет в профессии — делает то же самое на Украине. Ну, от

Украины я далеко, но мне надо это видеть. Судя по твоей физиономии, ты никогда не слышал о Тиббитсе. Я тоже. Я выяснил, что он южанин, баптист, так что предполагал, что он будет прилизанный, в глаженном костюме, с широкой улыбкой и буйной рекламой, верно? Да ничего подобного. Оказалось, что парень проводит большую часть жизни за границей, делает ту же работу, что и Исландо, только не такой аккуратный, не такой организованный, еще проще и прямолинейнее. Никакого лоска, просто громогласный, сильный проповедник, который каким-то образом устанавливает связь с людьми на самом базовом уровне. И происходит то же самое. Люди бегут к нему по переходам, чтобы пообщаться к Иисусу.

— Значит, это стоило статьи?

— В том-то и дело, Бизон. Я не знаю, что с этим делать. Такие типы были всегда, но, как наблюдатель за миром религии, я должен сказать тебе, что ничего подобного никогда не видел. Эти парни — не целители, не делают чудес — обычно ведь такие привлекают толпы и вызывают наибольший отклик. Но эти двое — просто прямые проповедники спасения, вызывающие отклик такой, какого сами никогда прежде не встречали. Я говорил с обоими, и они называли все это одними и теми же словами: жатва человеков.

— Прямо как название фильма ужасов, — сказал Бизон. — Жатва мертвецов.

— Хм. — Понятно было, что у Борланда на уме нечто совсем иное.

— Это и правда тебя зацепило, Джимми. Почему?

— Не знаю. Наверное, потому, что я выяснил, что такое происходит везде. По всему миру. Все, кто вовлечен в эту игру — даже если они искренние и не прикидываются — видят то же самое. Это становится темой такой же огромной, как природные катастрофы. Но что я могу об этом написать? Что весь мир придет к Христу? Да меня на смех поднимут, и мне придется уйти из профессии.

— Истина никому не повредит. Но, может, все эти катастрофы вызвали всплеск интереса к Богу?

— Я уже думал об этом, — сказал Борланд. — Конечно, люди перепуганы, они как-то хотят уберечься от гнева природы, но разве традиционной реакцией не должно стать обвинение в адрес Бога и сомнение в Нем? А эти люди искренне принимают Его, и это везде. Понимаешь ли, Бизон, США тоже не в стороне.

— От чего?

— От этого феномена, это происходит в церквях повсюду. Посещаемость выросла. Все больше людей обращается к Христу. Никто не понимает, что с этим делать.

— Ну, это твоя точка зрения, твоя статья. Но, честно говоря, у меня создается впечатление, что ты в этом завяз.

Борланд встал и посмотрел на небо Манхэттена.

— Самое лучшее определение того, что со мной случилось, — сказал он. — Я честно не знаю, что с этим делать. Может, мы переживаем новое возрождение, на сей раз всемирное? С момента последнего прошло сто лет. Что-то происходит, Бизон. Что-то происходит, и я не понимаю, что именно.

— Скажи мне вот что, Джим. Ты когда-нибудь завидовал этим людям, хотел иметь хоть немного из того, что они в этом находят?

— Серьезно? Нет. Я не верю в это, я не понимаю, считаю, что этой дорожкой идут только слабаки. Но не могу отрицать, что, какой бы призыв все это ни несло в себе, оно идет по нарастающей. Люди становятся религиозны, как никогда, и интересно будет посмотреть, какое влияние это окажет на общество в целом.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

— Мы можем и нежно, — сказал Матей бледной поскуливающей Екатерине, сжавшейся на заднем сиденье. — Ты не виновата. Это вина Стефана. Но отвечать придется тебе, а он будет вынужден ухаживать за тобой.

— Тут чья-то кровь, — дрожащим голосом прошептала она. — Что вы сделаете со мной?

— Мой помощник сделает тебе инъекцию, чтобы приглушить боль. Затем мы переедем тебе голени. Без анестезии ты сознание потеряешь.

— Нет! Нет! — зарыдала она. — Не надо! Разве я ничего не могу сделать?

— Можешь посидеть спокойно, пока тебе делают укол. Дело должно быть сделано. Понимать тебе незачем. Нам тоже понимать незачем. Мы стараемся сделать это как можно безболезненнее. Но предупреждаю — без

боли совсем обойтись не удастся. Но чем меньше будешь дергаться, тем легче будет. Мы оставим тебя там, где Стефан сможет тебя найти, и с твоей стороны будет очень правильно сказать ему сразу же, что тебя должны переносить только профессионалы и что обработать твои травмы надо как можно скорее.

— Не надо!

— Тихо.

— Что он сделал? Почему вы не его калечите?

— Поверь мне, ему уже очень солоно приходится. А сейчас лучше не сопротивляйся уколу. Это в любом случае поможет.

— Неужели вы должны сломать мне обе ноги?

— Боюсь, так. Ты некоторое время должна полностью зависеть от Стефана.

— Я убью его, — сказала она. — Что бы он ни сделал, я тут ни при чем!

Возможно, Лазар слишком быстро принялся за дело после анестезии, или просто у Екатерины был слишком низкой болевой порог, но она потеряла сознание уже при первом переломе.

— Вторую тоже? — сказал Лазар.

— Это будет проще, — ответил Матей. — Просто надо поосторожнее перетащить ее. И для Стефана лучше всего, если мы сумеем дозвониться до него прежде, чем она впадет в болевой шок.

Скамейка в парке, где они положили ее, невольно содрогаящуюся, завернутую в ко-

лучшее шерстяное одеяло, была в шести кварталах от дома Стефана.

Когда они дозвонились до него, он, всхлипывая, проклинал их.

* * *

— Вы еще не спите? — осведомился по телефону Фортунато около полуночи.

— Я хочу лечь в час ночи, — ответил Карпати. — Приезжайте сейчас.

Через несколько минут Леон уже сидел напротив него в маленькой гостиной.

— Прежде чем покинуть машину, — сказал Фортунато, — я отдал приказ о поджоге.

— Я должен признаться, что ошеломлен и обеспокоен тем, что Василе еще не сломался.

— К утру сломается.

— Похоже.

Леон рассказал Николае о других осложнениях и о том, как он с ними разобрался.

— Вы действительно приказали утопить ни в чем не повинную старушку в Дунае? — сказал Николае, сузив глаза и сверля взглядом Фортунато.

Леон кивнул. Сердце его прыгало в груди.

— Встань, пожалуйста.

— Извините?

— Встань, я сказал, Леон!

Фортунато напряженно поднялся.

Карпати подошел и посмотрел ему прямо в лицо. Они почти соприкасались носами.

— И ты приказал перебить ноги ни в чем не повинной молодой женщине?

Леон чуть заметно кивнул, готовясь к защите.

Карпати раскинул руки и подозвал к себе Фортунато. Он обнял его и крепко сжал:

— Я люблю тебя, Леон! Ты понимаешь? Я люблю тебя!

Фортунато просто купался в этом чувстве. Зазвонил его телефон.

— Я должен ответить, — едва выговорил он, поскольку его лицо было прижато к плечу Карпати.

— Конечно.

Это был бившийся в истерике Стефан.

— Вы не должны были этого делать, — ярился он. — Знаешь, что мне пришлось сделать?

— Ты о чем, Стефан?

— Ты знаешь, о чем я! Ты, грязный обсо-сок! Мне пришлось пристрелить ее!

— Отвратительно. Кого пристрелить?

— Знаешь кого! Она все равно умира-ла! Не было времени звонить. Она пришла в себя и чуть снова не отключилась, когда уви-дела свои ноги. Ты убил ее, Леон! У нее кости наружу торчали! Она истекала кровью!

— Прости, Стефан, но я не знаю, о ком ты.

— Врешь, скотина! Мне пришлось убить собственную девушку!

— Так не надо было этого делать. Какие бы у нее ни были повреждения, компетент-ные медики вылечили бы ее.

— Говори, где моя мать, Леон! Я убью тебя, если что-то с ней случилось! Я не шучу!

— Убьешь меня? Возможно, ты сделаешь это, когда будешь возвращать мои четыре тысячи, а? Только не тяни. А то с твоими близкими какие-то неприятности творятся.

— Я тебя убью!

— Извини, Стефан, мне надо сделать звонок.

— Не вешай трубку! Я...

Связь прервалась.

— Матей, — сказал Леон мгновением позже, купаясь в лучах улыбки Карпати. — Давай покончим со страданиями этого молодого человека. Он мне больше не нужен.

— Заметано.

К рассвету бухарестская полиция начала поиски убийц Екатерины и Стефана, а также открыла дело об исчезновении Параскевы Марин, которая не вышла на работу.

Тогда же вспыхнул подозрительный пожар на конюшне сына президента республики, унесший жизни шестнадцати чистокровных арабских жеребцов стоимостью несколько миллионов евро.

* * *

— Мам, это Хлоя. Что-то случилось?

— Ничего. Просто я хотела услышать твой голос. Как ты, милая? Я соскучилась по тебе.

— У меня все хорошо. Как остальные?

— Хорошо. Хорошо. — Ирэн было тяжело, что Хлоя не отозвалась ни на одно ее чувство. Трудно было ответить, что ли, что ей приятно поговорить с матерью, что она тоже соскучилась, что хотела услышать ее голос? Ирэн понимала, что об этом нечего и спрашивать.

— Как ты после того разочарования? — сказала Ирэн.

— Разочарования?

— Твоего разрыва с Рикки.

— А, это! Пройденный этап.

— Ты уверена?

— Конечно. Он уже женат.

— Да неужели!

— Ага.

— Это, наверное, тяжело. Хоть немного, но тяжело. Нет?

— Нет. Пусть она его себе забирает.

— Очень взрослый ответ.

— Ну, ты же меня знаешь, мама. Я большая девочка.

Ирэн спросила об учебе и друзьях, о внеклассных занятиях, получила банальные, ни к чему не обязывающие ответы, и в конце концов ей захотелось закричать, потребовать, чтобы Хлоя ответила, думала ли она хоть раз о ней, тревожилась о ней. Ирэн любила своего ребенка всей душой, но Хотя была словно каменной.

Под конец Ирэн пожелала ей всего хорошего, весело сказала, что любит ее, на что получила от Хлои вежливый ответ. Повесив трубку, Ирэн села на край постели и заплакала.

Ей показалось, что на лестнице она слышит Рэйфорда, и женщина быстро вытерла глаза. Но он не вошел, потому она открыла Библию и снова просмотрела свой список людей, за которых молилась:

— Рэйф, молиться за его спасение и чтобы я могла быть для него любящей женой.

— Хлоя, чтобы она пришла к Христу и жила чистой жизнью.

— Рэй-младший, чтобы он никогда не отклонялся от своей крепкой, детской веры.

* * *

На другой день ранним утром Карпати позвонил Леону:

— Какие известия от Василе? Ты ведь сказал бы мне, если бы он звонил?

— Конечно. Пока ничего.

— Что теперь?

— Я посоветовал бы вам привлечь к делу Джонатана, — сказал Леон.

— Ты слышал наш последний разговор, Леон. Я не стану умолять его о помощи.

— Я стану.

— Ты?

— Конечно. Я расскажу ему обо всем, что случилось, даже если он не будет согласен и скажет, что это отвратительно и что настало время выбрать меньшее из двух зол и сделать все, чтобы убрать Василе с дороги.

Карпати расхаживал по кабинету.

— Ты запугал его семью и сжег лошадей, и он будет молчать?

— Откровенно говоря, меня не удивит, если он думает, что стоит выше вас.

— Выше меня? Кто выше меня?

— Стонагал.

— Джонатан выше...

— Это вы понимаете, Николае. И я. Но Джонатан этого еще не понял. Вот потому ему должен позвонить я.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Ирэн ждала этого воскресенья, как давно уже не ждала. Да, с тех пор, как она перешла в церковь Новой Надежды, она, как никогда, радовалась церкви. Но эта церковь была иной, особенной. Даже Рэйми хотел послушать последнюю проповедь пастора Биллингза о конце света, хотя большая часть ее была выше понимания мальчика.

— Давай оба будем делать заметки, — сказала Ирэн. — Тогда сможем потом это обсудить.

— Мы сможем все рассказать папе, — ответил Рэйми.

Она, помедлив, кивнула.

— Тут нам надо быть благоразумными. Знаешь, что это означает?

— Думаю, да. Осторожными?

— Рассудительность, здравый смысл, верный выбор времени. В жизни твоего отца что-

то происходит, Рэйми. Не знаю, что именно, но он сам не свой.

— Почему?

— Я не знаю. То, что он отошел от церкви, — только симптом. Иногда взрослые в возрасте моем и твоего папы переоценивают свою жизнь и чувствуют себя несчастными.

— Но папа-то успешный! Он делает, что хочет. Разве он не хотел всегда быть капитаном авиалиний?

— Да, но в том-то и проблема. Иногда ты посвящаешь всю свою жизнь достижению цели, которая, как ты думаешь, принесет тебе счастье. Но когда ты ее достигаешь, ты не испытываешь удовлетворения. Это урок, не так ли? Ты ведь понимаешь, что хочешь поставить себе цель, которая действительно удовлетворит тебя?

Рэйми замолчал, задумавшись. Ирэн всегда впечатляло, что когда он чего-то не понимает, то признается и никогда не дает ответа прежде, чем не поймет до конца.

— То есть, если бы я мечтал стать профессиональным баскетболистом, и зарабатывать миллион долларов, и быть знаменитым, то если бы я таким стал, я мог бы быть недоволен?

— Знаешь, что говорит Библия о жизни ради себя и богатстве...

— Ага. Что-то типа ищите богатства вечного.

— Слава и богатство ничего не значат на небесах, разве не так?

— Думаю, ничего не значат. Знаешь, мам, я все больше начинаю беспокоиться за папу.

— То есть?

— Ну, когда он летает. Я никогда не волновался, потому что он всегда говорит мне, что самолеты безопасные. Он такое всегда говорит, когда я слышу или читаю про авиакатастрофу какую-нибудь, что я должен помнить, сколько сотен тысяч полетов проходят без проблем. Прежде я вообще об этом не волновался. Но теперь, когда я не знаю, попадет ли он на небо, если умрет, я надеюсь и молюсь, чтобы он не разбился.

— Я тоже, — сказала она.

— Ты?

— Конечно.

— Разве не здорово было бы, если бы мы попали на небо, не умирая? Как говорил пастор Биллингз? Как думаешь, Иисус придет прежде, чем я успею состариться?

— Кто знает, — ответила Ирэн. — Мы должны жить так, как если бы он пришел прямо сегодня. Ничего не должно случиться больше до Его прихода.

— Тогда почему Он не приходит?

— Кто знает замыслы Господни? — сказала она. — Но Он так любит мир, может, Он просто ждет, чтобы еще один человек обратился к Нему.

— Может, Он ждет папу?

— Может быть.

* * *

Леон стоял на веранде особняка Карпати, следя, как его хозяин бродит по саду, глядя в небо. Вдруг он остановился и поднял руки. Затем он упал на колени.

Глава охранников Николае посмотрел на Леона и двинулся было к своему клиенту. Фортунато покачал головой и указал на свой сотовый. Охранник позвонил Леону.

— Оставьте его в покое, — сказал Фортунато. — Если вы ему понадобится, он даст вам знать.

— Но если я буду тут, а потом окажется, что я должен был...

— Вся ответственность на мне, — ответил Леон.

— Не хочу показаться невежливым, сэр, но я вам не подчиняюсь. Я должен проверить моего...

— Я сказал, что беру на себя всю ответственность. Если будет необходимо, скажете доктору Карпати, что я вам запретил приближаться к нему.

— Отлично. Спасибо.

* * *

Николае — аккуратный, подтянутый, занимающийся спортом каждый день — ощу-

тил внезапный приступ усталости. Он пытался связаться со своим духовным пастырем, когда упал на колени.

— Поклоняйся мне, — послушался голос, который он не забудет с момента первой встречи с этим существом, — и я буду общаться только с тобой.

— Я твой слуга, — сказал Николае слабым и дрожащим голосом.

— С тобой все будет хорошо, если ты научишься никогда не забывать об этом, слуга.

— Я даю слово.

— Твой пусть чист.

— Мой путь? Путь куда?

— Твой путь к тому, что я обещал тебе.

— Мир и его царства?

Никакого ответа.

Николае жаждал повторить вопрос, но по опыту знал, что этот дух нетерпим и не повторяет очевидного.

— Я готов, — сказал он.

— Не забегай вперед меня.

— Я это сделал?

— Не забегай.

— Если я так поступил, то только потому...

— Если бы ты так сделал, я сказал бы тебе. Уже приближаются события, которые приведут тебя к возвышению. Готовься, но не торопись прежде времени.

— Но как я могу быть еще больше подготовленным? Дух? Как? Дух?! Не покидай

меня! Я желаю одного — выполнить твой приказ и получить то, что ты обещал! Дух! Дух!

* * *

Леон получил от Джонатана Стонагала звонок с борта авиалайнера.

— Я буду в Бухаресте через два часа. Скажите Карпати, что я...

— Простите, Джонатан, но не забывайте, что мы с вами служащие доктора Карпати. Можете сами сообщать ему что угодно, но я не буду. Я выполняю его приказы.

— Мы работаем на Карпати, Леон? Мы? Может, ты его прихвостень, но я точно нет. Теперь скажи ему, что Георге Василе все понял и просит перемирия. Ему понадобится больше времени и...

— Позвольте мне четко объяснить вам, кому я служу, Джонатан. Я не ваш мальчик на побегушках, не ваш рупор. Я повторяю — я ничего не буду передавать Николае. Если у вас есть что ему сказать, приезжайте и скажите лично или позвоните.

— Послушайте, Фортунато, вы скоро поймете, кто тут главный, и вам это не понравится. Когда Карпати провалится, думаете, я буду заинтересован в вашей службе?

— Тогда я поставлю мою профессиональную карьеру на другую лошадь.

— Куда же вы денетесь! А теперь я хочу встретиться с Карпати в аэропорту, когда прилечу. И лучше вам пока придержать ваших псов.

— Моих псов?

— Тех, кто по вашему приказу терроризировал Георге и его людей.

— Вы хотите, чтобы я запросил у Карпати аудиенцию для вас?

— Нет! Я хочу, чтобы вы с ним были в аэропорту, когда я прилечу!

— Можно задать вам вопрос, мистер Стонагал?

— Кончайте ваш официоз. Чего вам?

— Верно ли я понимаю, что вам нужна эта встреча?

— Конечно! А что? Чего вы хотите?

— То есть, вы хотите увидеть Николае, а не он вас, верно?

Молчание.

— Вы слушаете, Джонатан?

— Кончайте ходить вокруг да около! Говорите, что вы пытаетесь мне сказать?

— Я думал, что вы уж и не спросите. Мне кажется, раз вы просите о встрече, то протокол требует, чтобы вы приезжали к Николае, а не он к вам.

— Я полмира пролетел! Так что скажите ему, чтобы приехал...

— Нет, вы не поняли, сэр. Я ничего не буду ему говорить. Он с вами говорить не хочет. Вы говорить с ним хотите. Если вы хо-

тите, чтобы я передал вашу просьбу его помощнице, я с удовольствием это сделаю. Она сообщит вам время, когда вам будет удобно посетить его здесь.

— Что? Вы шутите, что ли? Первым делом я прикажу ему уволить вас...

— Ждите звонка от госпожи Айвинз, Джонатан. Всего доброго.

— Слушайте, Фортунато...

— Я сказал — всего доброго.

* * *

Зажужжал сигнал громкой связи.

— Да, Мардж, — сказал Бизон Уильямс. Мардж Поттер была секретаршей его босса, Стива Планка, но в результате недавнего урезания бюджета принимала звонки и для него.

— Вам звонит Дирк Бартон из Лондона. Я без ума от его акцента.

— Ты же знаешь, что он валлиец.

— Я что-то в таком духе и подумала.

Дирк был однокашником Бизона и после окончания университета работал на Лондонской фондовой бирже.

— Привет, дружище, ты как?

— Кэмерон, ты просто обязан приехать сюда. — Обычная легкость исчезла из голоса Дирка.

— Что теперь? Иллюминаты? Бильдербергеры? Трехсторонняя комиссия?¹

Ни смешка, ни хмыканья.

— Ты закончил, Кэмерон?

— Да, извини, Дирк. Что случилось?

— Я оказался прав насчет того, что Джонатан Стонагал является одним из самых крупных игроков в тайном мире международных финансов.

— Тут ты прав.

— А глава Лондонской фондовой биржи сам знаешь кто...

¹ И л л ю м и н а т ы (нем. Illuminatenorden, от лат. illuminati — «просвещённые») — название, под которым в разное время были известны различные объединения оккультно-философского толка. В настоящее время под иллюминатами могут подразумеваться многие современные и исторические группы, как реально существовавшие, так и вымышленные. Данный термин часто используется в теориях заговоров, предполагающих существование некой тайной организации, негласно управляющей историческим процессом. Б и л ь д е р б е р г с к и й к л у б, Б и л д е р б е р г с к а я г р у п п а, Б и л д е р б е р г с к а я к о н ф е р е н ц и я (англ. Bilderberg group — Билдербергская группа) — неофициальная ежегодная конференция, состоящая примерно из 130 участников, большая часть которых являются влиятельными людьми в области политики, бизнеса и банковского дела, а также главами ведущих западных СМИ. Вход на конференцию только по личным приглашениям. Т р е х с т о р о н н я я к о м и с с и я (англ. Trilateral Commission) — международная организация, состоящая из представителей Северной Америки, Западной Европы и Азии (в лице Японии и Южной Кореи), официальная цель которой — обсуждение и поиск решений мировых проблем.

— Джошуа Тодд-Котран, верно.

— Короче, что-то затевается.

— Так не утаивай.

— Ты не настроен на серьезный разговор, Кэмерон.

— Настроен, Дирк. Честно. Ты же знаешь, что я считаю тебя психом, но только чуточку. Рассказывай.

— Вот в том-то и дело. Я не знаю, о чем говорить. Я знаю только то, что Джонатан в отъезде, похоже, направляется в Восточную Европу, и что он намерен по пути домой остановиться здесь для встречи с Тодд-Котраном.

— Обычное дело для двух денежных мешков.

— Возможно. Но когда они встречаются, всегда что-то происходит.

— Отлично. Слушаю.

— Прямо сейчас больше ничего сказать не могу. Практически ничего. Но как только что-нибудь выясню об их встрече, то можно мне будет позвонить и оставить сообщение в центре засекреченной связи?

— Конечно.

* * *

— Пап, — сказал Рэйми, — у меня кое-что будет в школе на этой неделе. Вечерняя постановка.

— О! Прости, парень, но на этой неделе я лечу в Лондон.

— Жаль, что я не могу с тобой полететь.

— И мне тоже, — сказал Рэйфорд, представив себе, как сын подпортил бы ему малину, если бы он попытался продвинуться в своих отношениях с Хэтти Дюрхэм.

— Я буду на твоём выступлении, — сказала Ирэн.

— Видишь? — произнес Рэйфорд. — Вот и ладно.

Она смотрела на Рэйфорда.

— Что? — удивился он. — Я не могу ничего поделаться с моим графиком.

Она кивнула в сторону Рэйми и прошептала:

— Ты хотя бы спросил его.

— Что спросить? — одними губами сказал Рэйфорд.

— О выступлении.

— Да! Рэйми, а ты кого играешь?

— Я играю дерево.

Рэйфорд расхохотался.

— Дерево! И что ты должен делать, лаять?

— Очень смешно, пап. У меня стихи есть. Я говорящее дерево.

— Что же, жаль, что я не смогу там быть.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

— После того как я сделаю этот звонок, Николае, я должен рассказать вам, насколько далеко зашел в деле с Джонатаном, — сказал Леон.

— Тогда поторопись. Ждать почти не могу. И мне тоже много что надо тебе сказать.

Леон проверил адресную книгу, чтобы найти номер частной школы, которую посещали внуки Георге Василе.

Пока тот набирал номер, Карпати сказал:

— Ты уверен, что твой номер не отслеживается?

— Конечно, — заверил Леон. — Это последнее слово в технологии шифровальных кодов. — Он поднял руку, когда по телефону ответил женский голос, назвав школу. — Я хочу, чтобы вы внимательно выслушали меня, — сказал Леон, — поскольку повто-

рять я не буду. Возможно, вам придется это записать.

— Извините? Кто говорит?

— Повторять не буду, — сказал Леон. — Члены Румынской народной партии заложили в школе бомбу. Вы...

— Это не смешно! Я вешаю трубку.

— ...должны эвакуировать здание в течение девяти минут. Я настоятельно прошу вас вывести...

— Я не знаю, что вы там о себе думаете, но...

— ...учеников и персонал как минимум на четверть мили от этого здания. Восемь минут сорок пять секунд до взрыва. Всего доброго.

Фортуна убрал телефон и сел напротив Николае. Его колотила дрожь, но не от страха. От возбуждения.

— Леон, — произнес Карпати, и Фортуна то услышал искреннее восхищение в его тоне, — тебе цены нет!

— Спасибо. Мне только не хотелось бы доказывать вам это ежедневно.

— Я понял.

— Однако вам может не понравиться, насколько далеко я зашел с Джонатаном.

Леон рассказал ему об их разговоре.

Карпати гоготал и постанывал.

— Это великолепно! — воскликнул он. — Чудесно! И правильно! Он хочет видеть меня, я его — нет. Блестяще. Конечно, на самом-то деле я хочу его видеть. Василе сломается к концу дня, а если нет, придется уда-

рить не только по его лошадям, но и по тем, кого он любит.

— Я готов. Раз уж мы ступили на этот путь, обратной дороги нет.

— Я сам не смог бы лучше сказать, Леон.

Карпати рассказал Леону о своем контакте с миром духов.

— Это замечательно, Николае. Такого ведь давно уже не было, верно?

— Но ожидание того стоило. Но твоя Румынская народная партия — это ж просто шедевр. Кстати, как только получу шанс, выступлю против них со всем энтузиазмом. Конечно, они станут отрицать всякую связь с нападками на Василе.

— Конечно.

— Посмотрим, насколько быстро твоя шуточка попадет в новости, — сказал Карпати, убирая экран со стены и включая новостной канал. Через несколько секунд камера с борта вертолета показала, как из школы, словно тараканы, разбегаются ученики и учителя, бегущая строка сообщала: «Террористическая угроза со стороны Румынской народной партии... Служба безопасности связывает угрозу с поджогом конюшни семейства Василе...»

Николае фыркал от смеха, но Фортунато вдруг посерьезнел.

— Но ведь правда, — сказал он, — разве вам не следует попытаться связаться с Джонатаном? Вы ведь действительно еще не готовы стать независимым от него.

— Ждать недолго.

— Но все же...

— Нет. Он позвонит. И к тому моменту Василе уже будет загнан в угол.

— Смотрите! — воскликнул Фортунато, показывая на экран.

Бегущая строка внизу экрана сообщала: «Президент Румынской республики Георге Василе собирает в два часа дня пресс-конференцию. Ходят слухи об отставке».

Как только техники осмотрели школу и сообщили об отсутствии взрывчатых веществ, все телестанции переключились на поминутное освещение слухов о пресс-конференции Василе.

Его первый заместитель тут же пресек все спекуляции о его собственном будущем.

— Я не знаю о намерениях президента Василе, — сказал он, — но то, что ему пришлось пережить за последние несколько часов, стало бы испытанием для любого. Мне он ничего не говорил, за исключением того, чтобы я не рассчитывал занять его место. Я не знаю, что это значит. Если он намерен отойти в сторону — а я молюсь, чтобы такого не было, — то по закону мне придется занять его кресло, и я воспользуюсь всеми законными рычагами, чтобы этого добиться.

Однако Георге Василе — опытный государственный деятель и глава государства, который посвятил всего себя служению нашей родине, и я надеюсь, что он устоит перед

всеми попытками трусливого меньшинства заставить его уйти со своего поста.

Это заявление тут же вызвало опровержения со стороны лидеров и рядовых членов Румынской народной партии, которые указывали, что они никогда не прибегали к подобной тактике, что это никогда не было их почерком и что любой здравомыслящий человек понимает, что было бы безумием даже предполагать, что они возьмут на себя такое.

За пару часов до пресс-конференции Василе Вив Айвинз вошла в кабинет, где Леон и Николае сидели, глядя в экран.

— Вам звонит мистер Стонагал, — сказала она.

Николае нажал кнопку громкой связи, знаком отпустил госпожу Айвинз и подмигнул Леону.

— Джонатан! Как я рад вас слышать! Как дела в Нью-Йорке?

— Ты прекрасно знаешь, что я не в Нью-Йорке! Мы вот-вот приземлимся, и я хочу тебя видеть.

— Я весь день у себя. Жду вас.

— Приезжайте и встречайте меня в аэропорту!

— Что-то связь барахлит, Джонатан. Значит, у меня в полдень?

— В аэропорту!

— Джонатан, вы пропадаете. Если вы меня слышите, то я очень польщен вашим визитом и с нетерпением жду вас здесь.

— Приезжайте в аэропорт, Николае! Я знаю, что вы меня слышите!

— Что-то я не слышу его, Леон. Надеюсь, он меня понял. Очень приятно будет с ним встретиться, правда?

— Конечно! — выдохнул Леон, прикрывая рот рукой.

Через несколько минут зазвонил телефон Леона. На другом конце был сам Василе.

— Так вы ни перед чем не остановитесь, Фортунато?

Николае махнул Леону и изобразил, что заклеивает рот.

— Возможно, он записывает, — проговорил он одними губами.

— Простите, кто звонит? — спросил Леон.

— Вы прекрасно знаете кто.

— Голос вроде знакомый. Похоже на президента Румынии. Это президент Василе?

— Вы знаете, что это я.

— Какая честь, ваше превосходительство! Чему обязан?

— Думаю, и это вы тоже знаете.

— Что же, позвольте догадаться. Я смотрел новости и даже представить себе не могу, через что вы прошли. Если я или члены команды Николае Карпати можем чем-нибудь помочь, говорите!

Николае держался за живот, помирая со смеху, от чего Леону трудно было сохранять выдержку. Он слышал огорченное сопение Василе.

— Я так огорчился — мы все смотрели, и доктор Карпати тоже, — когда мы услышали о гибели конюшни вашего сына. Но скажите, ваши внуки не пострадали? Это ужаснуло всю страну, не только дедушку! Готов поспорить, сейчас все выступают единым фронтом.

— Дайте мне поговорить с Карпати.

— Простите?

— Ты слышал меня, Фортунато. Дай ему трубку.

— Боюсь, сейчас он недоступен, господин президент.

— Дело очень срочное. Разве он не рядом с вами?

— О нет, ваше превосходительство, я сейчас у себя дома, в центре. Вы можете позвонить его помощнице, госпоже...

— Дайте мне ее номер!

Карпати сделал вид, что аплодирует и хочет.

Фортунато продиктовал номер, и через несколько секунд зазвонил телефон — это Вив звонила Николае. Он взял трубку, сделав Леону знак, чтобы он слушал с другой трубки.

— Да, господин президент. Это сюрприз, но и большая честь разговаривать с вами в такой тяжелый для вас день.

— Вы представить себе не можете.

— Конечно, не могу.

— Мы что, так и будем ходить вокруг да около, Карпати?

— Простите?

— О, я понял. Будем. Отлично. — И тут Василе начал нараспев читать, как ребенок, вынужденный просить прощения чужими словами. — Доктор Карпати, я готов заявить о своей отставке с поста президента республики Румыния.

— О нет! Ваше превосходительство, не позволяйте террористам давить на вас! Даже будучи сторонником мирных средств, я с удовольствием вошел бы в комиссию по выдвижению обвинения против....

— Престаньте, Карпати. Дайте мне закончить. Я объясню своим избирателям и коллегам из других правительств, что к этому подтолкнул меня не кризис прошлой ночи и нынешнего утра и я не верю, будто мои достойные противники, Народная партия, могут быть связаны с такими действиями. Просто пришла пора, и я устал. Меня убедили, что нужна свежая кровь. Я не желаю ждать до следующих выборов. Я намерен обратиться к народу и моим коллегам, чтобы они приняли вас в качестве выбранного мною преемника на остаток моего срока, а затем уже обратиться к процедуре свободного выбора.

— О, господин президент, я польщен, до глубины души тронут тем, что вы так обо мне думаете, особенно с учетом истории нашего прежнего общения, далекого от дружеского. Но я просто не могу этого принять. Вся эта законодательная тягомотина, беспорядок, который вы вызовете в нашей конституции, неспособность народа официально ратифицировать такое вот...

— Но вы готовы принять это предложение, верно? То есть это такая возможность, разве нет? Не стоит этого делать ради меня.

— Вздор? Вовсе нет, ваше превосходительство. Я слишком молод и неопытен, чтобы принять этот пост.

— О да, верно. Значит, я делаю мое заявление, а вы готовьтесь к атаке папарацци.

— Я буду готов.

— Я надеюсь, что вы готовы к шумихе, не говоря уже об уголовных делах?

— У меня и на этот случай есть план, Георге.

— Почему-то это меня не удивляет. Вы появитесь на моей пресс-конференции в два часа?

— Нет, ваше превосходительство, мне кажется, что это будет неправильно. Пусть все идет своим чередом, но поскольку случай уникальный, то это вряд ли выйдет. Вы можете сказать, что вы обращались ко мне с такой идеей, но вы хотите, чтобы возобладала воля народа.

— Воля народа.

— Верно, господин президент.

— Вы просто немыслимы, Карпати.

— Спасибо, господин президент.

Не прошло и получаса после того, как Николае повесил трубку после разговора с Василе, как в дом влетел Стонагал со свитой.

— Вы просто безупречны, Джонатан, минута в минуту! — воскликнул Николае. — Давайте мы — вы, Леон и я — поговорим в приватной атмосфере, и я расскажу вам обо всем, что происходит.

— Со мной члены кризисной команды, которые должны быть в курсе, Николае. Важно, чтобы они услышали все своими ушами...

— Они услышат то, что мы захотим, чтобы они услышали. И сейчас у меня не так много времени, поскольку вскоре после двух этот дом будут штурмовать представители национальной прессы, желая узнать, как я отнесусь к предложению президента Василе занять его место.

— Вы так уверены, что он сделает это предложение? Когда я последний раз с ним разговаривал, он обещал мне все, что угодно, за мое вмешательство, чтобы я выиграл ему хотя бы еще одну неделю.

— Дело будет закончено сегодня, Джонатан. Вернее, оно уже сделано. А остальное — просто постановка.

— Тогда вам лучше ввести меня в курс дела.

— Только после вас, — сказал Николае, показывая на лифт, ведущий в его кабинет.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

К концу совещания, как мог сказать теперь Леон, Джонатан Стонагал был просто в шоке. Прежде всего, ему была поставлена цель добиться для Карпати — в его нынешнем статусе члена нижней палаты румынского парламента — предложения выступить перед Генеральной ассамблеей ООН.

Фортунато сидел, с любопытством наблюдая за своим боссом в действии. Тот излагал Стонагалу, как это должно быть сделано, как ему нужно быть представленным главам государств всего мира в течение последующих сорока восьми часов и что он также хочет присутствовать на тайном совещании мировых финансовых воротил.

— Все это слишком долго тянется, — сказал им Карпати. — Вы считаете, что и в будущем я буду вашим человеком, и делаете вид, что вы и ваши пособники из тайных обществ

делаете королей. Но в этом случае я все сделал сам, при помощи, и немалой, моего человека — Фортунато. Так что, невзирая на финансовую поддержку и политическое давление, которое вы могли бы оказать от моего имени, я вскоре стану главной государства, и жду, чтобы со мной обращались соответствующим образом.

Было понятно, что Джонатан просто кипит. Фортунато предположил, что за восемьдесят лет жизни вряд ли кто обращался с ним так и вряд ли он собирается терпеть такое сейчас. К его чести, хотя он и сидел, стиснув зубы, и на висках его пульсировали жилы, он ничего не сказал.

— У вас есть дело, мистер Стонагал, — сказал Карпати. — Можете воспользоваться одним из наших телефонов, но предлагаю вам скорее им заняться.

— Приглашение выступить перед ООН.

Николае кивнул.

— А что, необходимо повторять все, что я сказал?

— Я просто хотел удостовериться, что верно понял.

— О, вы поняли верно. Ваш слуховой аппарат ведь в порядке, не так ли?

— Не стоит оскорблять меня, Николае.

— А вам не стоит вставлять мне палки в колеса, сэр. В два часа дня я должен иметь возможность сказать, что приглашение уже у меня в кармане и я готовлюсь к небольшому мировому туру с вами.

- У меня есть срочное дело в Штатах.
- Подождет. Теперь звоните кому надо в ООН.
- В Нью-Йорке сейчас пять часов утра!
- Неужели? Значит, вы кого-то разбудите. Или не так?

* * *

Отставка президента Георге Василе накрыла страну, как цунами. А предложение, чтобы его на посту сменил Николае Карпати, потрясло всю Европу, особенно когда молодой политик поначалу отказался от этого предложения.

Не прошло и часа после пресс-конференции Василе, как Карпати согласился, наконец, выйти на лужайку перед домом к микрофонам и камерам всех главных новостных агентств мира. Вид у него был искренне потрясенный.

— Во-первых, я хочу пожелать президенту Василе всего наилучшего, чем бы он ни решил заняться. Позвольте мне присоединить свой голос к тем людям в нашем правительстве и всем политическим партиям, которые призывают к нему с просьбой передумать. Если эти призывы будут напрасны, — конечно, решать президенту Василе, и только ему, — я бы посоветовал ему следовать нашей конституции и протоколу и позволить

принять полномочия президента своему заместителю. Если бы я искал этой должности, я предпочел бы добиваться ее на выборах в следующем году.

Не так давно мне была оказана великая честь, выше которой только доверие ко мне президента Василе, и эта честь — выступить перед Генеральной ассамблеей ООН. Тем, кто меня знает — а я понимаю, что их было сравнительно мало, пока мне не выпали мои пятнадцать минут славы, — известно, что я давно был поклонником этой великой организации. Я изучал историю ООН и с благодарностью принял их приглашение. Я надеюсь, что эта организация — и весь мир — разделят со мной мое стремление к миру во всем мире. Я от этого никогда не отступлю.

Уже многие в правительстве просили меня принять президентский пост, включая тех, кто в противном случае стоял бы на очереди. Честно говоря, одно это почти убеждает меня. Скажем так: я воспользовался бы этой возможностью, если бы я гарантированно знал, что народ Румынии, если бы имел возможность волеизъявления, как можно скорее ратифицировал бы это. Это было бы, по сути дела, плебисцитом с единственным кандидатом. Если народ скажет, что я не должен принимать этот пост, я немедленно уйду.

Президентство — не то, чего я искал, по крайней мере сейчас. Но если такова воля нашего президента, моих коллег и — в первую

очередь — народа, притом что я не скрываю своего решительного намерения продвигать дело мира везде и во всем, то я с неохотой обдумаю и обсужу эту возможность с моими консультантами. Если я решу принять пост, я обещаю полностью и со всем энтузиазмом посвятить себя новой роли.

* * *

Ирэн становилось все труднее и труднее придерживаться своего решения. Она не хотела раздражать Рэйфорда. Она всегда сожалела о том, что принимает все слишком близко к сердцу, и Джеки — хотя и была моложе ее — мудро говорила ей, что давить на мужа не стоит, потому как, скорее всего, это не приблизит его, а оттолкнет.

Утром в воскресенье она услышала, что Рэйми уже встал и собирается в церковь. Замечательно! По будням его часто приходилось подолгу вытаскивать из постели. Но по воскресеньям — никогда. Как же Ирэн жалела, что такой любви к церкви и всему, что с этим связано, у нее в его возрасте не было.

— Рэйфорд? — тихо позвала она. Он что-то пробормотал в ответ, уткнувшись в подушку. — Ты же знаешь, как Рэйми было бы приятно, если бы ты поехал с нами сегодня, что бы там ни было с твоим полетом в Лондон.

Ответа не последовало.

— Так мне просто сказать ему, что ты не поедешь?

Он снова что-то проворчал, затем перекатился на бок, натягивая простыню на голову.

— Я должен починить квадроцикл, — выговаривал он, наконец. — Но к ланчу я вернусь и поем с вами, а потом будет очередной матч «Быков».

Ирэн еле сдержалась, чтобы не сказать, что он может починить шину в перерыве между двумя таймами и что хоть раз он мог бы пересилить себя ради своего сына. Но нет, она не собиралась так делать. Она не собиралась силой возвращать Рэйфорда в церковь, особенно церковь Новой Надежды.

Пастор Биллингз часто говорил, что иногда для того, чтобы человек пришел к Богу, его жизнь должна по-настоящему рухнуть.

— Иногда они должны пройти весь путь до конца.

Когда Ирэн одевалась в церковь, она думала — что же должно случиться в жизни Рэйфорда? Он стал более отстраненным, более брюзгливым, чем когда бы то ни было. Он явно был несчастлив и не знал, как с этим справиться. Она ощущала, что это из-за отдаления его от Бога, но она также понимала, что никто не сумеет закрыть эту пропасть, кроме самого Рэйфорда.

В воскресной школе в классе Рэйми занятия шли во время утренней службы, так что для того, чтобы посидеть вместе с ним во вре-

мя проповеди, Ирэн вызвалась помогать Джеки в обучении ее девочек-первоклассниц. Они с Рэйми встретятся после этого на их любимой скамье.

Маленькие девочки были такие милые, и Джеки прекрасно с ними ладила. Они были умненькие, счастливые и любопытные, и из-за того, что были такими маленькими, они впитывали библейские истории и уроки как губка. Ирэн поразило, что в классе на этой неделе было вроде больше народу, и она сказала об этом Джеки.

— Да, — ответила подруга. — Как минимум три новые девочки. И Дули сказал, что вчера на завтраке у мужчин яблоку негде было упасть. В «Геральд» напечатали статью о всплеске посещаемости церквей! Ты читала?

Ирэн покачала головой. Однако это интересно. Все больше и больше народу интересуется церковью, а ее муж — все меньше и меньше. Что ей делать, кроме как молиться за него? Не в ее духе было вести себя пассивно, но слишком многие предупреждали ее, чтобы она не давила на него, поскольку из этого ничего хорошего не выйдет, а только наоборот.

Когда Ирэн дошла до пятой скамьи в конце прохода со стороны органа, Рэйми был уже там. Как долго еще, подумала она, он без стыда будет сидеть в церкви рядом с матерью? Наверное, меньше года. Сколько ей было, когда она начала стыдиться показываться с родителями? Трудно будет, когда

такое случится с ее собственным сыном. Ей казалось, что он только вчера родился, но понимала, что он вот-вот станет подростком. Ирэн могла лишь молиться и надеяться, что, даже если Рэйми придется пройти обычные стадии отдаления от родителей, он не утратит своего трепетного отношения к Богу.

— Что ты сегодня слушал? — спросила она шепотом.

— О молодом богатом правителе, — ответил он. — Как ты думаешь, Иисус правда считал, что ему нужно отдать все, что тот имел, или он просто испытывал парня?

— Не знаю, — сказала Ирэн. — Но ведь богач в любом случае не прошел испытания, разве не так? Он захотел оставить все свое при себе, но ведь он жалок. Он на самом деле не хотел Царства Господня, он хотел служить лишь самому себе.

— Прямо как папа.

Ирэн вздрогнула. Она никогда не думала об этом. Возможно, потому, что не считала Рэйфорда особенно состоятельным, и уж он точно не был правителем.

— Как это?

Рэйми пожал плечами.

— Впечатление такое, что все должно крутиться вокруг него. То есть он не то чтобы гадко себя ведет со всеми. Просто то, что хочет он, для него стоит на первом месте, и если найдется время для другого, то тогда может быть... Не знаю.

— Твой папа бывает очень добрым и ласковым, Рэйми.

— Я знаю. Помню. Может, он просто больше любит Хлою. А теперь, когда она уехала, он изменился.

Вот об этом Ирэн никогда не думала.

— Прежде всего, Рэйми, я никогда не слышала, чтобы твой папа сравнивал тебя с Хлоей или говорил, что любит кого-то из вас больше. Я уверена, что он горячо и одинаково любит вас обоих. Возможно, тебе будет интересно узнать, что Хлоя считает, будто папа любит тебя больше, потому что ты мальчик.

— Правда?

Ирэн кивнула. Но мысль о том, что самая резкая перемена в Рэйфорде произошла после отъезда Хлои... Тут было о чем подумать. Когда Хлоя была рядом, все внимание концентрировалось на ней. Хлоя с Рэйфордом единым фронтом выступали против церкви и Бога. Теперь Рэйфорду приходилось быть изобретательнее, и союзника у него не было. Но вдруг то, что казалось началом кризиса среднего возраста, было вызвано просто глубокой тоской по дочери? Сама Ирэн точно это переживала. Она тосковала по Хлое, особенно потому, что между ними пролегла пропасть — Ирэн надеялась, что не навсегда.

После всех обычных молитв, песнопений, пожертвований и объявлений настало время проповеди пастора Биллингза.

Ирэн ценила полное отсутствие претенциозности у нового пастора. Она в своей жизни бывала во многих церквях, и боль-

шинство проповедников едва могли скрыть свое эго. А Вернон Биллингз собрал небольшое, но постоянно растущее общество прихожан, у которых были две утренние службы — не потому, что их было так много, но, скорее, потому, что здание было слишком маленькое, и люди его уважали. И все равно казалось, что он пытается выдвинуть на первое место любого другого, кто служил в церкви. Он никогда не забывал поблагодарить тех, кто помогал ему.

Но прежде всего он всегда начинал с молитвы, прося у Господа умения донести до паствы то, чего хочет Бог, и чтобы люди услышали то, что желает внушить им Господь. Во время проповеди он всегда сосредоточивался на Иисусе и уважал слово Библии.

— Те из вас, кто уже сидит на своих местах, могут оглянуться по сторонам, прежде чем я начну, — сказал он. — В этом здании никогда не собиралось столько людей.

Ирэн повернулась и увидела, что заполнены все скамьи, даже на крохотной галерее. Как объяснить это возобновление интереса к делам Господа? И существует ли какое-нибудь высшее объяснение тому, почему это не захватило Рэйфорда Стила?

После того как пастор Биллингз начал со своей обычной молитвы, он вкратце изложил то, что он говорил в предыдущих проповедях, подчеркнув, что никто не знает ни дня, ни часа возвращения Господа, даже Сам Иисус. Он говорил Своим ученикам, что только Отец знает, когда настанет конец, так

что все, кто говорит, что знает, когда это случится, впадает в самое крайнее и бесстыдное безумство.

— Мы знаем одно — в пророчествах не говорится ничего о том, что должно случиться перед тем, как Иисус сойдет небес под гром труб и заберет истинных Своих последователей со всего земного шара. Писание учит нас жить в свете Его грядущего возвращения и вести себя так, словно оно случится прямо сегодня. И все же Господь в милости Своей может подождать еще один день, что по Его счету времени составляет тысячу лет, как говорит Библия. Моя вера не поколеблется, если Он подождет и я умру раньше. Но нам надлежит понимать, что нужно жить так, словно Он вернется сегодня.

Он не вернется на землю в этот раз, но, скорее всего, появится в облаках. И первыми восстанут умершие во Христе. Затем те, кто остался, будут восхищены в мгновение ока, и мы навеки останемся с Господом.

Не делайте ошибки — Он вернется еще раз и ступит на эту землю, но это не Восхищение. Это будет Второе пришествие, Явление во славе, через семь лет после того, как Антихрист заключит лживый договор с избранным Богом народом. Некоторые говорят, что эти семь лет начнутся с момента Восхищения, но мне кажется, что отсчет начнется с этого лживого договора, который случится после Восхищения через некоторое время — от нескольких дней до двух лет.

Как бы то ни было, те истинно верующие, что вознесутся, в радости проведут семь лет в доме Господа вместе с Христом, Который две тысячи лет готовил это место для нас. Мы много раз говорили о том, кто попадет туда, но всегда хорошо повторить это еще раз. Хорошие люди? Нет. Библия говорит, что «нет праведного ни одного»¹. Религиозные люди? Нет. Господь нелицеприятен. Добрые, чувствительные, служащие другим? Что же, будем надеяться, что те, кто окажется достоин, будут выказывать эти качества. Но Писание также четко говорит, что не деяния вменяются в праведность, а Господней милостью мы спасаемся. «Ибо благодатью вы спасены через веру, и сие не от вас, Божий дар: не от дел, чтобы никто не хвалился»².

Служение, труды праведности — конечно, это хорошие, положительные, необходимые вещи для верующего. Но это не спасет его. Они не откроют ему путь на небеса. Это не подготовит человека к Восхищению, случись оно сегодня. Это то, что должно делаться в благодарность за добровольный дар спасения, данный... кому? Тому, кто верит. Тому, кто верит в самопожертвование Христа на кресте ради прощения его грехов.

Вы слышали, как я прежде говорил, что некоторые люди, которые вознесутся, могут оказаться не столь добрыми, как те, что оста-

¹ Послание к Римлянам, 3:10.

² Послание к Ефессянам, 2:8—9.

нутя. То, что все люди, мужчины и женщины, грешны — либо они будут спасены милостью, либо погибнут во грехе, — не означает, что они неприятны или не любезны с окружающими.

Меня часто спрашивают — разве это не дискриминация? Разве вы не избирательны? Кто вы такие, чтобы заявлять, что искренне верующие люди других религий будут забыты, оставлены Богом? Я понимаю, что мы живем в плюралистическом обществе и что люди всех верований и убеждений заслуживают почтения и права делать собственный выбор. Я хочу быть толерантен, как и прочие, и вы никогда не услышите, что Вернон Биллингз из церкви Новой Надежды или — молюсь об этом — любой истинный последователь Христа будет проклинать кого-нибудь из-за несогласий с нами. Мы должны любить наших врагов, тем более наших коллег и друзей, знакомых и родственников, которые не согласны с нами.

Но наша обязанность также быть посланниками Христа, дабы говорить истину, такую, как мы ее знаем и в которую мы верим, ибо Сам Иисус говорит: «Я есмь путь и истина и жизнь»¹ и что Он единственный путь к Богу. Нам это может не понравиться. Мы сделали бы иначе, будь мы Богом. Мы не обязаны этого понимать. Пути Господни — не наши пути. Потому мы не должны использовать эту весть для оскорблений или

¹ Евангелие от Иоанна, 14:6.

разделения. Мы делимся ею только для того, чтобы информировать людей и побуждать их думать о том, что им делать с этим предостережением.

Наша работа, наша обязанность — распространять слово, просить людей изучать слово Христа, чтобы они были готовы, когда настанет этот великий день. Как они поступят, услышав это послание, — их дело. А как мы ответим на их решение — это сделает или не сделает честь Самому нашему Господу. Вы не услышите, что христиане ненавидят, унижают, терроризируют, бомбардируют, убивают или таранят самолетами здания тех, кто выражает свою свободу не соглашаться с нами. Христос велит нам любить их и молиться за них.

Ирэн ощутила необычную тишину в церкви. Часто, когда она была полным-полна, в ней постоянно слышался какой-то гул, так что приходилось делать усилие, чтобы сосредоточиться. Но сегодня, несмотря на то что здесь было куда больше народу, чем всегда, казалось, что никто вообще не шевелится. Пастор Биллингз однажды сказал, что когда пророчество растолковано и усвоено, то тело само стремится к святой жизни. Вряд ли он был из тех, кто оправдывает человека, когда тот отворачивается от язв общества, надеясь, что однажды он будет чудесным образом избавлен от них. Скорее, говорил он, мы должны куда больше уделять внимание бедным, голодным, вдовам, сиротам и нуждающимся.

— Но сейчас, — сказал он, — а я знаю, что вы задавали себе вопрос, дойду ли я до этого предмета вообще, я хотел бы завершить мои проповеди, сказав о том, чего мы могли бы ожидать от этого великого дня.

Пастор Биллингз назвал три отдельных текста из Библии, и когда они были спроецированы на экран у него за спиной, Ирэн была зачарована шелестом страниц, прокатившимся по аудитории. Они с Рэйми были среди тех, кто сразу нашел все три отрывка и отметил каждый из них.

Первый был из Евангелия от Иоанна, глава 14 стих с 1-го по 6-й, где Иисус обращается к своим ученикам:

«Да не смущается сердце ваше; веруйте в Бога, и в Меня веруйте. В доме Отца Моего обителей много. А если бы не так, Я сказал бы вам: Я иду приготовить место вам. И когда пойду и приготовлю вам место, приду опять и возьму вас к Себе, чтобы и вы были, где Я. А куда Я иду, вы знаете, и путь знаете.

Фома сказал Ему: Господи! не знаем, куда идешь; и как можем знать путь?

Иисус сказал ему: Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня».

Затем пастор Биллингз обратил их внимание на Первое послание Фессалоникийцам, глава 4, стихи 13—18, в которых апостол Павел обращался к церкви в Фессалониках:

«Не хочу же оставить вас, братия, в неведении об умерших, дабы вы не скорбели, как прочие, не имеющие надежды. Ибо, если

мы веруем, что Иисус умер и воскрес, то и умерших в Иисусе Бог приведет с Ним. Ибо сие говорим вам словом Господним, что мы живущие, оставшиеся до пришествия Господня, не предупредим умерших, потому что Сам Господь при возвещении, при гласе Архангела и трубе Божией, сойдет с неба, и мертвые во Христе воскреснут прежде; потом мы, оставшиеся в живых, вместе с ними восхищены будем на облаках в сретение Господу на воздухе, и так всегда с Господом будем. Итак, утешайте друг друга сими словами».

— Я не полагаю, что все здесь знают, что имел в виду Павел, когда писал «не предупредим умерших», — сказал пастор Биллингз. — Речь идет о мертвых. Нам не следует плакать о тех, кто умер во Христе, поскольку мы верим, что они тоже будут взяты на небо, чтобы быть с Ним в тот великий день — даже раньше нас, если мы в это время будем живы.

Наконец, он попросил всех открыть Первое послание к Коринфянам на главе 15, стихи 50—58:

«Но то скажу вам, братия, что плоть и кровь не могут наследовать Царствия Божия...»

— Другими словами, мы не можем жить с Господом такими, какие мы есть. Что-то должно измениться, и этого чего-то мы сами сделать не можем.

«... тление не наследует нетления. Говорю вам тайну: не все мы умрем, но все изменимся вдруг, во мгновение ока, при последней

трубе; ибо вострубит, и мертвые воскреснут нетленными...»

— Наши тела изменятся и возвеличатся, чтобы быть такими же, как тело Иисуса.

«...а мы изменимся. Ибо тленному сему надлежит облечься в нетление, и смертному сему облечься в бессмертие».

— Другими словами, наши грешные, падшие, смертные тела Господь изменит, дабы они стали нетленными, бессмертными телами.

«Когда же тленное сие облечется в нетление и смертное сие облечется в бессмертие, тогда сбудется слово написанное: поглощена смерть победою.

Смерть! где твое жало?

Ад! где твоя победа?

Жало же смерти — грех; а сила греха — закон. Благодарение Богу, даровавшему нам победу Господом нашим Иисусом Христом! Итак, братья мои возлюбленные, будьте тверды, непоколебимы, всегда преуспевайте в деле Господнем, зная, что труд ваш не тщетен пред Господом».

— Павел говорит здесь, что, хотя наши труды не спасут нас, надежда на воскресение дает им ценность. Ничто из сделанного во имя Иисуса — не тщетно.

Итак, вы видите последовательность? Сначала воскреснут умершие во Христе. Представляете? Тела в могилах и крематориях, утонувшие, погибшие во время природных катастроф, погребенные в затонувших кораблях, разорванные бомбами, сгоревшие

в пожарах, абортированные дети... все вознесутся прежде, чем те, кто остался жить во Христе.

И затем я вижу великое воссоединение верующих — возможно, миллиард или два со всего земного шара — в облаках. Затем мы вознесемся, чтобы встретиться с Иисусом. И Он заберет нас в Дом Отца Своего. Я не знаю, как вы, но я с трудом могу этого дожидаться. Мне хотелось бы описать вам свое ощущение, но Павел в Послании Коринфянам повторяет за Исаией: «Но как написано: “Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его”».

Единственным местом в Библии, в котором описывается Дом Божий, является Откровение Иоанна Богослова, глава 21:

«И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет. И я, Иоанн, увидел святой город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего. И услышал я громкий голос с неба, говорящий: се, скиния Бога с человеками, и Он будет обитать с ними; они будут Его народом, и Сам Бог с ними будет Богом их. И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло.

...И вознес меня в духе на великую и высокую гору, и показал мне великий город, святой Иерусалим, который нисходил с неба

от Бога. Он имеет славу Божию. Светило его подобно драгоценнейшему камню, как бы камню яспису кристалловидному. Он имеет большую и высокую стену, имеет двенадцать ворот и на них двенадцать Ангелов; на воротах написаны имена двенадцати колен сынов Израилевых: с востока трое ворот, с севера трое ворот, с юга трое ворот, с запада трое ворот.

Стена города имеет двенадцать оснований, и на них имена двенадцати Апостолов Агнца. Говоривший со мною имел золотую трость для измерения города и ворот его и стены его. Город расположен четвероугольником, и длина его такая же, как и широта. И измерил он город тростью на двенадцать тысяч стадий; длина и широта и высота его равны. И стену его измерил во сто сорок четыре локтя, мерою человеческого, какова мера и Ангела. Стена его построена из ясписа, а город был чистое золото, подобен чистому стеклу. Основания стены города украшены всякими драгоценными камнями: основание первое яспис, второе сапфир, третье халкидон, четвертое смарагд, пятое сардоникс, шестое сердолик, седьмое хризолит, восьмое вирилл, девятое топаз, десятое хризопраз, одиннадцатое гиацинт, двенадцатое аметист. А двенадцать ворот — двенадцать жемчужин: каждые ворота были из одной жемчужины. Улица города — чистое золото, как прозрачное стекло.

Храма же я не видел в нем, ибо Господь Бог Вседержитель — храм его, и Агнец. И го-

род не имеет нужды ни в солнце, ни в луне для освещения своего, ибо слава Божия осветила его, и светильник его — Агнец. Спасенные народы будут ходить во свете его, и цари земные принесут в него славу и честь свою. Ворота его не будут запираяться днем; а ночи там не будет. И принесут в него славу и честь народов. И не войдет в него ничто нечистое и никто преданный мерзости и лжи, а только те, которые написаны у Агнца в книге жизни».

Ирэн записывала так быстро, как могла, Рэйми тоже. Все эти подробности просто ошеломляли. Никогда прежде она так не ждала возвращения Христа.

Но пастор Биллингз еще не закончил. Он также рассказал о суде Христовом, когда деяния верующих будут взвешены и вознаграждены — или не вознаграждены.

— Как наши труды не могут спасти нас, так они не могут лишить нас спасения. Но в Писании ясно сказано, что они будут определять уровень и величину небесной награды. Потому тем, кто говорит, что верует в Христа только ради пожарной страховки — чтобы в адский пламень не попасть, — неплохо бы понять, что все, что они в жизни сделали, на этом суде будет открыто.

Пастор Биллингз закончил звучным изложением церемонии символического венчания в небесах Иисуса — Агнца и Его Невесты — Церкви.

— Свадебный пир, само празднование будет отложено до Второго пришествия се-

мью годами позже, — сказал пастор. — Но представьте себе самую церемонию! Когда времена Скорби на земле подойдут к концу, все восхищенные соберутся, чтобы вместе с Иисусом явиться в битве Армагеддона и установить Его Тысячелетнее царство. Ужасный Великий Белый Престол Суда, пред которым будут отделены агнцы от козлищ и будут судимы, также свершится во время Тысячелетнего царствования.

И как вы знаете, мое предположение таково, что мы не будем ощущать времени так, как здесь и сейчас. Если для Господа тысяча лет как один день, то представьте, насколько мимолетны будут семь земных лет для тех, кто находится по ту сторону врат. Нам это покажется всего лишь мгновением, а затем мы воссоединимся с теми, кто остался здесь и пришел к Христу. О, какой день, какой день!

Когда пастор Биллингз закончил, Ирэн была потрясена тем, что произошло дальше — и чего не произошло. Обычно следовала заключительная молитва, во время которой музыкальная группа возвращалась на возвышение для последнего номера, пока люди выходили.

Но сейчас пастор Биллингз просто сошел с кафедры, спустился по трем ступенькам с возвышения и остановился перед первой скамьей. Он раскинул руки и тихо сказал:

— Если вы готовы, идите.

И со всех углов двинулись люди. По одному, парами, затем группами по десять и больше, они плакали, бежали, падали на колени,

жаждая принять Христа, быть готовыми к Восхищению, когда бы оно ни случилось.

Ирэн не могла справиться с собой. Она невольно обернулась, чтобы посмотреть — вдруг каким-то чудом, как в дурацком фильме, сюда придет Рэйфорд? Может, он сидел на галерее или стоял позади, а теперь идет вперед?

Но нет. Ирэн, окидывая взглядом волнующуюся толпу, видела только загадочного второго пастора, низенького и полноватого курчавого Брюса Барнса, которого все так любили. Казалось, он ищет взглядом то же, что и Ирэн. Их глаза на мгновение встретились. Он, казалось, стоял особняком, но она предположила, что он скоро присоединится к толпе и будет помогать советом, молитвой, чтобы вести людей к Христу.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Бизон Уильямс проверил свою секретную почту и нашел сообщение от Дирка Бартона из Лондона:

«Кэмерон, ты всегда говорил мне, что этот центр сообщений защищен, и я надеюсь, что ты прав. Я даже не собираюсь идентифицировать себя, но ты знаешь, кто это. Я хочу сказать тебе нечто важное, чтобы ты как можно скорее приехал сюда. Большая шишка — твой соотечественник, тот, кого я называю самым крупным международным брокером, — встретился здесь недавно с тем, кого я называю нашим “шире, грязь, дерьмо ползет”. Ты знаешь, о ком я. На встрече была и третья сторона. Я знаю только, что этот человек был из Европы. Вероятно, Восточной. Не знаю, каковы их планы на него, но, похоже, наполеоновские.

Мои осведомители говорят, что твой соотечественник встречался с каждым из своих ключевых фигур и этим самым европейцем в разных местах. Он представил его народу в Китае, Ватикане, Израиле, Франции, Германии, здесь и в Штатах. Что-то затевается, и я даже предполагать не хочу, что именно, разве что в личной беседе. Приезжай как можно скорее. Если это невозможно, позволь мне вот что тебе сказать: ищи новости об официальном введении в должность нового лидера в Европе. Если ты, как и я сам, скажешь, что никаких выборов в ближайшее время не предвидится, как и перемен во власти, то ты понял мой намек. Приезжай скорее, дружище».

«Дирк, конечно, параноик, — подумал Бизон, — но он проникательный и сообразительный парень». Бизон подошел к столу Мардж Поттер.

— Можешь устроить мне полет в Чикаго на следующей неделе?

— Чтобы встретиться с миссис Вашингтон? Конечно.

— А откуда можно устроить полет прямо в Лондон, а затем назад в Нью-Йорк?

— Думаю, да. Я дам тебе знать, как получится.

* * *

Играя в недоступность, Николае Карпати стал неотразимо привлекателен для народа Румынии. Почти сразу же массы стали требовать ввести его в должность. На каждой стадии он добавлял условия. Все «очередники» должны были дать согласие. Второй в государстве человек должен снять свои законные возражения. Обе палаты парламента должны проголосовать за. Конечно, все это было сказано после того, как стала понятна воля народа. Ежечасные подсчеты голосов показывали, что поддержка Карпати растет в геометрической прогрессии, так что никакой политик ни от какой партии не осмеливался рискнуть собственным будущим, выступая против воли народа.

Наконец, когда начало казаться, что Карпати ставит слишком высокие требования к условиям своего согласия, он сдался. Он заявил, что если как можно быстрее будет проведен всенародный референдум — и если ему разрешат назвать крыло здания парламента в честь уходящего президента, — он согласится на пожелания людей столь любимой им страны.

* * *

— Я просто хочу знать, — сказал Леон. — Разве это слишком много?

— Конечно, нет, — ответил Николае. — Выражайся точно, и я буду делать то же самое.

— Мне хотелось бы получить стратегическую роль в вашей президентской команде. Должность в законодательном собрании. Я хочу, чтобы все знали, что я ваш самый доверенный советник.

— Спасибо, что сказал напрямую, Леон. На самом деле я очень много думал об этом. Возможно, для тебя станет сюрпризом — а возможно, и нет, — что я только вчера имел точно такой же разговор с Вив Айвинз.

— Она тоже видит себя в такой же роли?

— Она не дура. Но она хочет быть вблизи меня, в штате, в ближнем круге, чтобы у нее тоже была официальная должность в правительстве.

— Вы не можете нас за это корить. Мы верны вам, и мы бы хотели, чтобы это было взаимно.

— Конечно. Но я скажу тебе то же самое, что и ей. Вы оба нужны мне в Нью-Йорке.

— В Нью-Йорке?!

— Вы будете моим авангардом. Понимаешь, Леон, я начал работать над моим обращением к ООН задолго до того, как Джона-тан обеспечил мне приглашение. Моя речь, если можно так сказать, будет демонстрацией силы. Если ты считаешь, что мое согласие на президентское кресло было впечатляющим, то, поверь мне, это ничто по сравнению с тем, что будет в ООН. Я уже это вижу. На самой большой медиасцене мира. Румыния сразу станет для меня слишком малень-

ким пяточком. Все это признают. Я ворвусь на международную арену так стремительно, что мне, наверное, придется отослать тебя сюда, чтобы руководить страной, пока я буду завоевывать мир.

Леон не знал, что и сказать. Он ощущал невероятную гордость. Он видел потенциал Карпати, он верил, что сыграл главную роль, помогая ему достичь такого успеха. Но он хотел оставаться рядом с ним, а не быть отосланным на задворки в качестве уполномоченного или заниматься мирскими проблемами государства, пока Николае будет завоевывать мир.

— А что будет мне, если я сумею подготовить вам теплый прием в Нью-Йорке, достойный вашего статуса? Если вы, как вы надеетесь и планируете, захватите город — и мир — штурмом, что тогда?

— А тогда, Леон, и начнется самое интересное. Если ты беспокоишься, что застрянешь на этой должности надолго, то не беспокойся. Ты с Вив, возможно, проведете на периферии сезон, но настанет время — когда я по-настоящему войду во власть, — и вы будете со мной рядом, как центровые игроки.

* * *

Рэйфорд категорически запретил Хэтти Дюрхэм звонить ему домой. Не потому, что Ирэн что-то подозревала. А потому, что Рэй-

форду даже намек на такую возможность сейчас был не нужен. Дело в том, что он был просто одержим Хэтти, из-за чего Ирэн, несмотря на все ее попытки восстановить их супружество, казалась ему старой, холодной, простоватой и сварливой.

Рэйфорд понимал, что это не так. Да, бывали моменты, когда она становилась прежней Ирэн — той, которая при помощи гнева или сарказма пыталась во что-то ткнуть его носом. Но в душе он понимал, что это и его вина. Его унесло туда, где, кроме пульта управления самолета, ему оставалась только жизненная дисциплина. Он всегда выглядел как подобает и был готов к работе. Но его брак разваливался, и он это понимал. Он делал, что хотел и когда хотел, добивался первого места, по большей части забывая о сыне и жене.

А его мысли постоянно вертелись вокруг этой молодой женщины, с которой ему так приятно было ехать в машине, летать в одном экипаже, все чаще ужинать вместе и говорить по телефону. Но только по его соговому.

Ирония была в том, что он так ни разу и не прикоснулся к Хэтти. По крайней мере, нарочно. Ее прикосновений хватало на двоих, и это каким-то образом заставляло его постоянно думать о ней. Это напоминало ему о девушках, по которым он сходил с ума в университете. Различие было в то, что Хэтти Дюрхэм была доступна. Это не была невозможная, далекая мечта об идеальной девуш-

ке. В университете он не сводил глаз с тех же самых девушек, от которых были без ума все парни, и лишь немногие их добивались.

Но здесь была одна из самых обольстительных женщин, каких он видел в жизни, на пятнадцать лет моложе его, и она хотела его. Он знал это. Ему не надо было быть стипендиатом Родса, чтобы это понять.

— Я лечу в Лондон, — сообщила она ему тем воскресным утром, когда он позвонил ей со своего сотового. Он ощутил, что краснеет, хотя рядом никого не было.

— Отлично, Хэтти. Буду ждать встречи.

— Я тоже, — сказала она. — Ты даже не знаешь как. Я даже не могу сказать как. Но, наверное, смогу показать.

В этом дальнем полете было что-то такое, что оправдывало в мыслях Рэйфорда более откровенный флирт с Хэтти, чем он позволял себе раньше. Это было мальчишество. Это было так запутанно. И неправильно. Он все это понимал. А вдруг это будет стоить ему брака? Сына? Хлоя-то поймет. У нее проблемы с Ирэн были такими же, как у него. Многие люди переживают болезненный разрыв. И он переживет. И Рэйми. Дети ведь быстро оправляются, разве не так? Разве не все так говорят?

Да о чем он думает? Хэтти просто развлечение, интеллектуальная игра. Да, он вел себя дурно, обижая Ирэн своим взглядом, словами, лгал ей по мелочам, проводил свое время с Хэтти. Но он даже не коснулся ее — и вдруг думает о последствиях развода.

Если Хэтти действительно уведет его из семьи, что тогда? Будет ли она хранить ему верность? Одно дело, когда тебе чуть за сорок и у тебя двадцатисемилетняя жена, а что будет, когда тебе стукнет пятьдесят? А шестьдесят? Она явно из тех женщин, которые медленно старятся и которые много лет будут сохранять сногшибательную красоту. Как долго он будет ей интересен? Особенно когда он прекратит игру в неприступность? Теперь-то он для нее добыча. Наверняка ей в жизни попадалось мало мужчин, которых ей не удалось заполучить. А вдруг он перестанет ей нравиться, если сдастся и отвернется от семьи?

Безумие какое-то, говорил он себе. Абсурд. Он намеревался выбросить все это из головы. По крайней мере, до тех пор, пока снова не заберет ее на работу. Тогда он будет наблюдать, как она идет к машине, ощутит ее руку на локте, посмотрит в ее огромные, манящие глаза.

Рэйфорд был сильно увлечен ею.

На самом деле он чувствовал вину за то, что его мысли заняты другой женщиной, которая еще не стала на самом деле «другой женщиной», в то время как его жена и сын находятся в церкви без него. Ему пришлось ожесточиться против их пресного вечно-го энтузиазма, как только он услышал звук подъезжающей машины Ирэн.

Чувство вины заставило Рэйфорда торопливо уставить стол картонными тарелками и разложить пластиковые приборы в

ожидании курочки в панировке, которую Ирэн каждый раз покупала домой по воскресеньям. На сей раз Рэйфорд устоял перед соблазном усесться заранее перед телевизором. Он часто настаивал на том, чтобы съесть свой ланч перед экраном, прекрасно понимая, что Ирэн хотелось хоть немножко посидеть за столом всей семьей. Он мог это позволить — по крайней мере, сегодня.

Следующие выходные будут лучше. Он пообещал Рэйми, что пойдет в церковь. Как он позволил этому мальчишке выбить из него такое обещание, он даже не помнил. Но он уже перешел ту черту, за которой можно отступить от слова еще раз. «Ну схожу разок, хуже не будет», — подумал он.

Разве что от этого он будет чувствовать себя еще более виноватым из-за своего увлечения Хэтти Дюрхэм. Дело было в том, что он еще не был готов от всего этого отказаться... или от нее.

* * *

Бизон Уильямс давно понял, что лучшая часть его работы — предвкушение. Бизон любил планировать свои дела на день едва ли не больше, чем сами дела. Ничто не удовлетворяло его так, как вторая половина воскресенья, когда он мельком смотрел спортивные передачи по телевизору и расписывал на компьютере следующую неде-

лю, а затем сгружал расписание в свой оргайзер.

Когда каждое редакционное задание — в зависимости от очередности или важности — отмечалось галочкой, он все больше и больше был доволен собой. Кое-кто называл его трудоголиком, но он себя таковым не считал. Он верил, что различие между ним и тысячами других — они занимались работой, которая им не нравилась, — не в удаче, а в четком выполнении тысячи мелких дел.

Он знал, что судьба ему помогает. Он много путешествовал, встречался с интересными, важными людьми, получал замечательные редакционные задания, ему хорошо платили. Более чем хорошо. Он жил даже лучше, чем его удовлетворило бы. У него были простые вкусы, но такую, как у него, квартиру на Манхэттене не смог бы купить человек статусом ниже его.

Бизон мало что оставлял на волю случая. Все было расписано и распланировано. Составляя списки дел и перепроверяя их, чтобы удостовериться в том, что записал все, что нужно, он представлял себе каждый будущий момент. Если это была напряженная встреча, как с Люсиндой Вашингтон в Чикаго на этой неделе, он понимал, что пора напомнить ей об обещании познакомить его с ее культурой в большом ресторане на Саут-Сайд в Чикаго.

Затем, благодаря тому что Мардж Поттер нашла ему прямой рейс из Чикаго на

самолете «Пан-Континентал», он полетит в Лондон и встретится с Дирком. Его ушлый приятель в течение многих лет был источником важной и не очень информации, но вот сейчас точно следовало поглубже копнуть. Но вторым моментом после предвкушения встречи с Дирком было ожидание многочасового полета первым классом над Атлантикой. Иногда Бизону казалось, что он стареет, потому что он слишком жаждал простых вещей в жизни — действительно простых вещей. Как, например, возможности подключить свой ноутбук, отключиться от болтливого соседа, посмотреть кино и просмотреть миллион новостей, идущих непрерывным потоком, пока «Боинг-747» будет рассекал небеса.

«Основные черты моей жизни — одиночество и работа в комфортабельном кожаном кресле? Старикан ты, старикан».

Но Бизону едва исполнилось тридцать лет.

* * *

Ирэн и Рэйми вернулись из церкви воодушевленные. Такое и прежде бывало, но сегодня они выглядели вообще по-идиотски. Ирэн, вероятно, приободренная тем, что Рэйфорд накрыл стол, не стала вмешиваться, когда Рэйми начал рассказывать, какая обалденная сегодня была проповедь.

— Ты должен посмотреть запись, пап.
Правда, тебе понравится.

— Возможно, посмотрю.

— Обещай.

— Хорошо, я обещаю.

— Теперь ты мне два обещания задолжал, пап.

— Чтоб я забыл.

— Не забудешь?

— Конечно.

— В следующее воскресенье?

— Да. Обещаю.

Рэйми, пока они ели, не говоря уж об игре «Быков», все рассказывал ему о проповеди пастора Биллингза. Как ни странно, Рэйфорду она действительно показалась интересной, и он подумал, что, наверное, ему надо было туда пойти. Но он не был готов в этом признаться. Кто знает, какой поток информации после этого обрушится ему на голову?

Почему, в конце концов, у него не может быть нормальной жизни, нормальной семьи, нормальной жены, нормального сына? Ни у кого из его знакомых дети церковью не интересовались. Может, они туда и ходили, но что происходило в церкви, то и оставалось в церкви. Этого не обсуждали до полной тошноты за едой и во время спортивной передачи по телевизору.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Леон Фортунато никогда не был дамским угодником. И хотя он уважал более старшую по возрасту Вив Айвинз, даже восхищался ею, его не радовал долгий полет рядом с ней. Его впечатляли ее деловитость и особенно верность Николае. Но, как часто случается в окружении могущественных людей, между ними возникла ревность.

Они никогда не ругались, но Леон поймал себя на том, что пассивно-агрессивно игнорирует ее предложения и мнения, если только они откровенным образом не выражали пожелания Николае. На самом деле ему нечего было опасаться, поскольку он кое-что знал о Карпати. Во-первых, он был шовинист старой школы. Во-вторых, хотя Николае и называл госпожу Айвинз «тетя Вив» — Леон знал об их интересном прошлом и связях, — Николае не обращался с ней как с членом семьи.

Вив была, очевидно, близка к нему, входила в его внутренний круг, и Николае во многом полагался на нее. Но Леон никогда не слышал, чтобы тот говорил о ней тепло или хотя бы подбадривал ее. Никогда Леон не чувствовал, чтобы им пренебрегали из-за того, что Вив была дольше знакома с Карпати. Роль Вив явно сместилась с положения духовного советника и приемной родительницы к роли каждодневного помощника по тылу и управительницы его имения. Она стала, скорее, фоновой фигурой, прислугой.

Леон думал — не бесит ли ее, что кто-то другой становится между ней и ее боссом? Он заметил в ней определенную холодность, возможно, даже подозрительность к себе. Но Леон не видел необходимости защищаться. Его близость к Карпати — несмотря на это временное и необходимое разделение — была большим капиталом, который он намеревался вложить в дело с умом.

Он был, однако, приятно удивлен, когда в полете до Нью-Йорка обнаружил, что Вив Айвинз удивительно дружелюбна, откровенна и даже заботлива. Она оказалась вежливой, скромной, услужливой, с любопытством расспрашивала его о его жизни. Леон не ощутил в этом никаких скрытых поползновений, хотя и постарался быть не слишком откровенным. Единственным человеком, которому надо было знать прошлое Леона, был Николае, и он прекрасно это сознавал.

— Я ожидаю, — сказала Вив после того, как им подали первый обед в полете, — что

вы будете по большей части заниматься публичными делами, а я частными. Конечно, я открыта предложениям, готова выслушать ваши поправки, но, другими словами, я буду заботиться о жилье Николае, включая всевозможный комфорт и так далее. Поправьте меня, если я ошибаюсь, но я полагаю, что вы будете обхаживать дипломатов, заниматься прессой и всем таким.

Леон кивнул.

— Насколько я знаю, сударыня, мы должны организовать штаб-квартиру в «Плазе», где будем жить, не думая о бюджете. Президент Карпати ожидает, что ему будут оказаны все почести, соответствующие его положению.

К удовольствию Леона, они с Вив работали отдельно и эффективно, и не прошло еще и дня с момента их прибытия, как практически все было пущено в ход, чтобы визит нового президента и гостя ООН оказался успешным. Свита Карпати заняла целое крыло на верхнем этаже, не считая румынской службы безопасности вместе с нью-йоркской полицией, а также охранниками ООН и США.

Леон и Вив поселились в прелестных комнатах в разных концах коридора, и несколько комнат, превращенных в кабинеты, отделяли комнаты Николае от апартаментов Вив. В течение двадцати четырех часов в кабинете были установлены все чудеса технологии, известные человеку, и Леон занялся устройством встреч Николае с рядом высо-

копоставленных лиц, чей список занял три печатных листа.

Самой стратегически важной частной встречей Леона была встреча с Генеральным секретарем ООН Мвангати Нгумо. Этот крупный, очень темнокожий уроженец Ботсваны, известный своей блаженной улыбкой, никакой симпатии к Карпати не выражал. Хотя он горячо пожимал руку Леона, не сказал ничего подобного обычному «приятно познакомиться». Он казался очень занятым, и не успел Леон усестись напротив Нгумо, который сидел за своим столом, невзирая на наличие двух других, не столь формальных столов для встреч, их прервала напоминалка, говорившая, что у Генерального секретаря не более двадцати минут.

— Этого должно быть достаточно, — сказал Леон.

— Очень надеюсь, — сказал Нгумо.

— Это просто встреча ради знакомства.

— Я уверен, что мы умеем сделать больше и избавиться от необходимости излишних встреч.

— Я попытаюсь. Во-первых, конечно, я обязан передать вам приветствие distinguished доктора Николае Джетти Карпати, президента Республики Румыния.

— Благодарю. Какое необычное второе имя. Одно из его значений «черный», как вы знаете. Но я видел фотографии президента Карпати, и он уж ни как не темнокожий. Вы не знаете, откуда взялось это имя?

— Нет.

Нгумо сделан знак рукой.

— Президент Карпати благодарит вас за ваше любезное приглашение и...

— Мы не могли бы ради краткости обойтись без этих сантиментов? Я принимаю ваши благодарности, отвечаю своими, он приглашен, он благодарен, добро пожаловать — все?

— Ну да. Если ли какие-нибудь проблемы, господин Генеральный секретарь? Что-нибудь, о чем я должен знать заранее?

— Вы глава его штата — и не знаете, как он получил приглашение?

— Полагаю, нет, если здесь есть что-то неуместное.

— Неуместное? Только то, что оно было выбито вовсе не по дипломатическим каналам. Предложение шло не от друга или члена этого общества, но со стороны международного финансиста, с которым, вне всякого сомнения, вы знакомы.

— Джонатан Стонагал? Конечно. А в чем проблема?

— Да не должно быть никаких проблем. Но не ждите от меня радости по этому поводу. Международная пресса оценила это предложение так, будто бы ООН желает познакомиться со своим новым лидером. Отлично. Обман. Ложь. Но тонко сделано. Мы разберемся.

Леон закинул ногу на ногу, от чего кресло скрипнуло под его весом.

— Смею вас заверить, что президент Карпати не имеет отношения к организации этого приглашения.

— Простите, если мне трудно будет в это поверить. У нас шкафы забиты запросами на такие приглашения. Но даже будь это правдой, тем хуже. Есть смысл в том, что глава государства желает обратиться к нам. Но интересы миллиардера, с другой стороны...

— Тогда почему вы промолчали и согласились?

Нгумо покачал головой.

— Вы задаете вопрос, ответ на который знаете.

— Потому что вы, как и все остальные, должны быть прагматиками.

Нгумо склонил голову и посмотрел на Леона, словно говоря: «Мы понимаем друг друга».

— Что же, позвольте мне раскрыть вам цель моего визита, мистер Генеральный секретарь. Несмотря на то, как все это вышло, я надеюсь, что вы останетесь довольны, что внесли президента Карпати в список приглашенных, и он покажет себя достойным выступить с вашей кафедры.

— Увидим.

Леон рассказал ему о том, как Николае восхищается ООН, о его эрудированности в истории организации.

— Поверьте, сэр, он может сказать вам, в какой день у вас была инаугурация, сколько пятилетних сроков вы отслужили и сколько еще ожидаете служить.

* * *

Бизон Уильямс уже покинул самолет и направлялся к заказанной им машине в аэропорту О'Хара, когда ему позвонил Стив Планк:

— Как мы понимаем, ты в хороших отношениях с Люсиндой, верно?

— Поэтому я и здесь, шеф. Ну и хочу посмотреть, не перехвачу ли я заодно у ее людей очередной сюжет.

— Не смешно.

— Правда, Стив, я не верю, чтобы она на это пожаловалась... особенно тебе. Мы с ней приятели. Мне казалось, что мы всегда хорошо ладили.

Когда Бизон приехал в чикагское бюро, он уговорил секретаря позволить ему проникнуть в кабинет Люсинды Вашингтон без предупреждения. Она как раз вышла, потому он плюхнулся в ее кресло и повернулся спиной к двери. И уткнулся взглядом в ее безвкусные религиозные безделушки. Он как раз рассматривал ту, что была украшена фальшивыми золотыми листиками, когда услышал, как она вошла.

Она помедлила, явно недоумевая, не сама ли она развернула кресло, и, повернув его, чтобы сесть, взвизгнула и отпрыгнула, увидев, что в нем Кэмерон.

— Ты сейчас вышвырнешь меня? — спросил он. — Я еще могу тут работать?

— Только если упадешь на колени и выразишь у меня прощение, — ответила она.

Он пополз было на пол, но она схватила и рывком подняла его.

— Хватит, — сказала она.

Бизон сел в кресло сбоку от стола, а Люсинда заняла свое место.

— Извини, я раскаиваюсь, — сказал он.

— Нет, не раскаиваешься. Ты даже не знаешь, что меня взбесило.

— Конечно, знаю. Наконец-то зал славы «Медведей» собрал денег для покупки футбольной франшизы, и я вынюхиваю, отслеживаю его, чтобы написать репортаж!

— Я просто восхищаюсь тобой, Кэмерон. Всегда восхищалась, какой бы занозой в заднице ты ни был. Но ты был обязан хотя бы оповестить меня.

— И чтобы ты после этого передала сюжет кому-нибудь другому, кто и так в топе этой темы?

— Спорт не твоя епархия, Кэмерон. После того как ты написал статью о «персоне года» и осветил поражение России от Израиля — я сказала бы, от самого Господа Бога, — какой тебе интерес в грошовом материале вроде этого? Типы из Лиги Плюща, вроде тебя, не должны ведь опускаться до игр, кроме лакросса и регби?

— Это больше чем спортивный репортаж, Люси. И я...

— Эй!

— Извини, Люсинда. И почему бы мне немножко не сломать стереотип? Лакросс и регби?

Они оба рассмеялись.

— Я даже не говорю тебе, что ты должен был предупредить меня о своем появлении в городе, — сказала она. — Все, что я хочу сказать, — хотя бы дай мне знать прежде, чем статья появится в «Уикли». Мои люди и я и так были достаточно обескуражены, что нас вот так сделали, особенно легендарный Кэмерон Уильямс, но чтобы это было... ну... полным сюрпризом...

— И потому ты наступала на меня?

Люсинда расхохоталась.

— Потому я сказала Планку, что только личная встреча вернет тебе мое расположение.

— А почему ты решила, что мне не все равно?

— Потому что ты меня любишь. И ничего не можешь с собой поделать. Но, Кэмерон, если я еще раз накрою тебя в моем городе без предупреждения, я надеру тебе задницу.

— Ну что же, Люсинда. Я сдам тебе заметки, раскручивать которые у меня времени нет. Мне удалось узнать, что франшиза НФЛ в конце концов не состоится. Деньги оказались сомнительные, и лига собирается отвергнуть предложение. Ваша местная легенда будет разочарована.

Люсинда бешено записывала.

— Шутишь, — сказала она, потянувшись к телефону.

— Шучу, но все равно было забавно видеть, как ты бросаешься в бой.

— Скотина ты, — сказала она. — Любой другой вышел бы отсюда на костылях.

— Но ты любишь меня. Тут уж ты ничего поделать не можешь.

— Это было даже не по-христиански.

— Вот не надо снова начинать, — сказал он.

— Ладно, Кэмерон. Ты сам знаешь, что у тебя мозги встали на место, когда ты увидел, что сделал Господь для Израиля.

— Согласен, но не надо называть меня христианином, ладно? Я деист, и на большее не претендую.

— Сколько ты будешь у нас в городе?

— До завтрашнего утра.

— Сегодня вечером у меня с моим благоверным барбекю. Он хочет с тобой познакомиться.

— Ты уверена, что он хочет, чтобы я помешал вашему свиданию?

— Мы больше тридцати лет женаты, Кэмерон. Да-да. Мы рано начали. Так что, если с нами поужинает белый паренек, нам это не помешает. Ты ведь просто боишься оказаться в меньшинстве, не так ли?

— Вряд ли.

* * *

Впервые со дня своей свадьбы Рэйфорд Стил солгал жене о том, куда идет, чтобы просто увидеться с другой женщиной.

— Дела кое-какие, — сказал он. — Сначала заеду в спортивный магазин, затем в хозяйственный. Тебе ничего не надо?

— Да вряд ли, милый. Но почему бы тебе не подождать, пока Рэйми не вернется домой, и не взять его с собой? Тебя ведь не будет до конца недели и...

— Нет, просто дай мне это все сделать, и я побуду с ним сегодня вечером.

Рэйфорду надо было не забыть купить что-нибудь в обоих магазинах по дороге домой, чтобы прикрыть то, что он поехал прямо мимо них в Дейс-Плейнс.

Он подобрал Хэтти возле ее дома.

— Что случилось? — сказал он. — Ты хотела меня видеть?

— Ага, — лукаво усмехнулась она. — И это все. Мне просто надо было с тобой увидеться.

Он не знал, что сказать или что делать. Будь они уже настоящими любовниками, до чего оставалось не так уж и долго, он просто мог бы спросить, не пойти ли им к ней. Но днем? Это было довольно рискованно. Он был польщен, но вести себя по-дурацки он не собирался.

— Чего ты хочешь? — сказал он, чувствуя себя тринадцатилетним подростком.

— Нет, чего ты хочешь, — ответила она.

— Не спрашивай меня. Это была твоя идея. А я поехал по делам. Мне надо заехать в спортивный магазин, затем купить кое-что из инструментов.

— Ооо, хорошая выдумка.

— Я во вранье новичок.

— Ну, это ненадолго. Слушай, я хочу есть.

А ты?

— Вообще-то нет, но я бы с удовольствием тебя угостил.

— Давай закажем что-нибудь из китайского ресторана и возьмем с собой. Я поем в машине.

Рэйфорд облегченно вздохнул. Он не был готов к свиданию с Хэтти в ресторане среди бела дня. Он всегда считал, что сможет объяснить, если кто-то застанет их за ужином, когда они оба будут в форме, и всем будет очевидно, что они на службе. Но сейчас они оба были в гражданском, так что объяснить будет трудно.

Он позвонил, сделал заказ, и они поехали за ним.

— Ты уверен, что ничего не хочешь? — сказала Хэтти, пытаясь накормить его рисом с палочек, когда они сидели в машине на парковке рядом с ресторанчиком.

Он покачал головой, но был вынужден рассмеяться, когда она просыпала рис ему на колени. Она разломала печенье с предсказанием и прочла: «Новый друг сделает вас счастливой».

— Это о твоём или моём друге? — сказал он, и она положила ему голову на плечо.

* * *

Чарлз Вашингтон оказался поджарым, худощавым мужчиной с редеющими волосами и умным взглядом. Он поздоровался сна-

чала с Люсиндой, обняв ее за объемистую талию и притянув к себе.

— Чарлз! — сказала она.

— Лю-юсинда! — ответил он, растягивая первый слог, словно пробуя его на вкус. — Ты по-прежнему самая сногшибательная девушка в Чикаго.

— Прекрати и веди себя прилично, — рассмеялась она, и Бизон изумился, увидев, как она вся просияла. — Поздоровайся с приятелем, о котором я тебе говорила.

— С удовольствием, — сказал Чарлз, протягивая ему большую мозолистую ладонь. — Поверьте, вы никогда не ели таких ребрышек, как у нас.

— Мне приходилось пробовать весьма вкусные.

— Вы через полчаса их забудете, юноша. Можете называть меня расистом, но вы, белые, даже понятия не имеете, что такое барбекю. Скажете — ноу-хау? Вы встречаетесь с белыми у себя дома. Но нас у себя дома вы не видите, хотя мы и не думаем, что нас не хотят видеть. Хотят. Просто мы ходим туда, где вкуснее кормят, а это значит — здесь.

Чарлз и Люсинда сидели рядом и хихикали, как школьники, пока еда готовилась.

— Я покажу вам, как лучше всего их готовить, — сказал Чарлз. — Но давайте сначала помолимся, хорошо?

— Конечно.

«Прямо сейчас, при всех?»

Никогда Бизон не чувствовал себя настолько на виду.

Чарлз взял жену за руку и потянулся к Бизону.

— Господь, — начал он, — мы благодарим Тебя за все, но прежде всего за эту пищу. Благодарю Тебя и за нашего друга. Во имя Иисуса, аминь.

Бизон тоже сказал «аминь», прежде чем опомнился. А когда он попробовал ребрышки, он ощутил себя так, словно молился сам.

— Я не стану ставить тебя в неловкое положение нынче вечером, Кэмерон, — сказала Люсинда, — но в одну из таких встреч мы намерены поговорить, почему пресса — да, «Уикли» — так боится Бога.

— Боится Бога?

— Да ладно, мы пишем статьи о Нем так, словно Он — какой-то странный феномен, который следует рассматривать со всех точек зрения. Опросы показывают, что половина населения верит в Бога. Но, читая наши страницы или то, что пишут наши конкуренты, такого не скажешь.

— Не могу отрицать.

— Мы уладим этот вопрос в другой раз, — сказала она, улыбаясь. — Сдается, тебе надо соснуть, чтобы усвоить калории.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

— Я не очень голоден, — сказал Рэйфорд Ирэн.

— Да я ничего тяжелого не готовила. Я просто подумала, что мы могли бы посидеть вместе перед твоим отлетом в Англию.

Рэйфорд пожал плечами, они с Рэйми уселись за стол, а Ирэн вышла в гараж выбросить мусор. Она заметила свет в машине Рэйфорда. Когда она потянулась было выключить его, она почувствовала запах китайской еды и увидела пустой пакетик из-под соевого соуса на пассажирском сиденье. Но она почуяла кое-что еще. Духи? Возможно. Но запах еды перекрывал все.

В пепельнице лежал чек из «Хэппи Лаки» в Дес-Плейнс. Ладно, хоть на одну порцию.

— Понятно, почему ты не голоден, — сказала Ирэн, возвращаясь на кухню.

— М-м-м?

— У тебя вся машина пропахла китайской едой.

— Что? Все еще пахнет? Это даже не сегодня было.

— Что ты делал в Дейс-Плейнс?

Рэйфорд озадаченно посмотрел на нее:

— О, я подбрасывал ту самую бортпроводницу. Затем я проголодался и...

Почему он так нервничает? Ирэн сомневалась, что запах может оставаться так долго. И разве Ирэн с тех пор не ездила в его машине? Это было нечто новое. Все это случилось сегодня. И даже если он был один, что его заволо в Дейс-Плейнс?

Ирэн не хотела об этом думать.

* * *

На другое утро Ирэн отправилась на еженедельное библейское женское собрание дома у Джеки. Она не знала почему, но и собрания тоже становились все люднее. Маленький дом Джеки казался еще меньше, когда в него набивались женщины. Приходилось садиться и на стул у пианино, и даже на детские стульчики. Ирэн впечатлило новое лицо — женщина примерно ее возраста, с волосами с сильной проседью. У нее была элегантная и явно дорогая прическа, она была очень модно одета. У нее были кейс и ридикуль, так что Ирэн решила, что она — дело-

вая женщина. Кроме прочего, у нее был уверенный вид, словно она знала, как себя вести даже в новой и непривычной обстановке.

Ирэн представилась и поприветствовала женщину. Та сказала, что ее зовут Аманда Уайт и что она местный администратор, что была она в церкви Новой Надежды только раз, после того, как ее мужа пригласили на мужской пикник, и ей захотелось пойти на службу.

Во время библейских чтений каждый раз, как Ирэн перехватывала взгляд Аманды, та кивала и улыбалась. А когда Ирэн вступила в дискуссию, она поняла, что эта женщина действительно внимательно слушает.

Когда чтения окончились, миссис Уайт подошла прямо к Ирэн, протянула руку и сказала:

— Ну разве вы не сокровище? Такая энергичная, такая симпатичная!

— Спасибо. Надеюсь, вам понравилось?

— Я сейчас все это перевариваю, понимаете ли. Мы с семьей всю жизнь ходили в церковь, но здесь мужа что-то по-настоящему зацепило. Может, для меня все тут чуточку чересчур религиозно, если вы понимаете, о чем я. Это интересно и все такое, не поймите меня превратно, и вы, дамы, так во все это погружены! Честно говоря, я даже и не знаю, чего ожидать. — Она подалась поближе. — Честно говоря, я боялась, что все это будет немного неискренне. Но вы кажетесь нормальными людьми.

— О, поверьте, мы все нормальные, — ответила Ирэн. — На самом деле, если посмотреть на мою историю отношений с церковью, я просто ваше отражение. Моя семья — за исключением моего сына Рэйми — чувствует себя гораздо лучше в обычной, менее открытой церкви, но мы с сыном по-настоящему встретили Господа именно здесь. Мы приняли Христа.

— Приняли?

Ирэн кивнула:

— Мы верим, что Он есть путь к Господу.

И внезапно она разрыдалась.

— Ой, бедняжка, что с вами?

— Простите. Я так разоткровенничалась...

— Ничего страшного. Очевидно, для вас все это очень важно!

— Я просто молюсь о том, чтобы суметь достучаться до моего мужа и дочери, пока еще не поздно. Я больше всего этого боюсь. Я хочу быть уверенной, что они попадут на небо.

— Да, но разве это не замечательно? Не прекрасно? Вы знаете, моя собственная семья недавно мне такое говорила. Они будут спасены, говорят они. Спасены милостью.

— Знаете, ведь все, что надо сделать, — это признаться Господу, что вы грешны и что вам нужен Христос, чтобы простить ваши грехи и изменить вашу жизнь.

— Я понимаю. Я еще не готова, но я ценю вашу заботу. Правда.

— Можно, я еще одну вещь вам скажу, Аманда? Я не хочу давить, честное слово.

— Конечно.

— Позвольте мне просто убедить вас не слишком затягивать с вашим решением. При всем, что сейчас творится в мире, не поймешь, что еще произойдет и сколько тебе еще времени осталось.

Но Ирэн все-таки перегнула палку. Она увидела это по глазам миссис Уайт. Она могла только надеяться, что не оттолкнула эту женщину окончательно.

* * *

В тот день, когда Рэйми вернулся из школы, Рэйфорд как раз выходил из дому, чтобы отправиться в свой лондонский полет.

— О, как приятно от тебя пахнет, — сказала Ирэн. — Похоже, ты в восторге от этого полета.

— Мне это всегда нравится — ты же сама знаешь.

— Но вряд ли в этом будет что-то новое, — ответила она.

— Я знаю.

— Новенькая форма. Оу, ты уже уходишь. Прямо как на свидание торопишься!

Он рассмеялся слишком громко, подумала Ирэн.

— Твоя малышка из Дес-Плейнс сегодня тоже летит? — небрежно сказала она.

— Э? Кто?

— Ты знаешь, о ком я.

— Та малявка? Мисс Дюрхэм? Понятия не имею.

— Понятия не имеешь.

— Я просто не проверял списка до последнего момента, вот и все. А если и летит, то что?

— Ничего. Просто спросила.

— Эй, Рэйми! Ты заботься о маме, пока меня не будет, ладно?

— Конечно, пап. Желаю тебе удачного полета, и мне пожелай удачи.

— Удачи?

— Сегодня вечером.

— Вечером?

Плечи мальчика поникли.

— Да мое выступление, пап!

— Ой, да! Чуть не забыл. Я буду думать о тебе. Ты будешь очень хорошим листочком чего-то там и...

— Деревом.

— А?

— Я буду целым деревом, папа. Нас там четыре.

— Ну это даже лучше. Мой сын — большое дерево. Ни пуха ни пера. Точнее, ни листа, ни корня.

— И не забывай о своем обещании, пап. В воскресенье, да?

— Да. Я помню. Через несколько дней увидимся.

* * *

По дороге в аэропорт Хэтти Дюрхэм забыла о всякой сдержанности. И как только Рэйфорд положил ее сумку на заднее сиденье и сел за руль, она ослабила свой пояс безопасности и прислонилась к нему. Она практически не двигалась, всю поездку прижимаясь к нему. Он был на небесах. И уже раздумывал, развивать ли ему эти взаимоотношения дальше, как только они окажутся на чужой земле. Каждые несколько минут он спохватывался и отговаривал себя, но в душе он понимал, что само отдаление от родного дома придаст ему смелости.

Его правой рукой в кабине будет Кристофер Смит, довольно приятный парень, с которым он летал и прежде. Чем ближе они подъезжали к аэропорту О'Хара, тем радостнее он предвкушал ночь, не говоря уж о прекрасной погоде. Как только они взлетят и лягут на курс, его работа будет по большей части рутинной до самой посадки в Лондоне.

* * *

Пообедали они дома наспех, поскольку Рэйми все время говорил о том, как ему неудобно забираться в цилиндрический кар-

тонный ствол, выкрашенный в коричневый цвет, откуда будет высовываться его лицо.

— Мне придется держать листья и бросать их, когда придет северный ветер. Это такая пьеса для малышей. Прямо и не верю, что нас заставили это сделать.

— Но ты ведь знаешь свою роль, и ты ее сыграешь хорошо. Возможно, ты в последний раз такое играешь.

— Но, мам, ты мои слова слышала?

— Нет.

— Подожди.

— Скажи сейчас.

— Никак нельзя. Здесь это будет плохо.

Он был прав. Когда пришла большая сцена Рэйми, он оказался единственным деревом, которое отказалось сбросить листья. Все вокруг слышали, как из кулис ему шепчут:

— Сбрось листья! Рэйми, сбрось листья!

Наконец, он побледнел и бросил их, и все захихикали. Затем на сцену выскочила птица, которая стала спрашивать каждое дерево, можно ли ей свить гнездо в его ветвях, чтобы согреть птенцов. И конечно, все сурово отказывали ей — за исключением вечно-зеленого дерева.

Когда Рэйми в свою очередь сказал:

— Нет! Я не могу возиться с тобой! Я еще не оправился от беспокойства и шума, который учинили белки, пытаюсь набрать моих желудей на зиму!

Все расхохотались, что согрело Ирэн, но явно уничтожило Рэйми. Никогда она не

видела, чтобы он так стремился что-то закончить.

После спектакля она встретила его с широкой улыбкой — а он был весь красный.

Ирэн обняла его и заметила, что он чуть напрягся и огляделся по сторонам. Значит, уже началось.

— Мне кажется, что ты играл отлично! — сказала она.

— Я был ужасен. Забыл сбросить листья. И мне кажется, что я говорил вовсе не как дерево. Да все мы так.

Ирэн громко рассмеялась:

— А как должны говорить деревья?

— Не знаю, но уж точно не как мы.

Чем больше она смеялась, тем больше оттаивал Рэйми.

— Как бы то ни было, ты запомнился, разве не так?

— Это да, — сказал он. — И сам не забуду, как ни старайся.

Когда они подъехали к авто-«Макдоналдсу» за молочным шейком, Рэйми уже изображал свое монотонное выступление и смеялся над тем, как глупо оно выглядело. Ирэн была рада, что он так легко это воспринял. В его возрасте она была такой неуклюжей и робкой, что провал вроде этого преследовал бы ее много дней.

Пока они сидели и болтали, лобовое стекло запотело. Ирэн помолилась, чтобы у Рэйфорда полет прошел удачно, а также и за его душу.

Когда она закончила, Рэйми добавил:

— И спасибо, что он пойдет с нами в церковь в воскресенье.

— Это ведь для тебя много значит, правда? — сказала Ирэн.

— А то! Папа уже какой-то нерадостный. И к тому же я хочу, чтобы он пошел на небеса вместе с нами, когда умрет.

— И я этого хочу.

Они приехали домой из вечерней школы позже, чем хотелось Ирэн, потому она стала торопить Рэйми лечь в постель. Когда она зашла к нему через несколько минут, он уже был под одеялом.

— Ты ведь снял носочки, да?

Он вздохнул:

— Да.

— Ты ведь знаешь, что ты должен дать...

— ...подышать ногам, да. Но у меня так замерзли ноги. Просто разреши мне полежать в них немножечко, а потом я их сниму.

— А если ты заснешь? Я не хочу подниматься сюда и стягивать их с тебя среди ночи.

— Мама, я же не умру, если мои ноги не подышат.

— Просто постарайся не забыть их снять, как только согреешься.

Ирэн еще раз помолилась вместе с Рэйми. По дороге к пустой спальне она спросила себя — ну почему он так любит ложиться в носках? Ступни на самом деле не дышат, так в чем беда? Разве ее родители не позволяли ей спать в носках? Так откуда у нее та-

кие выдумки в голове? Она могла лишь надеяться, что это самая большая ее проблема с мальчиком. Куда там.

Забравшись под холодное одеяло, она подумала — а не надеть ли ей самой носки? Она лежала на спине, в душе просматривая свой молитвенный список. Но мыслями она все возвращалась к Рэйфорду. Он был смыслом ее жизни, сколько она помнила себя, но сейчас все явно менялось.

Вдруг у него интрижка с этой Дюрхэм? А если так, то что ей делать?

Ирэн по-прежнему не желала об этом думать, но ничего не могла с собой поделать. Она не хотела молча стоять в стороне, не хотела, чтобы с ней обращались как с вещью. Но если она могла бы что-то сделать не так или лучше, она надеялась, что Бог ей подскажет. А пока Ирэн просто будет продолжать молиться за Рэйфорда. Она не хотела его терять, тем более отдавать другой женщине. Но прежде всего она не хотела, чтобы он погиб для Царствия Божьего.

* * *

Рэйфорда Стила раздирали противоречия. Во время предполетной подготовки от О'Хара до Хитроу он начал ощущать себя не таким профессионалом, как всегда. Он знал, что не является совершенством. Но он был высококлассным опытным пилотом, со-

вершенно уверенным в своей способности безопасно перевезти пассажиров за тысячи миль на самолете стоимостью в миллионы долларов. Ему хорошо платили, его уважали, и он был уверен, что заслуживает всего этого.

Проблема была в том, что Рэйфорд никогда прежде перед полетом не был так рассеян. Он всегда был способен разделять различные аспекты своей жизни. Ирэн знала, что не следует пытаться ему звонить с того момента, как он выехал в аэропорт, и до того, как он сам ей позвонит после приземления. Только пару раз за все время их брака она нарушила этот порядок. Оба раза она заставляла его в машине по дороге в аэропорт и просто говорила, что тоскует по нему, любит и будет думать о нем. И оба раза он сознавал, что говорит с ней отстраненно и извинялся за это, но он — по сути дела — уже был в полете.

Предполетная подготовка была на самом деле рутинной, но спустя рукава к ней относиться было нельзя, и ему пришлось думать о порядке проверки и бесчисленных протоколах, которые были необходимы для обеспечения безопасности и эффективности полета. Он был не просто пилотом — он был капитаном, он отвечал за все, и он ответит за все, если что-то пойдет не так.

Рэйфорду нравилась ответственность и нравилась собственная способность на ней фокусироваться. Его все знали как друже-

любного, приятного парня, капитана, с которым людям нравилось летать. Его первым помощником сегодня был Кристофер Смит, простоватый, непритязательный человек, с которым ему нравилось болтать. У Криса было двое маленьких сыновей, о которых он любил рассказывать, а также он с удовольствием возвращался к своему юношескому сленгу. Рэйфорд и Крис Смит много летали вместе, но Рэйфорд должен был признаться, что они никогда не были настолько близки, чтобы Рэйфорд знал, откуда взялся его акцент. Не совсем южный. Но явно не городской. Может, Южная Индиана или Оклахома.

Рэйфорд знал, что Крис обладает умениями, достаточными, чтобы стать капитаном, однако поведение и характер недотягивали. Если кто из офицеров Рэйфорда когда и нарушал протокол, пытаясь вздремнуть во время полета, или проявлял эгоизм — это был Крис. Не до такой степени, чтобы ему приходилось делать выговор — все обходилось замечанием, но этого было достаточно, чтобы Рэйфорд сомневался в его будущем. А Крис был парнем амбициозным. Рэйфорд не мог этого понять. Ему казалось, что человек, который хочет достичь вершин профессии, сделает все, что в его силах, чтобы показать всем, что он настроен серьезно.

Хэтти сообщила Рэйфорду, что на борту будет один из его любимых бортпроводников. Антонио Салазар был ветераном и

любимцем пассажиров. Семьянин, он был забавным, изобретательным и надежным, он казался шариком неиссякаемой энергии с широкой улыбкой. Он был из тех, кто кажется тем более счастливым, чем сильнее занят помощью людям. Тони действительно отказался от повышения в старшие бортпроводники, сославшись на то, что ему нравится нынешняя должность не менее его семейных обязательств, поскольку она дает ему возможность свободнее распоряжаться собственным расписанием.

Проблема Рэйфорда была этим вечером, однако, в старшей бортпроводнице, длинноногой молодой женщине, которая приехала с ним из Дес-Плейнс в О'Хара. Флирт все усиливался, что-то должно было проявиться. Либо Рэйфорд должен был подавить все в зародыше и сказать Хэтти, что все это было глупо, что ничего не получится — старая отговорка «Я правда не могу так поступить с моей верной женой и детьми», — или он должен перестать делать вид, что не замечает ее взглядов, прикосновений и слов.

Конфликт, таким образом, состоял на самом деле не в том, чтобы решить, продолжать ли ему эту нелегальную связь. Скорее всего, это была неловкость от того, что он прекрасно понимал, что именно это он и намеревается сделать, особенно потому, что у них будет пара дней в Лондоне, и совесть его будет далеко (похоже, она осталась дома), — и в то же

время ему необходимо, как профессионалу, думать о своем деле.

Поднимаясь на борт, обмениваясь приветствиями с командой и устраиваясь, Рэйфорд понимал, что должен полностью переключиться на предполетный режим, сосредоточившись на деле. Но он формулировал свое отношение к Хэтти. Она казалась полностью поглощенной делом, возбужденно говорила о своей новой роли старшей бортпроводницы, однако подавала ему явные сигналы, что понимает, что они идут полным ходом к точке невозвращения.

Даже неся на борт свой летный кожаный ручной чемоданчик, снимая пиджак, здороваясь с Антонио и другими, обнаружив Криса уже в кабине, Рэйфорд должен был признаться себе, что мысли его блуждают где-то далеко. Салазар суетился в кухне, когда Рэйфорд проходил мимо, и коротышка одарил его улыбкой и тепло пожал руку капитана.

— Привет, Тони, — сказал Рэйфорд. — Рад встрече.

— Взаимно. Диетическую колу с лаймом или вы уже созрели для кофе?

— Нет, спасибо, — сказал Рэйфорд, — думаю, мисс Дюрхэм уже его готовит.

— Она нам так нравится, сэр. Она будет хорошей старшей бортпроводницей. И она говорит, что вы замечательный наставник.

— Правда? — произнес Рэйфорд, пытаясь изобразить искреннее удивление.

Хэтти отлично скрывала свои чувства к Рэйфорду от остального экипажа. Она всегда называла его либо капитан, либо капитан Стил, либо пилот, но никогда по имени. И она не бросала на него влюбленных взглядов, как в машине или за столиком в ресторане. Как она умудрялась незаметно для всех легко прикасаться к нему, когда они проходили мимо друг друга или когда она приносила ему что-то в кабину — он не мог понять.

Даже сейчас, когда он, наконец, сел за пульт и она принесла ему диетическую колу, она заслонила собой обзор Кристоферу Смиту, передавая напиток Рэйфорду. Тем временем она провела пальцем левой руки Рэйфорду по плечу до основания шеи. Они говорили исключительно о полете, и, похоже, никто ничего не заподозрил.

Когда она вышла из кабины, Смит фыркнул:

— Черт, какая классная штучка, верно?

— Мисс Дюрхэм? — сказал Рэйфорд. — Да, она и правда привлекательна.

— Привлекательна? — воскликнул Смит, добавив грубое замечание насчет своих собственных фантазий по ее поводу.

— Слишком молода для тебя, тебе не кажется, Крис?

— Не дай бог, капитан. Только не говори, что ты бы отказался от шанса, дай она тебе его.

Рэйфорд поджал губы и покачал головой, словно увещевая студента.

— Вот что запомни. Она почти ребенок.
А ты семейный человек.

— Семейный, да не покойник и не слепой.

— Вернемся к делу, ковбой.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Ирэн Стил была не из тех, кто просыпается сразу, что бы она ни услышала или почувствовала. Рэйфорд мог встать и даже выбраться из постели, чтобы посмотреть, что их разбудило, но Ирэн замирала, если что-то пугало и будило ее.

Вот такое случилось и нынешней ночью. Она с трудом заснула, как обычно, когда Рэйфорда не было дома. Но вскоре она крепко спала на боку, подложив руки под щеку.

Пробудил ее зов, такой громкий, словно звал кто-то прямо из комнаты. Каждый звук был настолько пронзителен и ясен, что она распахнула глаза. Сердце билось о ребра.

— ИРЭН СТИЛ!

* * *

Лиём, студент выпускного курса университета в Джакарте в Индонезии, подрабатывал во время учебы в крематории «Санрайз». Меньше чем за три года он был допущен к важному делу сжигания трупов.

Труднее всего была бумажная работа. Надо было удостовериться, что кремируешь конкретное тело, причем следуя конкретным религиозным указаниям.

Современные печи, в каждой из которых помещался один стандартного размера гроб и останки, давали более 1 650 градусов по Фаренгейту¹ и перерабатывали примерно 175 фунтов в минуту.

Лиём оставлял на гробах все, кроме именных табличек, поскольку украшения и арматура были из горючего пластика. Удостоверившись, что бумаги соответствуют гробу, он выдвигал гроб из хранилища и спускал его на огромную стальную каталку, которую потом катил к дверце печи. Затем гроб помещался на верхний уровень камеры, дверца запиралась, и горелки ставились на максимум.

Во время процесса самые тяжелые костные и кальциевые остатки высыпались через отверстия в нижнюю камеру. Когда то, что оставалось, остывало, Лиём при помощи магнитов извлекал из праха хирургические спицы, гвозди, шурупы и прочие предметы.

¹ Примерно 900° С.

Затем он перемалывал оставшийся прах в тонкий порошок и помещал его в декоративную урну, выбранную семьей.

Лиём кремировал тело проповедника-миссионера, чья религия была определена как «христианство». Без проблем он проверил бумаги, задвинул гроб в камеру, запустил соответствующую запись и вышел перекусить.

Вернувшись в полдень, Лиём заметил, что сжигание уже закончилось и началось охлаждение. Но когда останки должны были уже достаточно остыть, чтобы запустить процедуру с магнитом, Лиём просто оцепенел на месте, увидев, что в нижней камере ничего нет. В замешательстве нахмурившись, он бросился к своему старшему.

— Бумаги покажи, — сказал тот. — Гроб на вес был полным?

— Конечно. Я же знаю разницу.

— Тогда что случилось по ходу дела, почему кости и кальций не ссыпались вниз?

— Понятия не имею.

Они проверили верхнюю камеру и обнаружили там только угли и сажу от гроба и пластика.

— Лиём, ты ошибся. Гроб должен был быть пустым.

— Но как? Такого никогда прежде не бывало. И... нет. Я точно помню, что гроб было трудно скатить с тележки. Он не был пустым.

— Лиём, ну ты сам подумай. От тела вообще ничего не осталось. Что мы семье скажем?

Лиём был в ужасе, хотя не считал себя в этом виноватым.

— Теперь буду каждый гроб открывать перед сожжением. Но от чего такое могло случиться?

— Ты сказал, что вышел перекусить. Может, это какие-нибудь похитители трупов?

— Понятия не имею. Это прямо как в фильмах ужасов. Как сюда мог кто-то проникнуть и похитить тело? И я сам сунул его в печь. Вору пришлось бы доставать его, вытаскивать тело и снова совать гроб в огонь.

— Сколько тебе еще сегодня надо сжечь?

— Четыре.

— Проверь прямо сейчас.

Лиём достал все бумаги и начал сверять их с формами, прикрепленными к каждому гробу. Первое тело, местного уроженца, с прочерком в графе «религия», было на месте. У второго, с телом молодой студентки по обмену из Канады, в графе религия стояло «неизвестно».

Еще один христианин должен был лежать в третьем гробу, но как только Лиём сдвинул его на каталку, где можно было его открыть, он понял, что гроб пуст.

— Здесь тоже нет тела.

— Откуда ты знаешь?

Когда они открыли крышку, начальник разинул рот. В гробу осталась только одежда.

— Этот костюм снова застегнули на все пуговицы, когда сперли труп! Что за?..

Сотовый Лиёма зазвонил. Это была его сестра.

— Включи новости, — сказала она
— У нас тут нет телевизора.
— Найди и включи.
— После смены.
— Лием, послушай меня, сделай это сейчас!

Лием нажал кнопку и сказал боссу, что в новостях передают что-то очень важное.

— Если это не связано с пропажей трупов, то у нас на это времени нет, Лием. У нас большие проблемы.

В конце коридора распахнулась дверь.

— Ребята, вы слышали, что творится? Идите скорей!

Лием с боссом побежали по лестнице вверх и увидели столпившихся перед экраном телевизора работников. В новостях показывали похоронный зал с пустыми гробами, в которых оставались только одежда и протезы усопших. Вспыхнула паника, люди возмущались. Очередной репортаж, из телестудии в Калифорнии, показал исчезновение диктора прямо из эфира с началом девятичасовых новостей. Одежда осталась. Его напарник с воплем схватил оставшуюся на кресле одежду.

Лием, у которого в голове мысли мутились, шатаясь, вышел под лучи полуденного солнца и с ужасом увидел, что на дороге чудовищная пробка. С самого начала своей жизни в Джакарте он привык к какофонии автомобильных сигналов, которую слышал и сейчас. И хотя движение всегда было безумным, все же как-то удавалось продвигать-

ся. Даже когда машины шли впритирку и царапали друг друга на каждом углу, люди как-то держали себя в руках и умудрялись продолжать путь.

Но сейчас никто никуда не ехал. Лиём вышел на улицу и присоединился к остальным зевакам, которые, онемев, смотрели на машины без водителей — машины с работающими моторами, включенными приемниками, даже кондиционерами. Но ни в одной никого не было за рулем. Обувь и носки лежали на полу. Брюки на сиденье. Очки, слуховые аппараты, украшения — все лежало там.

По одному из радиоканалов Лиём услышал, как перепуганный репортер говорит, что внезапные исчезновения охватили весь мир одновременно и что эксперты уже предсказывают, что число жертв перевалит за миллиард. В крупных городах, где это произошло в час пик, возникли гигантские пробки, вроде той, которая сейчас была у него перед глазами.

Лиём шлепнул себя, чтобы увериться, что это не сон. Это был кошмар наяву.

* * *

В городах, где исчезновения случились среди ночи, оставшиеся просыпались от звонков близких людей, находившихся в других временных поясах. Вскоре линии

связи были безнадежно перегружены, но весть о величайшем событии в истории уже прокатилась по миру.

* * *

Какое-то мгновение Ирэн Стил лежала, пораженная ужасом, но прежде, чем она смогла пошевелиться, она услышала трубный глас и ощутила, как что-то поднимает ее из постели, несет сквозь потолок, чердак, крышу и уносит в ночное небо. Странно, хотя она осталась без ночной сорочки и украшений, она не чувствовала себя обнаженной и не мерзла. Ни на мгновение она не усомнилась в том, что это не сон, а реальность. Она сейчас была гораздо большим, чем в обычной своей жизни.

И рядом с ней возносился Рэйми.

— Мама, это оно? Да? Меня кто-то позвал по имени!

Она прекрасно видела даже в темноте, и ей были видны миллионы, поднимающиеся в небеса со всех сторон. О, Господи! Вскоре она увидит Иисуса!

Но сейчас она не сводила глаз с Рэйми. Она знала, что это ее сын, она узнавала его лицо и голос, хотя они изменились. Теперь это был взрослый молодой мужчина выше шести футов ростом, с гладким лицом и чеканными чертами. Она тоже изменилась. Она ощущала, что лицо ее разгладилось, кожа стала

тугой. И хотя на ней еще оставались шрамы и рубцы от случайных небольших травм, накопленных за годы, — ведь шрамы остались и у Иисуса, она это знала, — ее тело и голос были такими, как несколько лет назад, когда ей было тридцать с небольшим.

Когда они с Рэйми достигли облаков, их полет замедлился, и они витали там. Ирэн не могла удержаться от улыбки. Она всегда боялась высоты — и вот, она парит выше самолета и ничего не боится! Она громко позвала Джеки, и та внезапно оказалась рядом вместе с Дули и их выросшим ребенком. Они обнимались, дивились и качали головами.

— Это все ты, все ты! — говорила Ирэн. — Это ты привела меня сюда!

— И меня, — сказал Дули. — Интересно, а пастор Биллингз...

И вдруг он оказался среди них и с радостью обнял всех.

— Мне всегда было интересно, как это будет, — говорил он, вдвое помолодевший.

— Спасибо вам за ваши молитвы и учение, — сказала Ирэн.

И тут ее осенило, что больше нет стены между мыслью и действием.

— Рэйми! Похоже, все, о чем мы думаем, сразу осуществляется! Я вспомнила о Джеки — и вот она! Дули вспомнил о пасторе — и вот он! Как будто время остановилось, и все это свершилось одновременно!

— А я хочу увидеть бабушку и дедушку, — сказал Рэйми, и они сразу же появи-

лись, молодые, с ясным рассудком, без намека на болезнь Альцгеймера, унесшую обоих.

— Ирэн, — сказал отец Рэйфорда, — ты привела нас к Иисусу. Мы бесконечно благодарны тебе.

— Да, — сказала ее свекровь, — и мы должны молиться за Рэйфорда. Ведь его нет среди нас?

Ирэн покачала головой, и все четверо собрались помолиться.

— Я не знаю, что будет дальше, Господи, — сказала Ирэн, — но я знаю, что Рэйфорду придется пережить тяжелые времена. Дай ему сил, чтобы противостоять Врагу, и приведи его к Себе, Господи.

Вокруг Ирэн слышались приветствия и радостные крики встречи. Воссоединялись люди всех рас и национальностей. Ирэн знала, что они говорят на своих языках, но понимала каждое слово.

Какая-то китаянка крикнула так, чтобы все слышали, показывая на другую женщину:

— Моя дочь двадцать лет провела в инвалидном кресле! Посмотрите теперь на нее!

С другой стороны отец показывал на красивого улыбающегося молодого человека:

— Этот мальчик родился с синдромом Дауна!

Ирэн увидела двух женщин, которые обнялись и заплакали.

— Это ваша дочь? — спросила Ирэн.

Одна из них встретила взгляд Ирэн и кивнула.

— Я абортировала ее шестнадцать лет назад. Она прощает меня.

— У меня обе руки! — кричал, размахивая ими, какой-то мужчина.

— Я здоров! — доносился крик откуда-то еще.

Они пробыли здесь час или только секунду? Ирэн не могла этого сказать. Она знала только, что на нее подобно водопаду обрушилось предвкушение. Она повернулась к Рэйми, и они сказали одновременно:

— Я хочу увидеть Иисуса.

И вся толпа со всего мира снова начала свое Восхищение.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Все в прошлом Ирэн выцветало и становилось все более незначительным, пока она возносилась в небо, а земля исчезала из вида. Она не понимала, как миллиард людей, летящих ныне в воздухе, мог оказаться охваченным вниманием Единого, в Которого они верили, Единого, Который сейчас позвал их домой.

Но тут ее озарило. Если зов Иисуса был услышан в одно и то же мгновение истинно верующими по всему миру, если каждого позвали по имени, это еще раз доказывает, что Он — всемогущ и вездесущ, не связан ни временем, ни пространством. Он может сделать все, что угодно, в одно мгновение.

Пока новое, преображенное тело Ирэн несло через слои атмосферы Земли над облаками, она запрокинула голову и раскинула руки, крепко закрыв глаза. Когда свет

Господней славы затопил все ее существо, ей пришлось чуть приоткрыть веки.

Высоко над ней был Иисус. Его сияние было ярче миллионов солнц. Раскрыв объятия, Он встречал Своих любимых, и хотя Ирэн смутно осознавала, что она лишь одна из многих на этом пути, Его прекрасный пронзительный взгляд, казалось, был устремлен только на нее. Ей хотелось закричать, поблагодарить Его тысячу раз за то, что Он простил ее, спас ее душу, взял ее к Себе. Его лик светился любовью, состраданием, Он приветствовал ее так, словно ее прибытие было величайшей радостью для Него.

Ирэн немедленно ощутила себя недостойной, и все, что она хотела сказать, вдруг вылетело у нее из головы. Она не могла говорить. Она пыталась склониться перед Ним, унизиться, скрыться от совершенства Иисуса, которое проникало в ее собственную тьму как свет маяка.

Но Он протянул к ней руку, поднял ее.

— Ирэн, — сказал Он, обнимая ее, — дитя Мое, родное Мое дитя. Благодарю тебя за то, что уверовала в Меня, поверила Мне, позвала Меня ради спасения. Но это только начало пути, которому не будет конца. Идем со Мной в дом Отца Моего, ибо Я обещал: «Кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим»¹.

¹ Евангелие от Иоанна, 14:23.

Ирэн в мгновение ока перенеслась в открытый космос, а затем в то место, которое пастор Биллингз называл третьими небесами, где стоял огромный и прекрасный хрустальный город, такой ошеломляющий, что она едва могла охватить его взглядом. «Солджер Филд» и «Ригли Филд»¹ выглядели игрушечными по сравнению с этим пространством. С определенных точек, даже если стадионы были заполнены, она могла видеть почти всех и сразу. Просто повернув голову к Земле, она могла охватить взглядом сорок, пятьдесят, шестьдесят тысяч человек. Но это! Это было нечто иное.

Здесь было не меньше сотен миллионов других людей, больше миллиарда, может, даже два. Но даже не видя поверх их голов, Ирэн ощущала всех их. И не просто ощущала. Это было как если бы, не двинув глазом — не то что головой — и даже не встав на цыпочки, она видела и узнавала каждого. Она знала их. Их происхождение, истории их жизни, она все это знала. Она могла остановиться и сосредоточиться на каждом из них — или охватить тысячу за мгновение.

Она понимала, что это не просто так. Ирэн никогда не осознавала, насколько ограничен человеческий разум, до тех пор, пока не узнала всего. Все истории, каждый человек, каждое озарение и интуиция — все это имело смысл и цель. И целью был Иисус. Все было ради Него и благодаря Ему. Вечная жизнь

¹ Стадионы в Чикаго

Ирэн была ради поклонения Ему. И пока истории всех этих людей разворачивались перед ее внутренним взором, все внимание Ирэн было сосредоточено на том труде, который Иисус посвятил их жизни. Прощая их. Любя их. Спасая их.

Никакой парк с аттракционами даже близко не мог дать представления о настоящем опыте. Здесь не было голограмм, не было 3D, никакой игры. Друзья и любимые, оставшиеся внизу, будут считать их мертвыми, но Ирэн понимала всем своим существом, что никогда она не была более живой.

Испытывает ли Рэйми то же самое?

Он оказался рядом с ней.

— Иисус сам говорил со мной! — сказал он. — А это — Дом Господень.

Ирэн разинула рот. Казалось, что удались она на миллион миль в космосе, она все равно не смогла бы охватить взглядом весь этот шедевр, построенный квадратом. Ее пастор недавно напоминал своей пастве, что если уж Господь создал весь мир за семь дней всего лишь словом Своим, представьте, что Он может сделать за две тысячи лет, дабы выполнить обещание Иисуса приготовить место для всех. Писание гласило, что место это будет почти в четырнадцать сотен квадратных миль, одинаково в длину, ширину и высоту. Если его спроецировать на землю, проекция покроет пространство от Канады до Мексиканского залива и от Колорадо до Атлантики. Вместе с вознесшимися святыми и воскресшими из мертвых там будет около

двенадцати миллиардов людей, и на каждого придется по кубу пространства в семьдесят пять квадратных акров. И вы еще говорите о высоких потолках!

Все это лежало перед ней в несравненном величии, сияющее и нежное. И все же она каким-то образом понимала, что это место неразруσιμο. Золото и серебро, бронзу и платину дополняли бриллианты, рубины, изумруды и жемчуга, и все это было столь совершенно расположено, что все вместе не казалось безвкусным или экстравагантным. Все до мелочи было совершенным, все врата — каждые из цельного драгоценного камня, охраняемые ангелами, — каждая стена, каждая колонна. И дороги здесь были гладки, как золотая нить.

Ирэн заметила, что нигде нет ни единой тени. Ни одной. Но солнца тоже не было. Свет Господа освещал это место изнутри и не отбрасывал тени ни в одном направлении. Ирэн всегда волновало и, откровенно говоря, тревожило то, как будут выглядеть небеса и как она будет себя там чувствовать. Не покажутся ли они ей чуждыми? Вдруг это будет один огромный монумент в честь Бога, где она будет только зрителем, музейным хранителем?

Но она немедленно почувствовала себя как дома. словно она была чужой на Земле и просто ждала того дня, когда вернется сюда. Несмотря на всю необъятность и красоту этого места, странный уют исходил из

него, и она ощутила, что это место действительно было приготовлено для нее.

Ирэн не понимала, откуда она знает, что зазвучавший голос принадлежит Самому Господу, — просто знала, и все.

— Вот город, который Я приготовил для тех, кто имел веру в Слово Мое и следовал Воле Моей. Узрите же город Бога Живого, небесный Иерусалим, где ныне собралась церковь первородных и справедливых, чьи души стали совершенны после великого воскресения. В этот град пришли все, кто умер во Христе и ныне воскрес. Воскресшие и живые святые будут жить здесь, доколе земля не обновится, и тогда город этот спустится на Землю, чтобы существовать вечно.

Это было в точности то, чему учил пастор Биллингз, — Небесный Иерусалим опустится на новую Землю после семи лет Скорбей и Второго пришествия Иисуса. Значит, Ирэн будет жить здесь до Второго пришествия, а после останется в этом перенесенном в новое место городе навечно. Ей стало любопытно, сколько продлятся эти семь лет с ее теперешней точки зрения.

И Бог сказал:

— Смотрите, обитель Господа — с людьми, и Я буду жить с ними, и они станут Моим народом. Я буду с вами и буду вашим Богом. И я утру все слезы с ваших глаз, смерти более не будет, не будет печали и плача. Не будет больше боли, ибо бывшее ушло безвозвратно.

Ирэн много раз сама читала эти слова и слышала, как их читают вслух. Но услышать их из уст Самого Господа — это был восторг неопиcуемый. Их правдивость отдавалась в ней эхом и окутывала ее. Больше не будет слез, печали и боли. Все прошлое минуло.

В следующий момент она вместе со всеми прочими оказалась внутри куба города, где хрустальное море простиралось перед блистающим троном. Там восседал Иисус, величественный, торжествующий. И опять Ирэн ощущала себя так, словно она одна в этом зале. Глаза ее были прикованы к вечному воплощению бескорыстной любви и самопожертвования, и она только могла предположить, что все среди этой толпы так же сверхъестественно ясно видели Его и что Иисус говорил с каждым лично, как и с ней.

Ирэн, будучи в сотнях земных футов от Иисуса, ощущала себя не дальше от Него, чем когда Он прижимал ее к груди. Как такое возможно? Надо перестать задавать себе такие вопросы. Она не осознавала, что летит, ходит или даже движется, и все же за какие-то мгновения она оказалась в тысячах миль от дома. Ей стоило только подумать и составить в уме вопрос, как ее новое тело оказывалось тут или там, и на каждый вопрос сразу возникал ответ, и все ее понимали.

Весь первый этаж огромного Божьего дома представлял собой обширный зал, прекрасное место для собраний, где обитал

Дух Божий и восседал Его Сын. Ирэн не поворачивала головы или глаз, но осознавала все, что происходит вокруг. Невыразимая красота заполняла все ее чувства, и хотя она осознавала, что находится в здании, где есть основание, чьим создателем и строителем был Сам Бог, она не чувствовала потолка или пола, и стены казались прозрачными, хотя открытые ворота были сделаны из драгоценных камней и привратниками там стояли ангелы.

Она снова попыталась представить себе такую сцену на Земле — если бы она пришла на большое собрание, где кто-то будет что-то показывать или говорить. Повсюду бы висели мониторы, чтобы все видели, что происходит. Но сейчас она сидела, не ощущая веса собственного тела, посреди огромной толпы, но видела Иисуса так же ясно, словно сидела прямо у Его ног. Хотя Он окидывал взглядом всю толпу, ей все равно казалось, что Его внимание обращено только на нее и что она слышит Его мысли.

— Я так счастлив, что ты здесь, Ирэн. Я избрал тебя еще до основания мира. Я пришел на Землю ради тебя, Я жил и умер ради тебя, простил твои грехи и назвал тебя Своей. Добро пожаловать в дом Божий.

Вокруг Его престола парили четыре существа. Первое было подобно льву, второе — тельцу, у третьего было лицо человека, а четвертое было подобно орлу. У каждого было шесть крыльев, и казалось, что никогда нет им покоя. Они воззвали:

— Свят, свят, свят Господь Бог Вседержитель, Который был, есть и грядет.

Когда существа эти воздали славу, честь и хвалу Иисусу, двадцать четыре человека, стоявшие полукругом перед Ним, пали перед троном ниц, возглашая:

— Воистину достоин Ты, Господи, принять славу и честь и силу: ибо Ты сотворил все, и все по Твоей воле существует и сотворено!¹

Явились тысячи тысяч ангелов и окружили престол вместе с людьми и живыми существами, восхваляя Иисуса и возглашая громкими голосами:

— Вот Агнец Божий, принесенный в жертву, чтобы обрести власть, и богатство, и мудрость, и силу, и честь, и славу, и благословение!

Вдруг Иисус сказал:

— Узрите, Я сделал все новым. Свершилось! Аз есмь Альфа и Омега, Начало и Конец. Всякому, кто жаждет, я дам из источника воды жизни даром².

В прошлом Ирэн не испытывала эмоций, подобных тем, что пережила с того момента, как услышала свое имя и глас трубы Господней и начала возноситься. Если все счастливые, восторженные моменты ее жизни слить воедино, чтобы не кончаться никогда, это было бы лишь слабым отголоском того, что сейчас заполняло все ее существо. Она ощу-

¹ Весь отрывок — парафраз главы 4 Откровения Иоанна Богослова.

² Откровение Иоанна Богослова, 21.

щала, что больше никогда не захочет спать, не испытает ни голода, ни жажды. Она хотела только быть рядом со Спасителем и поклоняться Ему всем своим существом.

Но, значит, все рассказы об изысканной пище в небесах — только апокриф? Ирэн не нужна была еда, значит ли это, что она ее не захочет? От одной этой мысли словно из рога изобилия перед ней явилось все, что вызывало у нее наслаждение — шипящее мясо, фрукты, овощи, хрустальные бокалы, полные нектара.

Ирэн с изумлением подумала, успеет ли она все попробовать, не желая упустить ничего, сконцентрировавшись на собственном удовольствии. Она обнаружила, что за долю секунды способна съесть куда больше, чем за одной трапезой. Но в этом не было ни доли дискомфорта. Каждый кусочек и глоток был полон такого аромата и вкуса, какого Ирэн даже не представляла, и вкус оставался, когда еда исчезала.

Она подумала, где сейчас Рэйми, и он сразу же оказался возле нее, рассказывая ей о своих друзьях. Он даже не подозревал, что они тоже верующие.

— Как чудесно, — сказала она, когда он унесся прочь, и тотчас сама испытала то же самое, узнавая людей, некоторые из которых находились за много миль от нее, которых она знала на Земле, но не была по-настоящему с ними знакома. А они знали, что она верующая, или тоже не знали о ней ничего, как и она о них?

* * *

Николае Карпати вынырнул из-под одеяла и сел на краю постели, держась за голову. На рассвете Бухарест, как правило, был тих, но сейчас он слышал какофонию сирен, клаксонов и сигналов штормового предупреждения. Он подошел к окну и отдернул шторы, открыв взору пастельные тона рассвета над дальним горизонтом. Слишком прекрасно для такого шума.

Но шум стоял не только в ушах Николае — шум был и у него в голове. Он мучил его. Эта мешанина ужасных воплей и маниакального хохота повергла его на колени перед окном. Он опустил голову и воздел руки.

— Говори со мной! — взмолился он. — Расскажи мне, что случилось!

— Наши враги были спасены, — ответил тот самый безумный, хриплый, гулкий голос. — Спасены, вырваны из наших рук! Но не все потеряно. Те, кто остался, — наши. И мы в огромном большинстве!

— Я не понимаю, — проскулил Николае.

— Ты готов возглавить тех, кто остался?

— Я хочу, но я не знаю...

— Твой час пробил. Ты просто должен повиноваться.

— Я сделаю, что ты скажешь, хозяин. Но что случилось? Хозяин? Дух? Расскажи мне больше.

— Повинуйся!

- Я твой, но...
- Повинуйся!
- Я буду, но...
- Повинуйся!
- Я к твоим услугам.

Николае с трудом поднялся на ноги. Лицо его было залито слезами. По всему дому звонили телефоны. Он потянулся к кнопке громкой связи.

— Габриэлла! — рявкнул он. — Кто отвечает на звонки?

Послышался дрожащий голос другой девушки.

- Я пытаюсь. Вы знаете, что случилось?
- Нет. Расскажи.
- Включите телевизор.
- Включу, но прежде скажи.
- Простите, сэр, но я должна ответить на эти звонки, а Габриэлла пропала.
- Пропала?

Женщина отключилась, потому Николае схватил пульт и пробежался по сотне каналов, которые все как один повторяли одну и ту же новость. Величайшая катастрофа в истории унесла сотни миллионов человек по всему земному шару — миллиардов с учетом покойников. Люди исчезали в мгновение ока, оставляя после себя все материальное.

Николае ощутил, как его губы приоткрываются в оскале. Его что, обдурили? Что же он тогда унаследует, чем будет править? Миром, опустошенным хаосом и трагедией,

пошатнувшимся от потерь стольких жизней, сколько не уносили все войны, эпидемии и природные катастрофы, вместе взятые, за всю его историю?

Все царства мира должны принадлежать ему — но в таком виде?

Николае снова упал на пол, на сей раз от удара по шее, прямо над плечами. Пока он, пытаясь восстановить равновесие, поднимался на четвереньки, дух снова заговорил с ним.

— Ты не видишь, что мы можем обратить это в нашу пользу? Нашим солдатам не нужна форма! Наши враги отступили, ушли с поля битвы! Земля и все на ней — наше! Мы победили! Мы отогнали врагов, и вся добыча — наша!

Оставайся начеку. Не останавливай наступления. Борись за каждую душу. Мы не должны больше потерять ни единого человека, он не должен перебежать на другую сторону! Этот трагический день можно свалить на Врага. Те, кто верит, что это дело рук Божьих, возненавидят его за это. Испуганные, страдающие, нуждающиеся, уставшие от войны будут искать человека мира, человека сочувствующего, понимающего, человека надежды. Ты сможешь им стать, если поймешь неограниченные возможности ситуации и поймашь нужный момент. Ты такой человек? Ты можешь выполнить эту задачу?

— Я такой человек.

— Встань. И повинуйся.

Когда Николае вышел из душа и надел один из лучших своих костюмов в ожидании наплыва прессы, по всему дому все еще звонили телефоны, и помощница Габриэллы обзванивала даже тех, кто был в отгуле.

— Телевидение, газеты, журналы, — отвечала она, прикрыв трубку, когда он проходил мимо. — Что мне им отвечать?

— Что до ланча меня нет.

— Мне рассказать им о наших потерях?

— То есть?

— От Габриэллы осталась только ее униформа, прямо там, где она стояла. Один из наших водителей проверял мотор. Его одежда лежит прямо под открытым капотом.

— Еще кто-нибудь?

— Еще не знаю точно. Некоторые из тех, кому я звоню, не отвечают.

«Враги среди моих собственных служащих».

— Скажите прессе, что до ланча от меня не будет никаких комментариев, поскольку я в уединении оплакиваю потерю нескольких человек из моего штата. И пусть кто-нибудь вам настроит этот телефон на прямой дозвон до госпожи Айвинз и господина Фортунато в Нью-Йорке.

* * *

Леон дремал перед телевизором перед тем, как отправиться в постель, когда зазвонил телефон у него в комнате.

На проводе была Вив Айвинз.

— Вы видели, что случилось? — сказала она.

Леону пришлось бороться со сном. В теленовостях показывали тревожные ролики со всех сторон света.

— Миллионы исчезли, оставив свою одежду.

— Что это? — сумел выговорить, наконец, Фортунато. — Я сплю?

— Нет, не спите. И вы прекрасно знаете, что это такое. Это судный день. Последняя война началась.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Ирэн Стил всегда задумывалась, на что будут похожи небеса. Она слышала, что там меняются приоритеты и то, что было важно на Земле, здесь становится незначительным. Но как же ее тревога за Рэйфорда и Хлою? Боль немного притуплялась в присутствии Бога. Но в глубине души она чувствовала оптимизм, и ее молитвенная жизнь уже радикально изменилась.

Каждый раз, как Ирэн желала поговорить с Богом через Христа, ей нужно было только подумать о том, что она хотела сказать, и Бог сразу был с ней, а она — с Ним, и они общались сразу и непосредственно. А Его послание? Оно всегда было полно воодушевления и уверенности. Невозможно было земными словами описать это небесное ощущение приветия, взаимосвязи и, что было наиболее странным, похвалы, которая шла в обоих направлениях.

Будучи человеком на Земле, она восхваляла Его и желала вечно восхвалять Его перед Его лицом. Но она даже понятия не имела о том, что Бог тоже восхваляет ее. На Земле Ирэн труднее всего было понять и принять ощущение Господней любви к ней, даже хотя она и знала, что это так. Именно это привлекло ее к Нему, и она в библейском смысле понимала слова «Мы любим Его за то, что Он первым полюбил нас».

То, что Иисус, единственный совершенный человек в истории, пошел бы на крест и страдал и умер бы ради нее, будь она даже единственной грешницей в истории, часто заставляло ее срываться эмоционально. И все же Ирэн должна была признать, что никогда до конца не понимала Божьей любви. Она всегда сожалела об этом, поскольку ощущала, что Бог хотел, чтобы она не просто приняла Его дар — а она приняла, — но также поняла, что она предмет Его любви, зеница ока Его, причина того, что Он сделал.

Теперь здесь, в Его присутствии, она поняла все. Она не стала ценить себя больше, но не могла отрицать, что видела в глазах Иисуса восторг от того, что Он видит ее. Она только надеялась, что ее лицо выражало то же самое, как будто пребывание в вечном присутствии Спасителя было ее самой великой надеждой и мечтой с тех самых пор, как она приняла Его. Как Он мог радоваться встрече с ней — одной из многих перед Его лицом?

Ирэн предположила, что все внимание будет по праву приковано к Иисусу, и потому ее поразило, что она ощутила Его любовь и приязнь совершенно по-новому. Все здесь — она знала, что каждый ощущает это так же лично, как она сама, — были предметом любви Иисуса.

На Земле она в толпе в десять раз меньшей не спускала бы глаз с Рэйми. Теперь, хотя он мог быть во многих милях от нее, при способности перемещаться в мгновение ока она всегда ощущала его присутствие, знала, что с ним все в порядке и, по сути дела, он всегда с ней. Сразу превратившись во взрослого — как телом, так и разумом, — он демонстрировал мудрость не по годам. Ирэн знала, что он, как и она, переживает во всех мелочах то же самое, и ей не терпелось поговорить с ним, хотя она боролась со своим желанием потребовать, чтобы он сразу появился рядом. Когда им надо будет побыть вместе, это желание придет им в голову одновременно, и так и будет.

Сейчас, в огромном зале, гудящем от возбуждения, Ирэн готовилась к тому, что должно было произойти дальше. У нее была целая вечность для того, чтобы радоваться этому, и она стала молиться о том, чтобы ее муж и дочь каким-то образом познали истину и приняли решение следовать Христу, пока еще не поздно. Насколько она понимала, только один из каждых четырех человек, живших во время Восхищения, переживет годы Скорби. Она молилась, чтобы при та-

ком положении дел они как можно раньше пришли к Христу. Она не хотела для них опасности, боли или смерти. Она радостно ждала бы воссоединения с ними после Второго пришествия Христа и основания тысячелетнего царства, если им не пришлось бы пережить в это время никакой трагедии.

Вопрос, неотвязно терзавший Ирэн, состоял в том, возможно ли сохранить это прекраснейшее, всеобъемлющее чувство, которое она едва могла описать. Она была полна Господа, полна света, полна Его праведности и совершенства. Отголосок подобного чувства она испытывала, когда делала своему мужу или детям что-то такое, от чего они бывали счастливы, или когда все получалось. В прежней жизни Ирэн не могла долго выдерживать такого эмоционального подъема. Теперь же казалось, что ощущение никогда не угаснет, и что-то говорило ей, что она теперь способна не просто его выдерживать, но и наслаждаться им.

Откуда-то из тысячемильной дали позади престола пришел тонкий луч света, который становился все ярче по мере приближения. Вскоре Ирэн различила, что это еще одна группа ангелов, их были тысячи. И они пели. Гулкие басы и чистые тенора выводили самую величественную мелодию, какую она только слышала.

Как же она всегда любила музыку! И как же у нее всегда было плохо с пением! Хотя Ирэн не была лишена слуха, она всегда понимала, когда берется или поется верная

нота и замечала фальшь, она никогда не была способна держать мелодию. Много лет это было ее маленькой тайной. Но все равно ей нравилось петь, но она научилась петь тихо, поскольку иначе скрыть ее мелодекламацию было невозможно, и это удивляло даже Рэйфорда и детей.

Она шутила с Джеки, говоря, что больше всего на небесах ей хотелось бы научиться петь. И по мере того, как ангельский хор приближался и их великолепные голоса заполняли все вокруг, спасенные святые начали присоединяться к воспеванию славы Господней.

Внезапно рядом с ней появились Джеки и Дули, и Джеки сказала:

— Вот твой час! Давай послушаем. Давай!

Ирэн не надо было даже слушать, чтобы заучить простую песню. Это было так, словно слова и мелодия были написаны у нее в сердце. Огромное множество голосов, предводительствуемое ангельским хором, слилось воедино, и Ирэн встала и подняла голову. И хрустальным драматическим сопрано, которого она никогда не слышала и уж точно никогда не имела, она запела вместе с торжественным, величественным хором, воздев руки.

— Аллилуйя!¹ Спасение и слава, и честь и сила Господу нашему! Ибо истинны и праведны суды Его: потому что Он осудил ту ве-

¹ Далее парафраз из Откровения, 19.

ликую любодейку, которая растлила землю любодейством своим, и взыскал кровь рабов Своих от руки ее.

Аллилуйя! И дым ее восходит во веки веков!

И двадцать четыре старейшины и четверо животных пали и поклонились Богу, сидящему на престоле, говоря:

— Аминь! Аллилуйя!

И послышался голос от престола:

— Хвалите Бога нашего, все рабы Его и боящиеся Его, малые и великие!

И хором, подобным шуму водопадов и раскатам грома, огромное собрание возгласило:

— Аллилуйя! Воцарился Господь Бог Вседержитель! Ибо Отец и не судит никого, но весь суд отдал Сыну¹.

Затем музыка умолкла так же внезапно, как зазвучала, и опустилась благоговейная тишина. Ирэн ощутила какое-то предчувствие, но никто не знал, чего они ждут.

Между молча парящими четырьмя существами, с бесчисленными ангелами позади, которые потупили головы, с огромным собранием вокруг Него, перед двадцатью четырьмя старейшинами, лежавшими ниц перед Ним, встал Иисус. Несмотря на царские одежды, на величественный трон, на неземную красоту дома Господня, на толпу поклоняющихся, в Иисусе не было и намека на гордыню. Он просто озирает толпу.

¹ Евангелие от Иоанна, 5:22.

И снова Ирэн показалось, что Его взгляд направлен на нее одну. Он мог выделить каждого из сотен и сотен миллионов. Ей хотелось веселиться, хлопать в ладоши, кричать, петь, упасть ниц, но зуд ожидания, момент высокого напряжения, заставил не только умолкнуть каждый звук, но и прекратиться любое движение.

Когда огромный зал и все собрание, наконец, застыло в мертвой тишине, все вокруг сотряс глас Божий:

— Сей есть Сын Мой Возлюбленный, и в Нем Мое благословение. Отныне будет Он Царем царей и Владыкой владык. Посему Я превознес Его и дал Ему имя выше всякого имени, дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних и всякий язык исповедал, что Господь Иисус Христос в славу Бога Отца¹.

И Иисус снова воссел на трон. Ирэн инстинктивно потянулась к Нему и увидела, что все охвачены таким же порывом. Затем началась песнь, которую подхватили все:

— Царь царей и Владыка владык. Царь царей и Владыка владык. Царь царей и Владыка владык...

И вновь тишина воцарилась среди собрания, и один из двадцати четырех старейшин медленно поднялся и встал перед престолом. Ирэн видела его так, словно сама стояла рядом, — простой, ревностный с виду человек, дрожащий от сдерживаемых эмоций.

¹ Второе послание к Филиппийцам, 2:9—11.

Она без всяких слов поняла, что это апостол Петр.

Он заговорил голосом таким тихим, что только Бог сумел сделать его звучным для всех собравшихся:

— Благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, по великой Своей милости возродивший нас воскресением Иисуса Христа из мертвых к упованию живому, к наследству нетленному, чистому, неувядаемому, хранящемуся на небесах для вас, силою Божиею через веру соблюдаемых ко спасению, готовому открыться в последнее время.

— О сем радуйтесь, поскорбев теперь немного, если нужно, от различных искушений, дабы испытанная вера ваша оказалась драгоценнее гибнущего, хотя и огнем испытываемого золота, к похвале и чести и славе в явление Иисуса Христа, Которого, не видев, любите и Которого доселе не видя, но веруя в Него, радуетесь радостью неизреченною и преславною, достигая наконец верою вашею спасения душ¹.

— Все здесь ныне примите хвалу за то, что приняли дар спасения через Сына Божия, Иисуса Христа. Все, кто служил Христу, получают честь, ибо Сам Сын говорил: «Кто Мне служит, Мне да последует; и где Я, там и слуга Мой будет. И кто Мне служит, того почитит Отец Мой»².

¹ Первое послание Петра, 1:3—9.

² Евангелие от Иоанна, 12:26.

— Те, кто претерпел страдания во имя Христа и Евангелия, будут восславлены. Возлюбленные! огненного искушения, для испытания вам посылаемого, не чуждайтесь, как приключения для вас странного, но как вы участвуете в Христовых страданиях, радуйтесь, да и в явление славы Его возрадуетесь и восторжествуете. Если злословят вас за имя Христово, то вы блаженны, ибо Дух Славы, Дух Божий почивает на вас. Теми Он хулится, а вами прославляется.

— Ибо время начаться суду с дома Божия. И так страждущие по воле Божией да предадут Ему, как верному Создателю, души свои, делая добро¹.

Петр вернулся на место и простерся перед троном.

Затем голос Божий начал восхвалять всех уверовавших за веру их. И снова, хотя Ирэн и учили, что такое будет, хотя она и ощущала внимание и хвалу с самого своего момента прибытия сюда, это поразило ее своей странностью, хотя и согрело невыразимо.

Она знала, что, если бы Бог уделил каждому из спасенных Своих святых хотя бы по десять секунд, чтобы они могли воздать Ему хвалу, это заняло бы тысячи земных лет. Потому когда Он обращался лично к Ирэн, она понимала, что в этот момент Он говорит с каждым из остальных.

— Ирэн, — заговорил он в сердце ее, — Я любил тебя всегда любовью бесконечной.

¹ Первое послание Петра, 4:12—19.

Ты уверовала в Моего Сына и последовала за Ним, несмотря на то что твоя семья была против. Хотя ты принадлежала Мне только недолгое время, ты была тверда в вере и изучала Слово Мое, учила детей, ты привела твоих свекра со свекровью и сына к Христу. С момента твоего спасения ты заботилась не о себе, но о других. Я люблю тебя и — добро пожаловать домой. Ты хорошо потрудились, ты сослужила Мне добрую и верную службу.

Слова Господа из Его собственных уст поразили Ирэн так, что она не могла больше стоять. Охваченная восторгом, она могла думать только о своем несовершенстве, о тех моментах, когда она подводила Господа, о том, как ничтожна и недолговременна была ее служба, особенно по сравнению с делами тех, кто стоял вокруг нее. За это краткое мгновение Господь дал Ирэн совершенно новый взгляд на ее смертную жизнь, показав, какой она, в сущности, была пустой по сравнению с вечностью. Она помнила слова: «Жизнь одна, и она скоротечна. То, что во имя Христа — пребудет вечно»¹, но лишь сейчас поняла истину и суть этих слов. Что значат все земные дела? Меньше чем ничто по сравнению со вселенским замыслом.

Ирэн славилась за то малое, что она успела сделать, — за обучение детишек в воскресной школе и за то, что привела к Нему троих. Но была и другая слава, которой Ирэн, как

¹ С.Т. Стадд (1860—1931), британский миссионер.

она знала, была недостойна. Но это помогло ей узнать других, славимых за то, что они пострадали ради Христа и Евангелия.

Бесчисленные тысячи проходили перед Иисусом, восхваляемые за долгие годы разнообразного служения, и вот тогда Ирэн осознала истину высказывания о том, что на небесах «последние станут первыми, а первые — последними». Ирэн жаждала увидеть героев Библии и услышать об их подвигах и свершениях вождей церкви в истории, но они явно стояли в другом конце списка славы. Ибо, благодаря святых, Бог начал с незаметных людей, малоизвестных, которых не знали вне их маленького круга.

Среди них была женщина из Индианы, которая вырастила четырех сыновей, несмотря на мужа-алкоголика, который издевался над ней. Она продолжала молиться за него, защищать сыновей и работать, чтобы прокормить их всех. Она не желала молчать, и муж ее покалечил, но она считала его заблудшим, а не врагом, и Бог почтил ее за пример, который она подавала сыновьям. Она стала им наставницей, учила их Библии, и они стали блестящими студентами, закончили семинарии и посвятили себя трудам во имя Христа. Класс воскресной школы для взрослых, в котором она была учительницей, разросся до более чем семисот человек.

Другим был талантливый пианист, который свой дар считал даром Господа и посвятил себя пасторскому служению, а не блестящей карьерой в больших концертных

залах. Он обучал детей игре на фортепиано в отдаленных уголках мира и использовал свой талант ради распространения Слова Божьего, избегая личной славы и богатства.

Один за другим проходили они перед престолом, принимая почести от Агнца, убитого за грехи мира. Иисус обнимал каждого и говорил с ними, и Ирэн слышала все так, словно находилась в первых рядах. Время словно остановилось. Она не ощущала течения минут или часов, не испытывала ни усталости, ни нетерпения, ни беспокойства. Если бы это продолжалось всю вечность, она была бы рада. Она стояла перед героями веры, о которых прежде не слышала, а они оказались незаметными, скромными гигантами.

* * *

Лишь благодаря собственной воле и силе личности Абдулла Смит смог вернуть свою разрушенную жизнь в относительно нормальную колею. На долгие-долгие месяцы он залег на дно на амманской авиабазе, и никто даже не знал, что он там живет, хотя он давно уже развелся. Его бывшая жена Ясмин по-прежнему жила в их скромном доме вместе с сыном и дочерью, и Абдулла должен был приводить себя в порядок, чтобы она позволяла ему раз в две недели ненадолго заходить навещать их.

Он бросил пить, бросил волочиться за женщинами, перестал лениться и вернулся к прежней жизни, руководствуемой дисциплиной в королевских ВВС Иордании. Абдулла всегда вставал первым и являлся на службу в свежей, сияющей униформе. К нему вернулось чувство стиля, класса и цели, но, к сожалению, его прежняя личность казалась утраченной навечно.

Он всегда был немногословен, оставаясь остроумным и приятным. Теперь к нему вернулись его профессионализм на борту и ощущение лидерства, но он стал по большей части мрачным и молчаливым человеком. Раненым человеком, как он сам определял это состояние. Потеря жены и детей опустошила его.

И было понятно, что ничего не изменится. Они с Ясмин до сих пор порой обменивались письмами, но в своих посланиях он еле-еле сдерживался, всегда переходя от отчаянных безнадежных просьб к увещаниям и бредовым заявлениям о ее неверности исламу и обвинениям в похищении собственных детей и предательстве. И все же развод состоялся по вине нестойкости Абдуллы в вере. Это еще сильнее усугубляло ситуацию — винить, кроме себя, было некого. Да, она отвернулась от своей религии, но он был намерен заставить ее заплатить. Однако страдал-то он.

Абдулла, как обычно, был на ногах уже на рассвете в тот судьбоносный день, который изменил мир. Он уже позавтракал и взялся за рутинную предполетную тренировку, когда

вокруг завывали сирены и военному персоналу со всей базы приказали собраться. Он повидал много подобных учебных тревог, потому даже не спросил, что происходит. Он предположил, что это рутинная проверка и он должен просто оказаться рядом с истребителем, пока не дадут отбой тревоги.

Вместо этого он и несколько его коллег получили приказ заступить на защиту неба Иордании. От кого или чего защищать — никто не мог сказать. Но когда его истребитель с воем поднялся в небо над Амманом, вид бойни внизу наполнил его ужасом. Что могло привести к такому в этот безоблачный, солнечный, прекрасный день?

Он неотрывно смотрел на безнадежно застопорившееся движение в час пик — ничего необычного, разве что слишком уж много аварий с загоревшимися машинами да полная пробка. Единственными транспортными средствами, которые могли двигаться над дорогой и уходить с нее, были вертолеты, которые вывозили серьезно раненных в переполненные госпитали.

— Что творится? — крикнул в эфир Абдулла.

Но его диспетчер был настолько измотан, что ответил только:

— Включи новости по радио. Там только об этом и говорят.

Абдулла всегда понимал разницу между бредом и реальностью. Ему никогда не приходилось щипать себя, чтобы понять, не спит ли он. Впервые в жизни он не был в этом уве-

рен. Слышать лихорадочные сообщения об исчезновении людей в Иордании, в прочих странах Ближнего Востока, в Европе, в Азии, даже в его любимой Америке — это было чересчур для него. Люди исчезали, распадалась, дематериализовывались — да как угодно, — и после них оставалась только одежда, где бы они ни были и что ни делали.

Кастрюли выкипали, и начинались пожары, сгорали частные дома и выгорали квартиры. Машины без водителей врезались в грузовики, автобусы, другие машины, мосты и ограды, что и приводило к тому хаосу, который Абдулла видел внизу.

Новорожденный младенец исчез прямо в процессе рождения. Форма медсестры упала на пол. Целая футбольная команда, кроме одного бьющегося в истерике игрока, исчезла, оставив после себя только униформу, бутсы и носки, а мяч оказался в положении вне игры. И такие сообщения шли со всех концов мира.

Какая-то мысль зашевелилась на краю сознания Абдуллы, но она поразила его только после того, как орущий в панике комментатор — из тех, кто обычно все знает и держится холодно, — начал перебирать различные теории. Радиация. Спонтанное самовозгорание, каким-то образом не затрагивающее одежду и украшения. Новый вид оружия. Или, как говорится в старых религиях, конец света. Восхищение.

Этот вариант мало кто рассматривал серьезно, но пришлось предположить и это,

поскольку лучшей идеи никто предложить не мог. По мере того как эта версия набирала обороты, всякие сторонники и противники звонили в студию, рассказывая то, что они слышали или узнали за свою жизнь от нескольких чудаков, которые в это верят.

Абдулла вздрогнул. Ясмин же предупредила его! Она почти открыто говорила об этом в одном из писем, которое так взбесило его. Он был уверен, что это письмо он не сжег.

Он хотел порвать и сжечь его, он намеревался это сделать. Он смял его и пинал по комнате, поскольку в нем была еще и пошаговая инструкция о том, как стать последователем Христа. Но если память ему не изменяла, потом он разгладил это письмо и положил в свой сейф. Теперь ему отчаянно хотелось еще раз прочесть его, поскольку если она была права, а этого он и боялся, то и она, и дети исчезли навсегда.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Если бы Ирэн Стил пробудили от мечтаний — что, конечно, было бы невозможно в присутствии Бога — и спросили бы, что до сих пор больше всего поразило ее на небесах, она была бы вынуждена признаться, что больше всего ее потрясло новое ощущение времени. На Земле она крутилась в кругу ежечасного, ежедневного, еженедельного, ежемесячного, ежегодного цикла, иногда измеряемого семестрами или триместрами. Она замечала бесконечные темные зимние месяцы, мимолетную весну, яркое лето, которые не могла продлить.

Но здесь... здесь все было совсем по-другому. Она просто не могла измерить по часам, как давно она пробудилась от глубокого сна и была перенесена к вратам небес. Столько случилось за то время, которое она могла тут пробыть — час, или неделю, или — кто знает? — гораздо дольше.

Но все равно это время показалось ей мгновением. Ей говорили, что по сравнению с вечностью время смысла не имеет, и она не удержалась от тихого смеха, вспомнив, как она прежде пыталась представить, что это такое. Вероятно, она устроила бы какое-нибудь небесное хозяйство, сходила к Иисусу, поговорила бы с Богом, повстречалась с друзьями и библейскими святыми, полюбовалась бы видами, а затем успокоилась, осознав, что у нее впереди еще очень много времени.

Однако она не ожидала, что у времени просто не будет никакой опоры. Она не ощущала течения времени и лишь мимолетно задумывалась о том, что могло случиться на Земле между зовом, трубным гласом и нынешним моментом.

Она с трудом представляла себе тот хаос, что был внизу. Что думают Рэйфорд и Хлоя? Воссоединились ли они? Доступны ли по-прежнему поездки и сообщение? Сколько времени им понадобится, чтобы вспомнить, что им говорили она и Рэйми, о чем предупреждали? С одной стороны, подумала она, это не должно быть для них сложно. Они не верили в Бога, но что они могут подумать теперь? Станет ли очевидно всем, кто общался с верующими, что как бы безумно все это ни звучало, все, что предрекали их друзья, любимые, знакомые, оказалось правдой?

Все здесь, нечего и говорить, перегружало чувства, и Ирэн поняла, что ее разум обновился так же, как и тело. Иначе как она

могла все это воспринять? Если бы такое случилось на Земле, она сошла бы с ума или она упала бы в обморок от невероятности всего этого.

Эта способность передвигаться со скоростью мысли, понимать, что происходит, без слов, общаться с людьми и, прежде всего, с Богом практически мгновенно. Она и удивлялась и в то же время понимала.

«Вожди» огромного собрания не выходили к микрофону, не объявляли программы, не представляли участников. Они говорили прямо в сердце и душу всех сразу, и ты просто понимал их. Господь восславил Сына Своего, и его голос был безошибочно узнаваем, но вряд ли кто из собрания в доме Бога задавался вопросом, кто восседает на престоле.

Ирэн была околдована. Она не осознавала ни веса своего тела, ни кресла, ни усталости, ни боли, ни страдания, ни этого очаровательного воспоминания — времени. Нетерпеливость не существовала. Она не могла представить, что когда-нибудь снова испытает скуку. Ощущение горя и потери было отстраненным, смазанным, приглушенным ощущением всепроникающего присутствия Спасителя. Она по-прежнему беспокоилась о семье, но что-то — на самом деле Кто-то — вселил в ее новое тело и разум глубокое ощущение удовлетворения и спокойствия, которое говорило ей, что теперь она не может ничем повлиять на

то, что произойдет с Рэйфордом и Хлоей в результате грядущих событий. И все же она молилась за них и, без сомнения, верила, что Господь знает, как лучше, и что Его воля исполнится.

Словно из ниоткуда появился прозрачный помост, футов в тридцати левее престола, и из середины его ударило пронзительно яркое пламя, столь белое и сияющее, что Ирэн могла сравнить его только с горящим магнием, как при химических экспериментах в школе. Тогда школьникам приходилось надевать очки для сварочных работ, чтобы защитить глаза, но сейчас она смотрела на такое пламя без опасения и ощущала его мощный, ни с чем не сравнимый жар. Что-то говорило ей, что в прежнем, смертном теле она не могла бы стоять рядом с этим пламенем даже на расстоянии двадцати футов.

Апостол Павел покинул свое место перед престолом и скромно обратился к собранию:

— Мы сотрудники Господни, мы были Господним полем, мы были зданием Господним. По милости Божией я, как строитель, заложил фундамент, а другие строят на нем. Но каждый должен смотреть, как он строит. Ибо никто не может заложить такого фундамента, как я, ибо основа эта — Иисус Христос. Теперь же, если кто строил на этом основании из золота, серебра, драгоценных камней, дерева, сена или соломы, работа всякого будет явлена этим пламенем и испытана. Если ваша работа на крепком сем основании устоит, то получите вы награду, а если

нет, то вы испытаете потерю, но сами вы будете спасены, пройдя через пламя.

Об этом как раз не так давно и говорил пастор Биллингз. Хотя спасение не требует платы и дается милостью через веру, все равно труды праведных должны быть испытаны. Господь смотрит на грешных людей через Своего совершенного Сына, так что спасение их твердо, несмотря на то, как будет оценен их личный труд. Но их награда, их различные венцы служения Христу — это определит пламя, выплавив драгоценные камни или металлы или оставив лишь пепел от дерева, соломы или головешки дурной работы или даже доброй, но сделанной не по добрым замыслам.

Ирэн знала, что в ней драгоценного слишком мало, чтобы испытывать, и только сожалела, что у нее не было больше времени, знаний и было слишком много себялюбия, чтобы предоставить для испытания больше добрых дел. Она была благодарна, что судьба ее бессмертной души — не почивать на лаврах дел, которые она сделала или не сделала. Но в своей благодарности за этот дар она сожалела, что не смогла сделать больше, чтобы выразить свою приверженность и благодарность Богу.

Будет ли ей стыдно? Она не могла себе такого представить здесь, в присутствии Бога. Да, она будет стыдиться и сожалеть о потраченном впустую времени, и ей следует радоваться одному тому, что она спасена непонятно за что. Но наверняка Господь, Ко-

торый любит ее, не станет выставлять ее на позор перед всеми верными с незапамятных времен.

Ирэн могла лишь надеяться, что с ее испытанием будет покончено быстро, так чтобы, невзирая на результат, она смогла бы порадоваться, видя венцы, дарованные героям веры, которых она знала и о которых читала.

* * *

Как только Абдулла закончил первый полет и отчитался как смог, он воспользовался возможностью перерыва и приземлился в дальнем конце базы. Он поспешил к себе, открыл сейф и начал рыться в письмах от Ясмин. Наконец, нашел помятое, выцветшее, то самое, в котором говорилось как раз об этом случае.

«Абдулла, я верю — и я уверена, что ты с этим согласен, — что Бог ненавидит разводы. Я не хотела этого, и не моя новая вера привела к распаду нашего брака. Это был твой выбор, но я признаю, что оставаться с тобой и позволять тебе влиять на наших детей также было для меня невозможно, пока ты относишься ко мне так, как сейчас.

Я знаю, что это письмо приведет тебя в ярость, хотя этого я тоже не хоте-

ла. Мы много раз говорили с тобой о различиях между исламом и христианством, но, пожалуйста, будь ко мне снисходителен и позволь изложить мои мысли по порядку. Надеюсь, Господь поможет мне изъясниться как следует

Я не ожидаю, что ты вдруг увидишь истину за моими словами, но я молю, чтобы Бог открыл твое сердце и однажды явил Себя тебе. Как я не раз повторяла, разница между тем, что ты называешь “нашими религиями” в том, что у меня — не религия. Я пришла к выводу, что религия — это попытка человека угождать Богу. Я всегда была связана правилами, проявлением служения и добрых дел. Я как могла пыталась заслужить благосклонность Аллаха, чтобы в конце концов обрести рай на Земле.

Но я никак не могла стать достаточно хорошей, Абдулла, и ты тоже, несмотря на то что много лет был для меня замечательным мужем. Это стало ясно после твоей необоснованной реакции на то, что я пришла к вере в единственного Истинного Бога и Отца Иисуса Христа. Для тебя я стала отщепенкой, несмотря на то что и ты сам отошел от догматов ислама.

Я уверена, что для тебя мое обращение в другую веру стало публичным унижением. Мне очень жаль, но я не могу скрывать свои настоящие чувства и веру, точно так же, как не могу просить тебя оставить полеты.

Позволь мне сказать еще раз: христиане верят, что Библия учит, будто все рождены во грехе и кара за грех — смерть. Но Иисус заплатил своей безгрешной жизнью и смертью, принесся себя в жертву за всех, кто верит. Абдулла, ты должен признать, что ты никогда в жизни не встречал совершенного человека, и мы оба знаем, что несовершенны. Мы грешны и нуждаемся в спасении. Мы не можем спастись сами, не можем себя изменить. Я очень воодушевлена твоей дисциплинированностью и твоими усилиями. Теперь ты больше похож на того человека, за которого я вышла замуж, но разве ты не понимаешь? Ты никогда не станешь достаточно хорошим, чтобы попасть на небеса, потому что тебе придется стать абсолютно совершенным.

Однажды, когда ты будешь готов — а я надеюсь, что еще не будет слишком поздно, — просто помолись и скажи Господу, что ты осознаешь, что ты грешник, что ты раскаиваешься и хочешь быть спасенным. Проси Его руководить твоей жизнью. Грядет день, предсказанный Писанием, когда Иисус вернется в облаках и заберет всех истинно верующих в одно мгновение. Никто этого не увидит, кроме тех, с кем это случится. Те, кто останутся, просто осознают, что все было правдой. Христиане по всему миру исчезнут. Я надеюсь, что это не станет трагедией — хотя для нас, кто уйдет, это

ни в коем разе не станет трагедией, — поскольку тебе придется забыть о гордости, разобраться в себе, унизиться перед Богом. Конечно, если это произойдет до того, как ты придешь к истинной вере, ты поймешь, что случилось. И прощения тебе не будет. Я просто молюсь, чтобы ты не лишился жизни в последующем хаосе прежде, чем успеешь уверовать — не в религию, а в личность. В Иисуса Христа.

С теплыми воспоминаниями и глубокой любовью молюсь за тебя.

Ясмин».

Неужели такое возможно? Вдруг она с детьми исчезла? Если так, то она была права. Абдулла не мог сдержать колотившей его дрожи. Он должен все узнать. Он должен попасть туда.

Он вылетел наружу и нашел одинокий вертолет. Пилот, Халид, стоял рядом.

— Йа сиди, — сказал Абдулла. — У тебя найдется время подбросить меня до дома? Я должен проверить, как моя семья.

— Конечно, йа бек. Я только что дозаправился.

По дороге Абдулла расспросил Халида, что с его семьей.

— Они в порядке, хвала Аллаху. Но, конечно, перепуганы, как и все мы. Никто представления не имеет о том, что происходит.

Через двадцать минут вертолет, взбив тучу песка, сел на узкую, наклонную полосу земли между бывшим домом Абдул-

лы и домом позади него. Абдулла поразило отсутствие детей. У соседей семьи были в основном больше, чем у них, и к этому времени обычно здесь стоял шум и гам, вокруг носились дети различных возрастов. Теперь он видел только рыдающих взрослых и нескольких подростков, которые бродили вокруг с ужасом на лице.

— Пойти с тобой, йа бек?

— Нет, спасибо, дружище. Я скоро вернусь.

Как только Абдулла вошел в заднюю дверь, ему в нос ударил запах подгоревшей пищи. Он бросился в маленькую кухню, увидел сковородку на открытом огне, почерневшие и дымящиеся остатки фалафеля и хумуса. Абдулла схватил полотенце и сунул раскаленную докрасна сковородку в мойку, быстро выключил газ. И только тогда осознал, что на чем-то стоит.

У него под ногами лежал тийяб Ясмин. Абдулла шагнул назад и увидел, что там же лежит ее белье и домашние тапочки. За все годы их совместной жизни они ни разу не видел, чтобы она бросала одежду на пол, даже в спальне. Она, очевидно, стояла здесь. Ясмин издавна вставала раньше семьи и будила их запахом завтрака.

Он вошел в маленькую спальню, в которой спали их дети. На матрасиках лежала их ночная одежда. Разум Абдуллы начал дурить, говорить, что это ошибка, что его семья куда-то ушла, что найдется какое-то объяснение

этому впечатлению, будто бы они исчезли прямо из одежды.

Но он знал правду. В ступоре, с трясущимися руками Абдулла сгреб одежду детей, схватил верхнюю одежду Ясмин и на негнущихся ногах пошел назад к вертолету.

Когда он забрался на борт, Халид спросил его:

— Что, йа бек? Они в порядке?

Абдулла не мог ни слова сказать. Он просто покачал головой.

— Исчезли?

Абдулла кивнул. Губы его дрожали.

— Тебя отвезти назад на базу?

Он снова кивнул и, охваченный эмоциями, просто не смог сдержаться и сделал то, чего никогда не допускал перед лицом других людей. Абдулла зарылся лицом в одежду своих любимых и разрыдался.

* * *

И снова Ирэн была поражена тем, что она просто знала, что происходит, без всяких объяснений. Каким-то образом Господь открыл ей — и, конечно, в то же самое время и всем остальным, — что наступила следующая стадия суда перед престолом Христа. Труды должны быть испытаны огнем, чтобы увидеть, что осталось, а что сгорит, как щепка, а потом судимые должны получить от

Христа как минимум хвалу за то, что уверовали в Него ради спасения, но в идеале должны были получить один или более венцов.

Венец жизни будет дан тем, кто оставался верным, несмотря на испытания, вплоть до мученичества. Ирэн вспомнила наставление из послания Иакова: «С великою радостью принимайте, братия мои, когда впадаете в различные искушения, зная, что испытание вашей веры производит терпение... Блажен человек, который переносит искушение, потому что, быв испытан, он получит венец жизни, который обещал Господь любящим Его»¹.

Пастор Биллингз недавно рассказывал об утверждении Самого Иисуса из Откровения Иоанна Богослова: «Не бойся ничего, что тебе надобно будет претерпеть. Вот, диавол будет ввергать из среды вас в темницу, чтобы искусить вас, и будете иметь скорбь дней десять. Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни... Се, гряду скоро; держи, что имеешь, дабы кто не восхитил венца твоего. Побеждающего сделаю столпом в храме Бога Моего, и он уже не выйдет вон; и напишу на нем имя Бога Моего и имя града Бога Моего, нового Иерусалима, нисходящего с неба от Бога Моего, и имя Мое новое».

Венец праведности был приготовлен для тех, кто жадно ждал возвращения Владыки. Ирэн долго восхищалась этой чертой в апостоле Павле, который, стоя перед судом в Риме, больше тревожился о небесном суде.

¹ Послание Иакова, 1.

«Ибо я уже становлюсь жертвой, и время моего отшествия настало. Доброй борьбой я боролся, совершил состязание, сохранил веру; а теперь готовится мне венец праведности, который даст мне Господь, праведный Судья, в тот день; и не только мне, но и всем, возлюбившим Его явление»¹.

Венец славы был обещан тем, кто пас стадо Господне с чистой душой. Ирэн приятно было слушать пастора Биллингза, когда тот говорил о тяжести пастырства и ответственности, которые ощущал, служа добровольно, а не по принуждению. Он часто цитировал Первое послание Петра:

«Пасите Божье стадо, какое у вас, надзирая за ним не принужденно, но охотно и богоугодно, не для гнусной корысти, но из усердия, и не господствуя над наследием Божиим, но подавая пример стаду; и когда явится Пастыреначальник, вы получите неувядающий венец славы»².

Венец похвалы достанется ловцу душ. Павел писал Фессалоникийцам:

«Ибо кто наша надежда, или радость, или венец похвалы? Не и вы ли перед Господом нашим Иисусом Христом в пришествие Его? Ибо вы — слава наша и радость»³.

Он писал к Филиппийцам: «Итак, братия мои возлюбленные и возжеленные, радость и венец мой, стойте так в Господе, возлюбленные».

¹ Второе послание к Тимофею, 4:6—8.

² Первое послание Петра, 5:2—4.

³ Первое послание Фессалоникийцам, 2:15—20.

В Евангелии от Иоанна, в 4-й главе, Иисус говорит тем, кто разделяет Его стремление спасти погибших и активно проповедовал благую весть, что они собирают плоды ради жизни вечной: «А Я говорю вам: возведите очи ваши и посмотрите на нивы, как они побелели и поспели к жатве. Жнущий получает награду и собирает плод в жизнь вечную, так что и сеющий и жнущий вместе радоваться будут, ибо в этом случае справедливо изречение: один сеет, а другой жнет».

* * *

Халид осторожно посадил вертолет на площадку на амманской базе и спросил Абдуллу, может ли он чем-нибудь ему помочь.

Абдулла помотал головой, стиснув зубы и сжав губы. И все равно слезы катились по его щекам.

— Спасибо, дружище, — хрипло выдавил он.

Дорога к его жилищу, меньше чем в сто шагов, показалась ему самой длинной дорогой в жизни. Он бросил на койку одежду своих близких и упал на колени.

— Дорогой Бог, — всхлипнул он, — важно ли то, что прихожу я к Тебе из страха и раскаяния? Я верю, что Ты существуешь просто потому, что все это случилось. Я не понимаю, что значит быть грешником, но знаю, что я не

совершенен, даже рядом не стоял. Пожалуй-ста, если я должен поверить в Христа, разъясни это мне. Я понимаю, что я для Тебя ничто, ничто перед Богом, таким могущественным и великим, что люди исчезают по Твоему велению. Мне кажется, что у меня нет выбора, а мне так надо узнать, достаточно ли чисты мои стремления.

Внезапно Абдулла осознал, что стоит не лицом к востоку, не к Мекке, что обращается он не к Аллаху, а, скорее, к Богу своей жены, Богу, Который ответствен за исчезновение сотен миллионов жителей Земли. И все же этот иорданец каким-то образом понимал в глубине души, что этот Бог его слышит. Слышит все, что у него в душе, среди всех бесчисленных молитв, которые, наверное, сейчас поднимаются к Нему. Он слушает, Он слышит его.

Абдулла ощутил, что он — любим. Теперь это был Бог, достойный страха, хвалы, поклонения. Больше он не сомневался в себе, как в грешнике. Он оторвался от груды одежды своих любимых, лежавшей на койке, соскользнул на пол и простерся там. Груз собственного несовершенства давил на него в присутствии Бога Истинного.

Абдулла снова заплакал:

— Боже, я недостойн. Я сам вижу, кто я. Себялюбивый. Похотливый. Гневливый. Не умеющий любить. Мелочный. Можешь ли Ты простить меня?

Казалось, Бог заговорил прямо в душе у него.

Абдулле напомнили обо всем, что говорила и писала Ясмин. Все рождаются во грехе. «Нет праведника, нет ни одного». И даже хотя одни люди кажутся лучше других и не столь эгоистичны, все безнадежно погрязли во грехе. Им далеко до совершенства Господнего, им нужна была жертвенная смерть Христа во искупление их грехов. И как можно встроить это в свою жизнь? Просто поверить и принять?

— Я верю и принимаю! — закричал Абдулла. — Прости меня. Спаси меня от моих грехов! Прими меня в чада Свои!

Он лежал, содрогаясь от рыданий. И тут на него снизошло чувство покоя. Потеря семьи была глубокой саднящей раной, и он каким-то десятым чувством понимал, что он мог бы возложить вину за это на Того, к Которому сейчас взывал. Но Абдулла также понимал, что это деяние Господне — не без цели. Это было предсказано.

Абдулла поднялся на дрожащие ноги и сел на койку, перебирая пальцами одежду любимых людей. Слезы капали с подбородка на колени. Он не знал, куда идти, что дальше делать, но ощущал он себя совсем другим человеком. Чего захочет от него его новый Бог? Ему отчаянно хотелось найти кого-нибудь, кто понимает, но разве не все такие люди ушли?

А пока он будет служить Господу единственным способом, который он сейчас знает. Абдулла будет лучшим слугой, лучшим военным, лучшим пилотом, самым жер-

твенным человеком, каким только сможет. Он найдет Библию — у Ясмин она была дома. Он изучит ее, будет искать книги, которые смогут помочь ему разобраться в ней. И он будет молиться, чтобы Господь привел в его жизнь других людей, которые только сейчас поняли, что упустили истину. Наверняка на этой огромной планете есть те, кто оказался в таком же положении, что и он сам.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Все в доме Божиим замерло. Ирэн и понятия не имела, что миллиарды людей, собравшихся в одном месте, могут соблюдать такую абсолютную тишину. Но тишина сохранялась, и небывалое ощущение предвкушения охватило ее. Каждый раз перемена означала, что сейчас случится нечто важное. Она окинула взглядом огромный зал, высматривая, не встанет ли Иисус, прислушиваясь, не скажет ли чего-нибудь Бог, не выступит ли вперед кто из двадцати четырех старейшин.

Но нет, всего лишь еще несколько секунд тишины. И внезапно тысячи тысяч ангелов, собравшихся за престолом и у врат, единым гармоничным совершенным хором грянули одно-единственное слово:

— Аллилуйя!

И люди по всему огромному дому Господнему медленно начали аплодировать, весело

переговариваться и перешептываться. Так ангелы радовались, когда кто-то на Земле принимал Христа. И такая слава звучала все чаще по мере того, как продолжалось испытание пламенем и суд перед Престолом. Иногда три или четыре возгласа звучали одновременно, а через мгновение еще десять или двенадцать.

Чем дольше Ирэн находилась там, тем больше радостных возгласов по поводу новообращенных слышалось от ангелов, и святые радовались и аплодировали. Разве можно от такого устать? Ирэн даже вообразить такого не могла.

Время от времени к толпе присоединялись новые — очевидно, те, кто только что умер. Некоторые из них всего пару часов как уверовали. Ирэн молилась, чтобы этими радостными возгласами ангелы приветствовали пришествие Рэйфорда и Хлои, чтобы они воссоединились с ней через семь лет, когда будет установлено царство Божие.

Сердце Ирэн согрело озарение. Сидя с внутренним трепетом в ожидании испытания пламенем и дарованием венцов верующим из всех племен и народов, она вдруг поняла, что утратила ощущение страха и стыда. Ирэн так долго тревожилась о том, чтобы не оказаться униженной перед лицом других из-за своих грехов! Господь вселил в ее душу — и, как она знала, в души всех других — осознание, что нынешний суд — не осуждение грехов.

Ее грехи, как и грехи всех прочих святых, давно искуплены на кресте. Они уже омыты

со всех от востока до запада, так что нет грехов, которые должны быть испытаны огнем. Что же тогда будет считаться шлаком и сгорит в огне, оставив лишь драгоценные камни и металлы? Ирэн знала это, знала так, словно пастор Биллингз или сам Бог сидели рядом с ней, шепча ей на ухо.

Ее труды на благо Царства Господнего пойдут в пламя точно так же, как и все ее прочие дела — кроме грехов — и потраченное впустую время, frivolности, дела, не посвященные вечности, — все это сгорит. То время, которое она провела, воспитывая детей и служа семье, останется. Время, посвященное церкви, чтению Библии, молитвам, служению, стараниям быть достойной служения, — все это выйдет из огня и станет прекрасным сиянием.

Но как же с тем временем, которое она потратила не на обучение и самосовершенствование? То, что она тратила на мелочи, на вещи интересные, но не имеющие ценности? Ирэн напомнили о тех часах, которые она потратила на то, что в лучшем случае было развлечением. Фильмы и телешоу, которые не служили ни совершенствованию, ни возвышению духа. Она ведь могла бы выключить телевизор и потратить время на другое. Книги возбуждающие, но бесцельные. Радости шопинга просто для того, чтобы развеяться, а не потому, что ей действительно что-то было нужно.

От Ирэн вряд ли требовалось, чтобы она заполняла все свое время служением. Но

было понятно, что уцелеет только то, что было сделано ради Христа. Большая часть ее жизни была пустой... не неправильной, не греховой — но пустой.

Самым ярким моментом суда Престола для Ирэн было то, как Иисус обращался с теми людьми, которые на Земле были никому практически не известны. Слава доставалась обычным трудягам, если они трудились так, словно работали на Господа, а не на человека. Они могли выполнять рутинную работу в автосервисе, плотничать или перевозить грузы. Но если они посвящали себя Христу и работали ради славы Его — особенно когда сослуживцы манкировали работой, или начальство хитрило, или другие ловчили, — Иисус превозносил их. Они вознаграждались наравне с теми, кто полностью посвятил себя христианским трудам, кормясь пастырством. На самом деле последние видели, что большая часть их трудов была потрачена впустую и мало что оставалось из-за их неверных мотивов или лени.

Музыканты — певцы, композиторы, инструменталисты — с удивлением слышали, как небесный хор пел их песни. Но любимый музыкальный момент Ирэн наступил, когда слепая Фанни Кросби, которая написала до своей смерти в 1915 году около девяти тысяч песен, подошла к престолу, прыгая от радости, потому что снова могла видеть.

Ее труды прошли испытание огнем, и все, что осталось, стало драгоценным металлом и самоцветами. Из серебра и золота Иисус сделал прекрасный простой венец, усыпан-

ный драгоценными камнями, рожденными в пламени, и подал ей венец жизни за то, что она прошла свое жизненное испытание слепотой, тем не менее славя Его. Также Он протянул ей венец праведности за чистую надежду на Его Второе пришествие, а также венец похвалы за то, что ее труды привели столько в царство Господне.

— Ты хорошо потрудились, добрая и верная служительница, — сказал Иисус. — Не споешь ли ты для Меня?

Мисс Кросби опустилась на колени и прикрыла рот обеими руками, но небесное воинство радостно подбадривало ее, и она запела, сопровождаемая верным несравнимым хором.

Она спела отрывок из своего прославленного гимна «Не пройди, Иисус, меня ты», прямо на месте изменив слова:

Здесь у трона пред Тобою
Я нашел бальзам;
Я простерт теперь душою,
Помоги мне Сам¹.

Иисус встал, спустился с престола, встал рядом с мисс Кросби, а она продолжала петь слова другого своего знаменитого гимна:

¹ Первоначально:
Дай у трона пред Тобою
Мне найти бальзам;
Я простерт теперь душою,
Помоги мне Сам.

— В час конца труда земного,
В темный я шагну прибой,
И увижу ясный утренний рассвет.
И на берегу далеком
Будет ждать Спаситель мой
И Его улыбки сладостный привет.

Голоса моих любимых
Призывают издалека
И зовут в Эдемский сад скорее к ним.
Помню наше расставанье,
Жду грядущего свиданья,
Но всего сильнее — с Господом Моим.

Во врата святого града
В белоснежном одеянии
Он ведет меня туда, где нету слез,
Мне великая отрада
Воспевать блаженство рая,
Но еще сильнее — тебя, о мой Христос!¹

И на этих словах все небесное воинство,
включая Ирэн и всех святых, встало, чтобы
петь:

Я узнаю Его, я узнаю
Искупителя своего.
Я узнаю Его, я узнаю
По кровавым ладоням Его.

¹ Гимн «My Savior first of all».

* * *

Рэйфорд Стил все думал и думал о женщине, которой он ни разу не коснулся. Пассажирский «Боинг-747» шел на автопилоте над Атлантикой, прибытие в Хитроу ожидалась в шесть утра. Рэйфорд выбросил из головы все мысли о семье. Как правило, начало весны он проводил с Ирэн и Рэйми. Хлоя к тому времени тоже возвращалась из колледжа. Но сейчас, пока его второй пилот Крис Смит клевал носом, Рэйфорд думал об улыбке Хэтти Дюрхем и предвкушал их предстоящую встречу. Он не виделся с ней уже больше часа.

Обычно Рэйфорд думал о том, как вернется домой, к жене. Ирэн была привлекательной и довольно темпераментной даже в свои сорок лет. Но в последнее время она ударилась в религию, и это начало его раздражать. Она только об этом и говорила.

Рэйфорд убеждал себя, что именно религиозное рвение жены заставило его сбиться с пути истинного, хотя и понимал, что настоящей причиной было обычное половое влечение.

К тому же Хэтти Дюрхем была потрясающе хороша. С этим никто не спорил.

Возможно, это произойдет сегодня. Возможно, сегодня утром — если только ее условный стук в дверь не разбудит Криса — он осмелится по-дружески накрыть ее руку

ладонью, когда она положит ее ему на плечо, и, может быть, она поймет, что это первый шаг навстречу более глубоким отношениям.

Через пару часов Рэйфорд первым увидит проблески рассвета — дразнящую палитру пастельных тонов, предвещающую неохотный восход солнца над континентом. А пока за иллюминатором на многие мили тянулась густая чернота. Его выпившие или спящие пассажиры опустили шторы, подложили под головы подушки и закутались в одеяла. Самолет сейчас представлял собой темную, гудящую спальню для всех, кроме нескольких полуночников, стюардесс и пары-тройки тех, кому приспичило по нужде.

Главным вопросом, мучившим Рэйфорда Стила в этот темный предрассветный час, был вопрос, решится ли он на новые, более волнующие отношения с Хэтти Дюрхем. Он погасил улыбку. Не обманывает ли он сам себя? Может ли человек с его репутацией в отношениях с женщиной на пятнадцать лет его моложе решиться на что-то большее, чем просто мечты? Он уже не был в этом столь уверен. Если бы не это новое увлечение Ирэн!

Пройдет ли когда-нибудь эта ее одержимость концом света, любовью к Иисусу, спасением души?

Ирэн стала законченной религиозной фанатичкой, и это каким-то образом освобождало Рэйфорда от чувства вины за мысли

ТИМ ЛАХЭЙ, ДЖЕРРИ Б. ДЖЕНКИНС

о Хэтти Дюрхем. Может, он что-нибудь скажет, предложит, сделает намек, когда они с Хэтти будут идти от Хитроу к стоянке такси. Может, и раньше. А вдруг он решится сделать это прямо сейчас, за несколько часов до приземления?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Рэйфорд Стил-младший сидел в доме Господа вместе со своим другом, Джереми Филипсом, которого знал с шестого класса по школе в Маунт-Проспект в Иллинойсе.

— Странно как-то сейчас называть тебя Рэйми, — говорил Джереми. Копна его темных волос напоминала Рэйми того мальчугана, которого он знал прежде.

— Да знаю. А ты так похож на своего папу. Он здесь?

— Конечно! — ответил Джереми. — Пап?

Тут же родители Джереми оказались рядом, улыбаясь во весь рот.

— Рэйми! — воскликнул мистер Филипс, и его жена обняла Рэйми.

— Вы помолодели! — сказал Рэйми.

— А ты повзрослел, — ответил мистер Филипс.

— Страннее всего, что я и чувствую себя старше.

— И я тоже, — сказал Джереми. — Я словно стал понимать то, о чем раньше и не думал.

— Так ты знал, что Рэйми — верующий? — сказала миссис Филипс.

Джереми покачал головой.

— Мы говорили об этом. Думаю, что мы оба в нашей вере были не очень-то смелы. То есть я знал, что Рэйми хороший парень, никогда с ним проблем нет, не ругается, как-то вроде этого. Но вот два и два сложить-то и не смог.

Рэйми рассмеялся.

— Что смешного-то? — сказал Джереми.

— Да я же тоже не знал, что ты христианин, но только вот ты не всегда был такой уж хороший парень.

— Ну да. Я бедокурил. И не всегда хорошо выражался, ага?

— Тут уж я виноват, — сказал его отец. — Я стал христианином позже Джейн, так что в моей жизни хватало дряни, и Господу не один год понадобился, чтобы вычистить весь мусор. А как твои, Рэйми? Они здесь?

— Мама — да. Помолитесь за моего папу, хорошо?

— Внесем его в наш список, — сказала Джейн Филипс. — Там много людей, но кажется мне, что они очень скоро все поймут. Они не могут сказать, что мы их не предупреждали. Я только боюсь, что мы оттолкнули их, постоянно говоря об этом дне.

— Неужели прошел только день? — сказал Джереми. — Мне кажется, мы тут уже не меньше месяца.

— А у меня ощущение, — сказал его отец, — что всего несколько минут прошло.

Ангельский хор снова взорвался восклицанием «Аллилуйя!».

— Может, это твой папа, Рэйми, — сказала миссис Филипс.

— Могу лишь надеяться. Вы, пожалуйста, и мою сестричку в свой список внесите.

* * *

Ирэн почти привыкла к своему преобразенному телу. Забыть о болях, растяжениях, усталости было слишком хорошо, чтобы поверить, что это правда. Но вряд ли она когда-нибудь привыкнет к своему новому сознанию как к данности. Как и любой смертный человек, она часто задавалась вопросом: каково это — иметь божественное сознание? Все понимать, все помнить и знать будущее? Последнее не входило в список ее новых способностей, но новизна была в самой идее понимать и знать все сразу.

Ирэн не могла видеть Рэйми, но инстинктивно осознавала, что он находится в четверти мили, и даже знала, что он разговаривает о ней, Рэйфорде и Хлое. «К Филиппий-

цам, — подумала она. — Как замечательно. Кто же знал?»¹

Ирэн могла перенестись прямо к ним, но с этим можно было подождать. Они наверняка так же наслаждаются праздником, как и она сама.

Перед престолом уже прошло столько святых! Труды их были испытаны огнем, и из драгоценного остатка были созданы для них венцы. Ирэн дрожала от восторга, выслушивая каждую из историй незаметных святых, неизвестных за пределами их маленькой церквушки или городка, выступавших от имени Христа ежедневно, в течение многих десятилетий. Из каждого города, деревеньки каждого континента пришли они, люди всех цветов кожи, говорившие на всех наречиях. От женщины из индийской глубинки, которая тратила свой скромный доход на покупку материалов для изучения Библии в своей нищей деревушке, несмотря на противодействие правительства и представителей других религий, до мужчины, который продал свой процветающий бизнес в Австралии, чтобы переехать в малонаселенную местность и посвятить жизнь обращению аборигенов в христианство.

¹ Вероятно, имеются в виду слова апостола Павла: «Наше же жительство — на небесах, откуда мы ожидаем и Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа, Который уничиженное тело наше преобразит так, что оно будет сообразно славному телу Его, силою, которою Он действует и покоряет Себе все» (К Филиппийцам, 3:21—22).

Ирэн никак не могла этим насытиться. Она, конечно, ожидала увидеть награждение пасторов, проповедников и духовных наставников. Но она не ожидала, что большинство этих мужчин и женщин придут из таких мест, о которых она даже не слышала. Многие жили в нищете, имели в лучшем случае два комплекта одежды, были окружены врагами Господа, часто их преследовало государство, но они не отступали, несмотря ни на что.

Иисус воздал похвалу женщине-инвалиду, которая превратила свое ложе в алтарь ежедневной молитвы в течение более чем пятидесяти лет, каждый день прося Бога за духовенство и миссионеров. Теперь она прыгала и бегала и танцевала перед престолом, здоровая, молодая, живая, и наградой ей были венцы праведности, жизни и похвалы.

* * *

Рядом с иллюминатором салона первого класса «Боинга-747», летящего в Лондон, сидел Бизон Уильямс, склонившись над ноутбуком, медленно клюя носом. Он хотел сделать так много, организовать по-новому, но его обволакивало беспамятство. И это была такая теплая, манящая волна, с которой, как он сам понимал, долго бороться не сможет.

Пожилая пара, сидевшая перед ним — он видел сейчас только голову женщины, — и

грузный, сильно выпивший бизнесмен рядом с ним уже крепко уснули. Следующим будет Бизон, но он все же старался продержаться еще пару минут.

Не вышло. Он резко проснулся, увидев, что набирает какую-то бессмыслицу в своем календаре. А затем он снова отключился.

* * *

По оценке Ирэн испытание прошли уже более двух тысяч святых. Оставалось только 19 999 998 000. Все еще привыкая к своим новым способностям, она задумалась, снизойдет ли Бог ответить на ее вопрос, но стоило ей подумать, как Он заговорил в ее душе.

— Спрашивай.

— Ну, — сказала она, — я понимаю, что здесь понятие времени совсем другое и...

— На самом деле здесь время не существует, — сказал Он.

— Ну да. Но ради любопытства — сколько мы здесь уже пробыли?

— По земному времени? — послышался неземной смех. — Примерно четыре минуты.

* * *

— Понимаешь, Эми, это наша проблема. Девять вечера, будни, а мы все сидим.

— Мы с этим покончили, — сказала Эми, когда Хлоя закрыла книги. — Ты будешь самой лучшей студенткой в истории, а это не оставляет много места для общественной жизни.

— Но ты-то сама? Сделай что-нибудь! Сходи куда-нибудь!

— Да, позвоню одному из десятка моих приятелей, у всех у них «порше», конечно, и посмотрим, кто подвезет меня за пиццей.

— Пицца! — сказала Хлоя. — Это звучит волшебнно. У кого есть машина?

— Ты закончила с занятиями?

— Я выдохлась, — ответила Хлоя. — Я бы еще почитала, но мне надо дозаправиться. Пицца как раз сгодится.

— Давай закажем.

— Не-а. Мне надо выбраться отсюда на время. А тебе?

Эми кивнула.

— Но все равно нужны колеса. Может, возьмем у кого-то машину?

— У кого?

— Ну, у Фиби, но ты ее не любишь.

— Да не то чтобы недолюбиваю, Эми. Я ее почти не знаю. Она слишком напоминает мне мать, вот и все.

— Она старовата для своего возраста, да? Но с другой стороны, у нее есть машина. И что ты там такое говоришь про свою мать? Она очень милая.

— Я знаю, но они с Фиби только о Боге и тадычат. Бог то, Бог се, и «ты должна как-нибудь со мной сходить на акцию студентов за Христа».

— Знаю, — сказала Эми. — А тебе не кажется, что немного неискренне с их стороны никогда не называть свой клуб полным названием?

— Студенческое движение за Христа? — спросила Хлоя. — Иногда называют.

— Да, но слишком часто нет. Это будто тебя приглашают на вечеринку, а там ты обнаруживаешь, что это просто многоступенчатый сетевой маркетинг.

— Думаю, у них хорошие намерения. Короче, звони Фиби.

— Ты лучше ее знаешь, Хлоя.

— Нет! Просто она считает, что я лучший кандидат в студентов за Христа, чем ты. И как тебе после этого?

— Без шансов... или, может быть, она думает, что я уже там.

Они обе рассмеялись. Хлоя сказала:

— Ты знаешь, что она захочет. Даже предложит сама сесть за руль.

— Не говори ей, куда мы едем. Просто скажи, что мне надо для дела. Давай звони.

Хлоя схватила телефон и позвонила в комнату этажом ниже.

Ответила соседка Фиби по комнате.

— Я не знаю, где она, Хло. Она пошла купить еды.

— Мы как раз это и собирались сделать. Она давно ушла?

— Не знаю. Минут пять, наверное. Позвони ей по сотовому.

Хлоя набрала номер, но услышала автоответчик голосовой почты Фиби. Она подо-

шла к окну и увидела, что машина Фиби до сих пор на стоянке.

— Может, она телефон отключила, Эми. Попробуем ее перехватить.

Девушки набросили кофты и пошли к лифту.

— Это слишком долго, — сказала Эми. — Лестница!

Они побежали вниз по лестнице и выскочили из двери, и в тусклом свете фонаря на парковке они увидели туфли, а между ними и машиной — носки, джинсы, свитер и белье. В траве, рядом с асфальтовой дорожкой, лежала сумочка и сотовый.

— Что это? — воскликнула Эми, падая на колени и протягивая руку к телефону.

— Стой! — крикнула Хлоя. — Не трогай! Может, на нее напали! Я звоню в полицию.

— А я позвоню ее соседке.

Линия была занята, даже 911. Она перезвонила на охрану кампуса. Та же картина.

Вскоре появилась соседка Фиби в пижаме и шлепанцах.

— Да, это ее вещи, — сказала она, побледнев как смерть. — Позвоните куда-нибудь!

Хлоя сказала, что пыталась, и девушка, трясаясь, прошептала:

— Не хочу вас пугать, но пока я шла вниз, на каждом этаже слышала крики.

— Стой здесь, Эми, — сказала Хлоя, бросаясь в общежитие. Повсюду бегали студенты, дрожа, крича, пытаясь позвонить и вызвать помощь. В одном ее корпусе около десяти студентов исчезли на месте, оставив

после себя только одежду, прямо на глазах своих друзей или соседей по комнате.

У Хлои в горле образовался комок. Она схватила телефон и набрала номер отца, не думая даже о том, который час там, где он сейчас находится. Линии были перегружены, робот посоветовал ей перезвонить позже.

На Хлою сзади налетела какая-то девушка и вцепилась в нее, как утопающая.

— Что происходит? — скулила она.

— Не знаю! — ответила Хлоя.

— Ты слышала? Исчезло много детей студентов! Говорят, что даже все! И несколько профессоров.

Девушка убежала прочь.

Хлоя попыталась набрать домашний номер.

— Мама? Папа? Вы здесь? Позвоните мне как можно скорее. У нас исчезли десять студентов и два профессора, исчезли дети всех женатых студентов. С Рэйми все в порядке? Перезвоните мне!

Хлоя бросилась в комнату и начала собираться, почти не думая, куда она поедет. Телевизоры и радиоприемники во весь голос кричали об охватившем весь мир феномене. Она должна была попасть домой. Зачем — она не знала. Просто должна была, и все. Она побросала в чемодан все, что ей могло понадобиться, и потащила его вниз по лестнице.

Эми стояла на страже возле одежды Фиби.

— Можешь спокойно отнести вещи в ее комнату, — сказала Хлоя и рассказала Эми обо всем, что узнала.

— Я постараюсь добраться до своей семьи, но если они перезвонят тебе, скажи им, что я пытаюсь добраться до дома. Если не смогу попасть на рейс, постараюсь перезвонить им утром. Сможешь им сказать?

— Конечно... И, Хлоя... будь осторожна.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

На Земле Ирэн назвала бы такое телепатией. У ней никогда не было такого дара, и она сомневалась, что такая способность есть хоть у кого-то. Она слышала много историй, псевдомаги заявляли, что обладают такой способностью, и проводили впечатляющие демонстрации своего якобы ясновидения, но ведь она была скептиком. Никто не смог доказать ей, что этот дар реален, разве что, возможно, в редких случаях, когда за всем этим стояли демоны. На самом деле она с удовольствием читала книги с разоблачениями секретов этих фокусов.

Но здесь, в доме Бога, она могла говорить с Рэйми даже не открывая рта, причем будучи вдали от него. Это было так, словно они были рядом, несмотря на то, какое расстояние их разделяло. Ирэн знала, что ей стоит

только пожелать, чтобы он оказался рядом, и так и получалось. Но ей хотелось быть уверенной, что его выбор свободен, чтобы ему не казалось, что его отрывают от Джереми или его родителей.

В одно мгновение Рэйми оказался рядом с ней.

— Думаю, ты заметила, что здесь все по-другому? — сказал он с улыбкой.

Ирэн до сих пор не могла привыкнуть, что совсем недавно он выглядел, поступал и говорил как мальчик лет на двадцать моложе. Она рассмеялась:

— Да, уже заметила.

— Я хотел сказать, что я вовсе не обижен. Если я оставляю Джереми и Филипсов, это вовсе не будет значить, что я оскорблю их. Мы по-прежнему вместе, мы по-прежнему можем разговаривать, и я могу вернуться к ним в любой момент. Я могу прыгать туда-сюда каждую наносекунду, и вы все будете считать, что я только с вами.

— Интересно, — заметила она, — но все же ты не прыгай. Просто мне испытание кажется таким восхитительным, что я хотела, чтобы ты побыл рядом со мной. Нечего и говорить, что я очень волнуюсь, как меня-то оценит это пламя.

— Я тоже, — сказал Рэйми. — Я же был таким маленьким и буду удовлетворен, если меня сочтут достаточно серьезным и искренним. Но ведь даже ты была новичком в своей вере, мы же просто не знали, что нам делать, разве не так?

— Сейчас я знаю. Я смотрю на все с совершенной новой точки зрения. Хотелось бы мне иметь еще один шанс и жить, как подобает христианке.

Рэйми склонил голову набок и посмотрел на нее:

— Нет. Тебе хочется покинуть это место не больше, чем мне или кому бы то ни было еще!

— Это точно, — заметила она. Тут ее слова прервало очередное «Аллилуйя!» ангельского хора. Она вместе со всеми радостно закричала и зааплодировала, затем сказала:

— Жаль, что тогда я не знала всего, что знаю сейчас.

— Я совершенно не хочу возвращаться на Землю, особенно сейчас, — произнес Рэйми. — При всем том, что должно случиться. То есть я был бы хорошим свидетелем. Я был бы более открытым в вере, более энергичным, более смелым, более настойчивым. Возможно, я даже сумел бы вынести все испытания. Но даже представить не могу, как это я буду без физического присутствия Иисуса.

Ирэн уставилась на многомильную череду святых, призванных к пламени суждения их земных дел.

— Я просто хочу, чтобы все, кого я некогда знала и любила, оказались здесь.

В течение недели — хотя Ирэн знала, что прошло всего несколько минут, — они с Рэйми смотрели и слушали, как вздымался перст раскаленного добела пламени и опадал,

оставляя прошедшие через пламя золото, и серебро, и драгоценные камни некоторых деяний и поглощая впустую потраченное на Земле время. Звучали самые причудливые имена миллионов христиан, которые служили Христу незаметно и скромно. Так последние становились первыми, а первые — последними. Ирэн хотелось услышать, как будут оценены труды героев веры времен прошедших и нынешних. Но она видела, что награды и этих скромных тружеников оказались такими же великолепными.

* * *

Бухарест Восхищение накрыло в утренний час пик, для многих рабочий день только что начался. Через несколько минут вертолеты с телекамерами начали садиться на лужайку перед домом нового румынского президента Николае Карпати. Он немедленно снял помощницу Габриэлы с телефона, заставил ее одеться в бизнес-костюм и внушил, что надо говорить.

— Президент Карпати обратится к народу через несколько минут. Сейчас он заперся у себя, оплакивая утрату нескольких важных людей из своего штата.

На самом деле, конечно же, Николае говорил по телефону с Леоном Фортунато, находившимся в Нью-Йорке, выясняя обстановку. Тот согласился, что Николае не надо пока-

зываются перед камерами, пока не прибудут корреспонденты международных СМИ.

— Вы теперь не принадлежите Румынии, — сказал Леон. — Вы человек критического часа мира. Вы знаете, что будете говорить?

— Конечно. Слова мира и утешения.

— Отлично. По бумажке?

— Естественно, нет. Дух даст мне слова.

— Аминь.

— Леон, пресса уже в окна лезет. Я должен выглядеть, словно занимаюсь важным, неотложным делом.

— Но так оно и есть.

— Скажи мне, что ты думаешь о том, что некоторые люди из моего штата исчезли? Как я мог проглядеть их истинную приверженность?

— Возможно, они были верны и вам, Николае. Они никак не могли знать, кому вы служите на самом деле или кто вы. Они же не боги.

— Неужели они могли быть так наивны? Неужели наш враг не сказал бы им так, как наш духовный пастырь сказал нам?

— Вероятно, нет.

* * *

Для пастора Брюса Барнса вошло в привычку читать в постели, пока его жена спала. Очень часто шорох страниц не да-

вал ей уснуть, а после целого дня борьбы с тремя детьми — пяти лет и меньше — она часто спрашивала его, как долго он еще будет читать.

В ту ночь он просматривал свой любимый спортивный еженедельный журнал и, как всегда, его жена тихо пробормотала — как долго он еще не будет гасить свет. Недолго, ответил он, надеясь, что она скоро уснет и свет и шорох страниц не будут ей мешать.

Она несколько раз вздохнула, когда зашуршали страницы, но вскоре он услышал ее медленное ровное дыхание и понял, что она заснула. Он повернулся к ней спиной, надеясь дочитать журнал.

Вскоре Брюс ощутил движение и понял, что жена встала. Он подумал, что она идет в туалет, и понадеялся, что она не до конца проснулась и не будет сетовать, что он до сих пор не выключил свет, когда вернется. Он не сразу понял, что не слышит ее шагов и звука текущей воды. Она была миниатюрной, так что он едва заметил, что она уже не лежит на кровати.

Погруженный в чтение, Брюс внезапно осознал, что жена так и не вернулась. Он позвал ее через плечо:

— Дорогая, с тобой все в порядке?

Ответа не последовало. Возможно, она пошла посмотреть на детишек. Или ему просто показалось, что она встала? Он почитал еще пару минут, затем протянул руку назад, чтобы удостовериться, что она на месте. Ее

не было. Он повернулся и заметил, что она даже застелила одеялом подушку.

Ничего себе. Он разозлился на себя за то, что до сих пор не спит и не выключил свет, так что она, наверное, ушла на кушетку. Брюс чувствовал себя гадко. Он пошел извиниться и позвать ее назад, в постель, решительно намереваясь перестать читать и погасить свет.

Но его жены не было на кушетке. В кухне ее тоже не было. И в детской. Он не хотел звать ее и будить детишек. По всему дому свет был выключен, так что он включил свет в коридоре, чтобы еще раз осмотреть комнаты. Возможно, она сидит в уголку и укачивает младших.

В тусклой полосе света из коридора Брюсу показалось, что детская кроватка пуста. Он включил свет в комнате, выглянул в коридор и позвал жену. Не услышав ответа, снова повернулся к кроватке, увидел пустые короткие пижамки и все понял.

Брюс кинулся к остальным двум комнатам, сорвал одеяла — и опять увидел пижамки. Бросился в их с женой спальную, сорвал одеяло — и увидел ночную сорочку и кольца жены.

Брюс схватил трубку и позвонил пастору Биллингзу. Услышал голос автоответчика. Позвонил другим членам общины. То же самое. Он залез в директорию адресов, искал людей постарше, у которых могло не быть автоответчика. Ответов не было.

Никогда Брюс не ощущал себя таким одиноким. Он бросился к машине и поехал к

церкви. Там он обнаружил одну из пожилых секретарш церкви Новой Надежды, которая, рыдая, сидела в своей машине. Они оба знали, что случилось. Их оставили здесь, и они знали почему.

* * *

Хлоя пришла в ужас от того, что она видела, волоча свой чемодан через кампус и по улицам Пало-Альто. Всюду царило безумие. Люди плакали и кричали, кто-то бежал, кто-то падал наземь, свернувшись комочком. Кто-то вцеплялся друг в друга. Многие зывали к Богу. Некоторые звали на помощь, но она ничем не могла никому помочь. Она просто хотела попасть домой.

Но такси, автобусы и грузовики — все стояло. Некоторые маленькие машины и мотоциклы прокладывали себе дорогу сквозь хаос, но никто не останавливался подобрать голосующих. Хлоя решительно была настроена добраться до аэропорта Сан-Хосе. Если бы удалось попасть на шоссе 101...

* * *

Рэйми Стил сидел рядом с матерью, замороженный мириадами жизненных историй, вспыхивавших на миг перед его внутренним

взором, по мере того как тысячи тысяч людей представляли перед пламенем испытания для их трудов, а потом перед престолом получить свою награду. Когда супружеская пара и женщина — сейчас они все были примерно одного возраста — приблизились к алтарю, все вместе с Рэйми и Ирэн встали, аплодируя.

Без всякого объявления или фанфар Господь сумел вкладывать в сердца, умы и души всех зрителей историю каждого. Рэйми узнал замечательную историю этой четы и их дочери в один момент и задумался над ними, пока пламя превращало их труды в драгоценный металл и камни, из которых были потом созданы венцы, которые Иисус возложил им на головы.

Джон и Бетти Стэм из Америки были миссионерами в Китае. В 1934 году Джон с Бетти и их трехлетняя дочь Хелен были взяты в заложники, когда к власти пришли коммунисты. Когда за них потребовали выкуп в двадцать тысяч долларов, Джон написал в миссию: «Пусть Господь благословит вас и руководит вами, а что касается нас, то пусть Бог будет прославлен жизнью или смертью».

Холодной ночью Джона привязали к столбу на улице, в то время как Бетти нянчилась с ребенком. Перед рассветом она спрятала Хелен в спальном мешке, молясь, чтобы ее нашел кто-нибудь, кто о ней позаботится. Утром Джона и Бетти раздели и прогнали по

городу как обычных преступников, связав им руки за спиной.

По дороге из толпы выступил человек и стал умолять пощадить их. Стража приказала ему заткнуться, а когда он не послушался, его оттащили в сторону, чтобы убить. Джон умолял отпустить этого человека, но ему приказали встать на колени. Джон все еще говорил, когда один из охранников снес ему голову одним взмахом тесака.

Бетти, которая упала на колени рядом с убитым мужем, была зарублена.

Местному пастору сказали, что в доме, где были прикованы Джон и Бетти, остался младенец. Он бросился туда, нашел в спальном мешке маленькую Хелен, голодную, но живую. Он отважно унес ее, а через неделю ее передали другому миссионеру в соседнем городе. В конце концов, ее увезли в Штаты, где она и жила до самой смерти.

Рэйми казалось, что он знал Стэмов и их дочь всегда, хотя он родился много лет спустя после их смерти. Он с восторгом увидел, что Джон и Бетти получили венец мученичества и встретились с пастором, который спас их дочь, и с теми, кто вырастил ее.

Сотни, тысячи таких историй в одно мгновение разворачивались перед Рэйми, который сидел рядом со своей матерью. Он пытался сравнивать их с самыми лучшими развлекательными программами, которые видел на Земле, но это было просто несравнимо. Он очень любил смотреть по

телевизору бейсбол, когда победа достигалась в последнюю минуту. Ему нравились детективы и героические истории, которые заставляли его листать книгу за полночь. Он ходит смотреть фильмы, которые удивляли и восхищали его, заставляя думать о них много дней.

Но все это не шло ни в какое сравнение с тем, что он видел сейчас. Когда человек подходил к пламени и престолу, его или ее история сразу впечатывалась в разум Рэйми. Во всей полноте красок, звуков и эмоций он следил за их подвигами в служении Богу наперекор всем преследованиям и смертям, полагаясь только на Бога. Многие умерли за свою веру, а теперь их ждала награда.

Из каждого столетия, из каждого уголка Земли пришли они, и все собрание вставало, аплодируя, восхищаясь драмой их героических деяний. В каждом случае, пока перед всеми разворачивались их истории, герои их преклоняли голову перед Иисусом, показывая, что вся слава и хвала принадлежит Ему. Истории скромных пастырей маленьких церквей, которые служили десятилетиями, несмотря на кажущуюся бесплодность усилий, были не менее захватывающими, чем подлинные драмы.

Рэйми был просто ошарашен, когда мать сказала ему, что спросила Господа, сколько они тут пробыли — по земным меркам — и узнала, что всего несколько минут. Не покажется ли Ему мелочью, если Рэйми спросит, а сколько сейчас прошло.

Не успела эта мысль возникнуть у него в мозгу, как он услышал в душе ответ Бога.

— Это вовсе не занудство, сын мой. С тех пор как ты попал сюда, прошло всего несколько мгновений.

Рэйми понадеялся, что это не кончится никогда, — и тут же понял, что так и будет.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Николае Карпати подождал, пока его люди не сказали ему, что прибыли представители крупнейших мировых новостных агентств. Тогда он позвал слугу, который помог ему одеться в наиболее элегантный, черный костюм с черным галстуком и белой рубашкой. Еще несколько мгновений побыв в гардеробной, он, в конце концов, вышел из особняка медленно, печально потупив голову, и направился к микрофонам на широкой лужайке перед домом.

Карпати поднялся на сделанный на скорую руку помост. Камеры щелкали вспышками, репортеры занимали места. Поджав губы, изображая попытку справиться с эмоциями, он стоически поднял голову и прокашлялся.

— Простите, но сейчас я скорблю вместе со всеми людьми Земли. Похоже, эта тра-

гедия задела всех. Я знаю, что уже сейчас, буквально через какие-то мгновения после катаклизма, люди сочиняют теории, чтобы объяснить этот феномен. И, рискуя лишь добавить неразберихи, я хочу сказать, что идея, которая кажется мне наиболее разумной, такова — в мире уже много лет накапливались запасы ядерного оружия. С того момента, как США сбросили атомную бомбу на Японию в 1945 году, а СССР впервые взорвал собственную бомбу 23 сентября 1949 года, мир оказался на грани ядерного самоуничтожения. Меня не удивит, если ученые обнаружат некий атмосферный феномен, который, взаимодействуя со всеми этими запасами оружия, и мог бы вызвать мгновенное исчезновение стольких людей.

Я не ученый, но я начитан в этой области, и вполне может быть, что некое сочетание электромагнитных волн в атмосфере и еще неизвестной или необъясненной атомной ионизации, исходящей от ядерного оружия по всему миру, «включилось» в результате, возможно, естественных причин — удара молнии, а то и деятельности разумных форм жизни, обнаруживших эту возможность прежде нас, — и получился этот глобальный мгновенный эффект.

Почему исчезновения кажутся такими случайными, почему они поражают одни культуры сильнее, чем другие, я пока не готов говорить. Возможно, что уровень электрического поля в телах отдельных людей делает их более уязвимыми к этому эффекту. Именно

это и объясняет исчезновение младенцев и маленьких детей и даже зародышевого материала. Возможно, электромагнитное поле в их телах не развилось до такой степени, чтобы противостоять чему бы то ни было.

Я уже слышал утверждения, что это может быть вселенским деянием Бога. Оговарюсь сразу — я не желаю и не буду критиковать искренние убеждения кого бы то ни было. Такая толерантность является основой истинной гармонии и братства, мира и взаимного уважения. Я не приемлю так называемую теорию Восхищения, которая уже пошла из уст в уста, поскольку я знаю многих, очень многих людей, которые должны были бы исчезнуть, если бы на небеса забирали праведников. Если бы Бог существовал, я почтительно признал бы, что это не Его прихоть. Именно поэтому вы не услышите от меня ничего неуважительного в адрес тех, кто со мной не согласен.

Возможно, настанет время, когда у меня появится возможность и привилегия более широко выразить мои мысли относительно миллениаризма, эсхатологии, Страшного суда и Второго пришествия Христа, но до тех пор, мне кажется, будет лучше не пытаться говорить на эти темы неформально.

Позвольте мне завершить, выразив свои соболезнования всем, кто понес потери в этот день, и, при всем уважении, я не буду сейчас отвечать на вопросы. Спасибо.

Когда Карпати шел назад, к дому, представители прессы осаждали его с криками:

— Господин президент! Доктор Карпати!
Всего один вопрос!

* * *

Рэйми никогда не слышал прежде о Сайрусе Ингерсоне Скоуфилде¹, но история этого человека взволновала его. Скоуфилд был успешным адвокатом и политиком XIX века, но отказался от должности прокурора штата из-за обвинений в политической коррупции.

К 1879 году, когда ему исполнилось тридцать шесть лет, Скоуфилд пережил многочисленные потери в личной жизни — политическая его карьера кончилась унижительной отставкой, он потерял сына, начал пить, жена развелась с ним. Также он был вовлечен во многие сомнительные судебные дела.

Рэйми увидел, как Скоуфилд в раскаянии пал на колени перед пламенем, в котором горели его дела. И несмотря на историю его жизни, из пламени вышли драгоценные камни, золото и серебро. Иисус превратил их в венец жизни за его упорство в служении, несмотря на его теологические взгляды. Иисус также подал ему венец славы, напомнив, скольких он окормлял духовно, будучи пастором различных церквей. Так-

¹ Сайрус Ингерсон Скоуфилд (19 августа 1843 года — 24 июля 1921 года) — американский христианский богослов, священнослужитель и писатель.

же он получил венец праведности как тот, кто возлюбил саму мысль о явления Христа. И наконец, ему был дан венец похвалы за то, что его труды привели стольких к вере Христовой.

— Но, Господи, — воскликнул Скоуфилд, — я недостойн! Я же почти половину жизни потратил зря!

Иисус обнял его и сказал:

— Ты лучше других должен понимать, что грехи и оплошности прошлой жизни не ставятся тебе в вину на этом суде. Твои грехи искуплены и забыты, остается только то, что ты сделал ради Меня после твоего возрождения. Ты хорошо потрудился, добрый и верный слуга!

Рэйми с восторгом смотрел, как проходит у него перед глазами жизнь Скоуфилда. Да, этому человеку явно нужна была перемена в жизни. И теперь миллиарды людей мысленно перенеслись в 1879 год, когда Скоуфилд воззвал к Богу, чтобы Он простил его грехи и чтобы Иисус взял себе его жизнь.

С этого момента блестящий, пусть и греховный Скоуфилд начал учиться и жить ради своего новообретенного Спасителя. Он бросил пить, начал учиться у выдающегося пастора и библейского ученого, служил во многих организациях и, в конце концов, стал пастором сам.

Он приводил людей к Христу, начал проводить молитвенные собрания, женился на христианке. Он видел, как из его церкви в Далласе в штате Техас вышли миссионеры,

как расширялись его труды, как рождались новые церкви. Он создал курсы заочного обучения Скоуфилда, которые позже вобрал в себя Библейский институт Муди, в котором учились более ста тысяч студентов. Он создал комментарии к Библии, которые служили авторитетным руководством для миллионов людей в течение столетия.

Рэйми слышал, как пастор Билингз упоминал свою скоуфилдовскую Библию, но он никогда до конца не понимал, что это значит, и уж наверняка сам в жизни ни одной такой не держал в руках. Теперь, когда Рэйми видел, как Иисус протягивает Сайрусу Скоуфилду его венцы, он подумал, что ему надо бы поговорить с этим человеком, и как же здорово, что у него на это есть целая вечность.

* * *

Хлоя с трудом поймала байк и, еле устроившись на заднем сиденье, доехала до нужного места. Все дорогу она и водитель, перепуганный насмерть юноша-азиат, старались не потерять ее чемодан.

— Тебе надо в аэропорт Пало-Альто? — спросил он.

— Вряд ли сейчас оттуда что-нибудь летает, — ответила она. — Я надеялась добраться до Сан-Хосе.

— Он закрыт, — сказал он. — Я в новостях слышал.

— Тогда в Пало-Альто, — сказала она, и это решение оказалось верным.

На касе издерганная женщина средних лет, с потекшим из-за слез макияжем сообщила Хлое, что ей повезло, «если так можно сказать». Она сказала, что сейчас попытается посмотреть, сколько правил она сможет нарушить, когда узнала, что Хлоя — непосредственный член семьи капитана компании «Пан-Континентал».

— Я как-нибудь запихну вас на «панконовский» рейс на последнем отрезке вашего пути, если найду хоть один самолет на Чикаго.

Женщина несколько минут стучала по клавиатуре, бормоча что-то себе под нос и по ходу дела отчитываясь Хлое:

— Хм. Интересно. Отлично. Ладно, попытаемся здесь. Нет. Здесь. Ох ты... Что же, стоит пробовать.

— Что там? — спросила Хлоя, глядя на часы. Прошел час после того, как они с Эми нашли на земле одежду Фиби.

— Есть кое-что — довольно рискованно, шансов мало.

— Я согласна на что угодно.

— Я уже поняла. Поскольку Сан-Хосе закрыт, маршруты меняются и мы принимаем самолетов больше, чем обычно, и куда больше, чем мы можем справиться. Между нашим аэропортом и Сан-Хосе есть небольшой военный аэродром, и, похоже, там садится самолет «Эр Калифорния» для дозаправки. Могу посадить вас туда. Некоторые

окольные дороги свободны, так что можем подбросить вас туда автобусом.

— «Эр Калифорния»? Они же не летают за пределы штата, разве не так?

— Вы разбираетесь в воздушном сообщении, девушка. ЭК работает на внутренних авиалиниях, да, но этот летит в Солт-Лейк-Сити, единственный действующий крупный аэропорт в округе на сотни миль. А оттуда старый самолет «Пан-Континентал» летит до Оклахомы.

— Мне показалось, что вы сказали — единственный крупный...

— Я не говорю об Оклахома-Сити или даже Талсе, малышка. Энид. Среди долины ровныя. Военный городок.

— «Пан-Континентал» туда не летает.

— Нет, но они летают в Даллас, а Энид принимает самолеты из Далласа, когда там перегруз.

— Хорошо, а куда я попаду из Энид?

— Есть рейс «Озарк» до Спрингфилда в Иллинойсе. Я полагаю, вы знаете, что «Озарк» наоборот будет «Кразо», то есть «чокнутый».

Хлоя не была в настроении шутить.

— Да, я слышала. Каковы шансы, что я доберусь из Спрингфида до О'Хары?

Женщина пожала плечами.

— Большого гарантировать не могу. Возможно, там вы поймаете автобус. Вроде бы у «Пан-Континентал» оттуда летают старые турбовинтовые самолеты, но кто знает, как долго будет открыт аэропорт в Чикаго. Кен-

неди уже закрыт, и О'Хара принимает все самолеты в пределах пятисот миль. Скоро у них просто не останется места. Так вы летите или нет? Если вы готовы, я сразу могу посадить вас в автобус.

— Лечу.

* * *

— Разве это не великолепно, мама? — сказал Рэйми. — У тебя ведь тоже в голове возникают картины?

— Да.

— Следующие двое из первого и второго столетий!

— Я не узнала их имен, — сказала Ирен.

— У меня ощущение, что вскоре мы будем знать о них все. Это Папий и Поликарп. Станные имена. Они друзья Иоанна, того, который написал Евангелие!

— А также послания и Откровение!

— Подождем, пока настанет его очередь, мам.

Но истории этих двоих показались Рэйми не менее захватывающими.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Хэтти Дюрхем упивалась восхитительной тайной — она была отнюдь не настолько легкомысленна, как все вокруг думали. О том, как люди — особенно мужчины — на нее реагируют, она знала уже очень давно и всегда пользовалась этим. Женщины сюсюкали с ней, словно она была безмозглой блондинкой. А мужчины говорили с ней глазами, словно речи их были полной чушью — часто так оно и было.

Однако нельзя сказать, что Хэтти не была расчетлива. Она пробилась в старшие бортпроводницы всего в двадцать семь лет — немалый подвиг — по большей части своим очарованием, но такую работу за красивые глаза не раздают. Ей пришлось учиться, схватывать все на лету, добиваться симпатий пассажиров, членов экипажа и начальства. Такой пост никогда не доверили бы за

красивую фигурку, мордашку, прическу, макияж и униформу.

И теперь она наслаждалась своей новой ролью, особенно на борту «Боинга-747», летящего в направлении Лондона. Хэтти не хотела допустить ни единой ошибки, не заслужить ни единой жалобы. Конечно, проблемы будут возникать, но именно ради этого она и ее команда находятся на борту. Они разберутся со всем и всеми быстро и эффективно. Тони Салазар, который служил на этих авиалиниях еще тогда, когда Хэтти училась в начальной школе, уже помогал ей как мог. Он сам мог бы легко получить повышение, стоило ему только захотеть. С этой стороны никаких сложностей не было. Он, похоже, хотел, чтобы она показала себя хорошо, и делал, что мог, чтобы помочь ей.

Им оставалось еще несколько часов полета. Уже два раза пассажирам подавали еду, фильм окончился, и за исключением нескольких полуночников и «сов», все еще сидевших за своими ноутбуками, включив индивидуальные светильники, в салоне было темно и тихо.

— Тебе надо дать указания подчиненным, — прошептал Тони, — чтобы они уже сейчас все подготовили к завтраку и передохнули до рассвета.

— Отличная мысль, — сказала Хэтти.

Когда они закончили, она несколько раз проверила салоны, затем села, чувствуя

нервное истощение и стараясь закрыть глаза. Но спать на посту она будет в последнюю очередь. Тут и там сидели стюарды и стюардессы, болтая и следя, не загорится ли кнопка вызова.

Хэтти лениво глянула в проход, где какая-то женщина не то разминала ноги, не то шла в туалет. Забавно. В тусклом полумраке она, как ей показалась, только что была — и вдруг исчезла.

В голову Хэтти Дюрхем пришла другая мысль. О Рэйфорде Стиле. Она никогда еще не разрушала брака, хотя капитан Стил был не первым женатым мужчиной, который был готов бросить ради нее семью. Прежних своих она просто дразнила, зная, что они люди безответственные и что ими движет скорее похоть, чем любовь.

Но Рэйфорд! Он был не таким. От нее не ускользнуло, что он был более чем осторожен. У него была прекрасная семья. Он никогда не говорил ни единого плохого слова о жене. Было понятно, что у себя дома он несчастлив, иначе зачем же все эти взгляды, язык тела, разговоры? Но ее привлекала именно его внутренняя дисциплина... не говоря уже о его потрясающей внешности.

Ну да, ему сорок два. Хоть один мужчина в его возрасте выглядел так? Он хорошо смотрелся и в форме, и в штатском. Они оба шли к какому-то итогу, и она не хотела отпугивать его и все ломать. Она достаточно хорошо понимала ситуацию и знала, что надо оставить

следующий шаг за Рэйфордом. Судя по всему, он двигался в нужном направлении. Она достаточно ясно показала ему свои намерения — или по меньшей мере готовность — перейти к совершенно другим отношениям. Она никогда еще так откровенно не демонстрировала своих целей.

Целью Хэтти было полностью присвоить Рэйфорда, не больше и не меньше. Ей было недостаточно любовной связи — в ее ситуации это, прежде всего, сломало бы ее карьеру. Нет, она хотела его самого. Он сам должен захотеть развода с женой и сам должен повести Хэтти к алтарю.

Если ее интуиция верена, то Лондон будет городом, который запомнится им навсегда.

* * *

Ирэн Стил наслаждалась своей новой способностью — а как иначе было это называть? — многофункциональности. Она с восторгом наблюдала за испытанием — что, по сути дела, было иным способом восхваления и прославления Иисуса, — ликовала каждый раз, когда ангелы возвещали, что очередной человек пришел к Христу, «смотрела» все проходящие перед ее внутренним взором истории представавших перед пламенем, в то же время ощущая, как ее пере-

полняет радость переживать все это вместе с сыном, ныне взрослым мужчиной. Ирэн казалось, что она никогда не утратит своей вечной улыбки, да и не хотела.

Она быстро поняла, почему Папий и Поликарп, эти два человека со странными именами, проходили испытание вместе. Они были современниками, друзьями, и самой их прочной связью было то, что они оба были знакомыми любимого ученика Иисуса — Иоанна.

Папий оказался главой греческих христиан, написавшим пятитомные комментарии к притчам Иисуса. Иисус похвалил его за усердие, за самую первую работу по Евангелиям. Хотя в течение многих столетий его труды были утрачены для истории, ранняя церковь использовала их для подтверждения истинности Писания.

— Хотя некоторые сомневались в твоём разуме и учености, — сказал Иисус, протягивая ему венцы славы, праведности и похвалы, — ты оказался верным и преданным. Ты окормлял свое стадо, ты ждал Моего возвращения с радостью, и ты стал Моей славой и радостью в деле завоевания душ.

Друг Папия Поликарп был учеником апостола Иоанна и в конце концов стал епископом ранней церкви в Смирне. Ирэн вскоре узнала, что он был одним из самых знаменитых личностей в раннем христианстве, что еще раз напомнило ей, насколько зачаточной и ограниченной была ее собственная

вера. Мысль о том, что у нее есть целая вечность на то, чтобы узнать все, согревала ее душу.

Будучи учеником Иоанна, Поликарп разговаривал со многими, кто общался с Самим Иисусом. Он стал решительным пастырем, наставником и свидетелем Христа, несмотря на опасное противостояние с Римом. И действительно, будучи епископом Смирны, он в конце концов принял мученическую смерть за веру.

Иисус сделал из вышедших из пламени драгоценных остатков его трудов такие же венцы, которые он даровал Папию, добавив к ним венец жизни, который полагался мученикам или тем, кто пострадал от несправедливого приговора.

* * *

Хэтти Дюрхем чуточку передохнула прежде, чем почувствовала, что снова должна встать и продолжить обслуживать своих пассажиров. Она замечала, что остальные бортпроводники с любопытством посматривают на нее, вероятно, задаваясь вопросом, должны ли и они тоже вернуться к работе. Но на самом деле делать было практически нечего.

Она тосковала по Рэйфорду, но решила, что следующий шаг должен быть с его стороны. И она уж точно не намеревалась

предпринимать ничего во время полета. Хэтти лениво пошла в хвост самолета, намереваясь по ходу дела проверить, сколько туалетов занято. Только один, и тот скоро освободится. Затем она тихо пошла по длинному проходу. Почти все спали, так что Хэтти старалась ступать бесшумно. Когда она сама летала пассажиркой, она всегда слышала, когда кто-то шел мимо, и ничто так ее не раздражало, как шаги кого-то из членов экипажа.

Некоторые из пассажиров опустили спинки кресел и лежали на спине, тихо посапывая или открыв рот. Многие последовали совету закрепить ремни безопасности поверх одеял или свитеров, так что Хэтти и ее команде не придется их будить, чтобы проверить, пристегнуты ли они. Другие ссутулились в креслах и спали, свернувшись так и эдак.

Однако странно. Возможно, из-за темноты казалось, что как минимум одно кресло в каждом ряду было пустым. Иногда два или даже больше. Но несколько минут назад Хэтти видела в проходе только одну женщину. И она не заметила, чтобы та возвращалась.

Теперь все туалеты были свободны, так что это какие-то шутки зрения. Конечно, она просто не рассмотрела этих людей в полумраке, среди одеял и подушек. Но когда ее зрачки — отчасти от тревоги — расширились, она стала лучше видеть в темноте. Около трети кресел казались пустыми.

Но в начале полета все места были заняты! Хэтти нахмурилась, собираясь с мыслями. Должно быть какое-то объяснение. И найти его должна она. Она что-то упустила. Или она по-прежнему сидит и дремлет и все это ей грезится? Такое и прежде случалось. Однажды, не выспавшись как следует, она задремала на боковом сиденье, и ей приснилось, что самолет садится, но все спят и она никак не может их разбудить.

Хэтти глубоко вздохнула. Нет, она не спит. Она это знала. Просто надо взять себя в руки. Но она не могла удержаться от того, чтобы перегнуться через спящего мужчину и проверить два кресла за ним. Оба были пусты. Все, что ей удалось нащупать, были одеяла и что-то вроде одежды. На другом сиденье она нащупала серьги. Что творится?

Над шестью креслами с поднятыми спинками были видны силуэты голов, но три следующих с обеих сторон были пусты. На первом она обнаружила спящего мужчину, который просто соскользнул вниз. Но два других были пусты, в них лежали одеяла, одежда и украшения.

У Хэтти перехватило дыхание. Где все эти люди? Она быстро пошла по проходу, больше не заботясь о том, слышны ли ее шаги.

Какая-то женщина повернулась на звук ее шагов и прошептала:

— Что-то случилось?

Хэтти собралась с силами и ответила бодрым голосом:

— Нет, мэм. Все в порядке.

Но она не замедлила шага. Прежде чем она дошла до туалетов, она увидела, что еще несколько кресел пусты и на всех туалетах горела надпись «свободно». Она постучала в каждый и открыла их, надеясь, что они заняты людьми, которых сюда привлек зов природы и которые почему-то все хором, страдая забывчивостью, не заперли двери. Однако нет. Все было пусто.

Хэтти бросилась вперед, зацепившись ногой за... что? Она наклонилась посмотреть и подняла это, чтобы не лежало в проходе. Это была женская одежда, полный комплект от чулок и нижнего белья до украшений. У Хэтти в горле возник комок. Она не должна плакать. Именно на этом месте, как ей показалось, исчезла та самая женщина.

Прямо из одежды?

И тут до Хэтти дошло еще одно — на борту было как минимум два десятка детишек. Теперь же она не видела ни одного. Она открыла кухню, чтобы затолкать туда одежду.

Там она столкнулась с другой стюардессой, которая спросила:

— Мисс Дюрхем, что происходит?

— Я не знаю.

Начали звенеть кнопки вызова. Включалось освещение для чтения. Люди начали окликать друг друга.

— Эй! Мэм? Сэр?

Хэтти подумала было включить освещение в салоне, но если подтвердятся ее худ-

шие страхи о том, что более сотни пассажиров исчезли без следа, то начнется паника.

— Вы не видели Тони? — спросила стюардесса. — Он только что был здесь, а теперь я его не вижу. Что-то происходит, и он нам нужен. Нам все нужны. Хэтти, куда делись все эти люди?

Хэтти приложила палец к губам и поспешила к лестнице в передней части самолета. Она посмотрит, не распространился ли этот ужас и на первый класс, а потом пойдет в кабину пилотов.

* * *

Ирэн слышала об организации «Миссия переводчиков Библии “Уиклиф”», но знала о ней мало, а уж о том, в честь кого она была названа, — так вообще ничего. Вскоре этот пробел был заполнен, когда Джон Уиклиф, святой XIV столетия, предстал перед пламенем, и история его жизни развернулась перед глазами всех собравшихся в доме Бога.

Уиклиф был ученым, который сделал для Реформации почти столько же, сколько куда более знаменитый Мартин Лютер в последующем столетии. Как и Лютер, Уиклиф пришел к выводу, что сущностью Евангелия было то, что праведность Христа перенимается теми, кто верует, и при этом единственном условии их принимает Бог.

Уиклиф терпел преследования и противодействие со стороны церковных авторитетов своего времени, но упорно придерживался своих убеждений и, в конце концов, первым проложил путь переводу Библии на разные языки — в те времена это было революционным. Он также развивал свои теологические идеи и воспитывал наставников, чтобы они продолжали его дело.

Ирэн всегда воспринимала как данность то, что она может читать Библию на английском, но до перевода Уиклифа единственным существующим вариантом Библии была латинская Вульгата блаженного Иеронима. Также Библию запрещалось читать кому-либо, кроме священников. Труды Уиклифа настолько противоречили всему этому, что церковь запретила переводить Библию.

Но Уиклиф был уверен, что очень важно, чтобы христиане могли читать Слово Божие на своем языке. Он верил, что Писание вдохновлено самим Богом и должно быть принято безоговорочно.

Поскольку печатный станок еще не был изобретен, все должно было записываться вручную. Более ста пятидесяти рукописных экземпляров сохранилось спустя шестьсот лет.

Также Уиклиф обучал и отправлял в свет «людей Библии», студентов, которые имели духовный сан, но не имели епископского разрешения. Он велел им не селиться в каких-то конкретных местах, избегать мирских устремлений, но учить Библии. Они

носили длинные красноватые рясы и имели посохи, но были босы. Они распространяли как минимум часть уиклифского перевода и учили людей везде, где могли найти слушателей.

Уиклиф считался лучшим проповедником своего времени. Его проповеди строились на понимании отрывка из Библии, а затем на приложении его к реальной жизни слушателей.

Иисус наградил его венцами славы и похвалы.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Не уверенный в том, что осмелится на какой-нибудь откровенный шаг, капитан Рэйфорд Стил тем не менее ощущал непреодолимое желание увидеть Хэтти Дюрхем прямо сейчас. Он отстегнул ремень и по дороге из рубки похлопал по плечу своего второго пилота.

— Идем на автопилоте, Кристофер, — сказал он, когда молодой человек проснулся и поправил наушники. — Я хочу прогуляться и на рассвет посмотреть.

Кристофер прищурился и облизнул губы.

— Да вроде до рассвета долго еще, капитан.

— Час или два. Я посмотрю, все ли спят.

— Понял. Если кто не спит, скажи, что Крис передает привет.

* * *

Рэйми Стиллу показалось любопытным, что Господь, похоже, следовал какой-то теме, которая разворачивалась как краткий курс церковной истории. Следующим был современник Уиклифа, который также много сделал для перевода Писания. Еще молодым человеком Ян Гус служил в пражских церквях и стал известен как скромный и старательный ученый. Со временем он был рукоположен в священники и назначен настоятелем и проповедником Вифлеемской часовни в Праге.

На Гуса оказали большое влияние труды Уиклифа, и он перевел и распространил многие из его трудов. Поначалу Гус не встречал сопротивления и даже был любимцем своего архиепископа. Однако со временем архиепископу было приказано обличить так называемую ересь Уиклифа и запретить дальнейшую критику духовенства.

Церковь приказала, чтобы все труды Уиклифа были изъяты для исправления. Гус подчинился и публично заявил, что осуждает все имеющиеся там ошибки, но, в конце концов, архиепископ призвал его к ответу за так называемые «уиклифитские склонности», о чем было доложено в Рим.

Труды Уиклифа были изъяты и сожжены, и когда Гус выступил с протестом против этого, он был отлучен от церкви вместе со своими сторонниками. Поскольку он продолжал пропагандировать труды Уикли-

фа, его призвали к ответу перед папой. Его дальнейшая критика церкви и папства привела к изданию папского эдикта, согласно которому он должен был быть взят под стражу, а его Вифлеемская часовня снесена. Чешский король не подчинился эдикту, и в конце 1412 года Гус написал трактат об ошибках церкви и позже разместил его на стенах Вифлеемской часовни.

Из его протестных трудов церковь извлекла цитаты, которые сочли еретическими, и созвала по этому поводу собор в Констанце. Император уговорил Гуса предстать перед собором и защитить свои убеждения. В Констанце он был осужден и сожжен на костре.

Иисус даровал ему венец славы и венец жизни.

* * *

Хэтти Дюрхем была в отличной форме. Она выкладывалась по полной практически каждый день. Но тогда почему от короткого спуска по лестнице в салон первого класса у нее сердце колотилось в горле и она задыхалась? Она знала почему.

Проходя по салону, она увидела симпатичного блондина, который заснул с ноутбуком на коленях под включенным освещением. Она наклонилась над грузным, храпящим мужчиной, от которого разило спиртным, и выключила свет. Когда она поднялась, она

заметила, что франтованный старик прямо перед этими двумя исчез. Его одежда лежала в кресле. К великому облегчению Хэтти, жена старика все еще дремала.

Облегчение? Не смешите. Хэтти смотрела фильм ужасов наяву.

Молодая женщина по другую сторону прохода лихорадочно ощупывала пустые сиденья рядом с ней, крича:

— Билл! Где дети?

Она заметила Хэтти.

— Мэм?

Хэтти подняла руку:

— Сейчас подойду.

И опрометью бросилась в кабину пилотов.

* * *

Следующим из тех, кого Господь восславил за служение Его Слову, был святой XX века, который сделал Писание еще более понятным для масс, переработав его для понимания детей. Его упорный частный труд был в конце концов признан христианскими лидерами, и его пересказ «Живая Библия» разошелся по всему миру.

Ему также выпало немало бед — он фактически потерял голос во второй половине своей жизни. Кен Тейлор получил венцы в награду за свои долгие испытания в деле окормления паствы и завоевания душ.

Его появление перед пламенем и престолом, как показалось Ирэн, открыло шествие бесконечной череды более современных христианских героев — миссионеров, пастырей, проповедников, свидетелей и мучеников. Узнавать их истории и — удивительно — быть способной запомнить все подробности тысяч жизненных повестей было таким потрясающим опытом, что Ирэн лишь случайно возвращалась к вопросу, сколько же времени прошло на Земле. Ей казалось, что она здесь уже год, но по-прежнему не ощущала ни усталости, ни голода, ни ослабления внимания. И если все, что Господь ей уже сказал, оставалось в силе, все это свершилось за какие-то земные мгновения.

* * *

Когда он открыл дверь, Хэтти Дюрхем чуть не врезалась ему головой в живот.

— Можно не стучать, — сказал он. — Иду.

Старшая бортпроводница вытащила его в проход к кухне, но в ее прикосновении не было страсти. Она вцепилась в его руку, словно когтями, ее била дрожь.

— Хэтти...

Она прижала его к стенке кухни. Ее лицо было так близко. Не будь на нем откровенного испуга, ему бы это вполне понравилось, и он обнял бы ее в ответ. Она попыталась за-

говорить, но ее колени подломились, и она тоненько всхлипнула.

— Люди пропадают, — наконец умудрилась прошептать она, уткнувшись головой ему в грудь.

Он схватил ее за плечи и попытался встряхнуть, но она прижалась к нему.

— Что ты хочешь сказать?

Теперь она безудержно рыдала.

— Там целая куча народу пропала, просто пропала!

— Хэтти, это большой самолет. Может, они пошли в туалет или еще куда...

Она притянула его голову к своему лицу так, чтобы говорить прямо ему в ухо. Сквозь всхлипы она старалась как можно внятнее объяснить ему ситуацию.

— Я была везде. Я говорю тебе, несколько десятков человек пропали!

— Хэтти, еще темно. Мы найдем...

— Я не сошла с ума! Да сам посмотри! По всему самолету пропадают люди!

— Они просто шутят. Прячутся, хотят...

— Рэй! Их обувь, носки, одежда — все на месте! Их самих нет!

Хэтти вывернулась из его рук, сползла по стене и, всхлипывая, забилась в угол. Рэйфорду хотелось утешить ее, помочь ей или позвать Криса и пройти с ним по самолету. Но больше всего на свете ему хотелось поверить, что она спятила. Она не стала бы просто так беспокоить его. Очевидно, она действительно была уверена, что люди исчезли.

Ирэн слышала и прежде о Студенческом движении за Христа, но, будучи новичком в вере, она ничего не знала о его истории или основателе. И потому ее восхитила история Билла Брайта, развернувшаяся перед ее глазами, когда его труды вышли из огня грудой золота, серебра и самоцветов.

Доктор Брайт основал эту организацию и более пятидесяти лет был ее главой. Организация стала самой крупной в христианском мире. Он следовал призыву Христа распространять Благую Весть по всему миру и в 1956 году написал буклет под названием «Четыре духовных закона», который разошелся в мире на двух десятках языков и стал самым распространенным религиозным буклетом в истории. Брайт также помог созданию документального фильма «Иисус» — о жизни Христа, который был переведен более чем на девятьсот языков и который посмотрели более 4,5 миллиарда людей в 228 странах. Он стал самым просматриваемым фильмом в истории.

Билл Брайт начал свое служение в колледже, распространяя учение Христа среди одноклассников-студентов по Калифорнийскому университету, что в конце концов вылилось в постоянное занятие и дало начало всемирному Студенческому движению за Христа. Что началось с деятельности в одном кампусе, выросло в движение, затрагиваю-

щее практически все слои общества, включая гетто, правительства, тюрьмы, военных, чиновников, музыкантов, спортсменов и всех остальных.

Ирэн и Рэйми встали вместе с остальными, когда Иисус сказал, что Билл Брайт хорошо потрудились, и обнял его, создав для него венец похвалы — венец завоевателя душ.

И громче всего славил его те, кто оказался на небесах благодаря Студенческому движению за Христа.

* * *

Рэйфорд Стил вошел в салон первого класса, где в предрассветной мгле сидела в полном ошеломлении пожилая дама, держа в руках брюки и свитер супруга.

— Что такое? — бормотала она. — Харольд?

Рэйфорд хотел быть сильным, иметь ответы на все вопросы, подавать пример экипажу, Хэтти. Но когда он спустился в нижний салон, он понял, что оставшиеся часы полета пройдут под знаком хаоса. Он испугался, как и все на борту. Глянув на кресла, он чуть не впал в панику. Он попятился в закуток за переборкой и как следует дал себе по щеке.

Это была не шутка, не фокус, не сон. Творилось что-то жуткое, и бежать было некуда. И без него будет достаточно паники и ужаса.

Он совершенно не был готов к такому повороту событий, а ведь все будут искать помощи именно у него. Но чем он может помочь? Что он должен делать?

Сначала завопил кто-то один, затем другой — люди обнаруживали, что их соседи исчезли, а их одежда осталась. Пассажиры кричали, вскакивали с мест. Хэтти обняла Рэйфорда сзади и так стиснула его, что он чуть не задохнулся.

— Рэйфорд, что творится?

Он разжал ее руки и повернулся к ней.

— Хэтти, слушай меня. Я знаю не больше твоего. Но мы обязаны успокоить пассажиров и приземлиться. Я сейчас сделаю что-то вроде объявления, а ты с прочими бортпроводниками постарайся, чтобы все сидели по местам. Хорошо?

Она кивнула, но по ее лицу было понятно, что ей вовсе не хорошо. Когда он протиснулся мимо нее, чтобы вернуться в кабину, он услышал ее вопль.

«Вот и успокоила пассажиров», — подумал он, оборачиваясь к ней. Она стояла, держа в руках блейзер, в котором оставались рубашка и галстук. Брюки лежали у ее ног. Она возбужденно поднесла блейзер к свету и прочла имя на жетоне.

— Тони! — проскулила она. — Тони исчез!

Рэйфорд вырвал у нее из рук одежду и толкал за переборку. Схватил Хэтти за локти, приподнял ее и утащил подальше с глаз пассажиров.

— Хэтти, до приземления еще несколько часов. Мы не можем лететь с полными салонами обезумевших пассажиров. Я сделаю объявление, но ты обязана выполнять свой долг. Ты способна это сделать?

Она с отсутствующим взглядом кивнула. Он заставил ее смотреть ему в глаза.

— Ты способна? — спросил он.

Она снова кивнула.

— Рэйфорд, мы погибнем?

— Нет, — сказал он. — В этом я уверен.

На самом деле он ни в чем не был уверен. Откуда ему было знать? Он предпочел бы столкнуться с возгоранием двигателя и даже со штопором. Даже падение в океан было бы лучше. Как можно удержать людей от паники среди этого кошмара?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Ирэн прекрасно понимала, что то, что казалось ей прежде проблемой, на небе проблемой не было вовсе. Только когда она пыталась смотреть на вещи с человеческой, приземленной точки зрения, тогда она могла оценить разницу в своем новом восприятии. Например, идея сидеть — притом, что вес не ощущался — в доме Бога, где было еще около двадцати миллиардов людей (и это только в зале собраний на нижнем этаже), была настолько нелепой для простого, непреработанного человеческого ума, что она лишь головой покачала.

Представляю, что было бы, если бы ее кто-то пригласил на такое мероприятие. Будь у нее прежде возможность попасть на концерт ее любимого исполнителя, одна мысль о толпе в десять тысяч человек заставила бы ее скорее послушать его на CD или DVD.

Конечно, если бы ей довелось пойти куда-нибудь посмотреть на Иисуса, хоть издали, она пошла бы. Но находиться целые дни в толпе, такой огромной, что даже конца ее не видно, эта мысль просто не привлекала ее.

Но каким-то образом здесь это получалось. Ирэн была так счастлива, что никак не могла перестать улыбаться. Хотя толпа была просто чудовищна, она не ощущала себя потерянной или тесно зажатой, как на окружной ярмарке. Все здесь собрались ради одного и того же, и это духовное родство пронизывало все их естество. Здесь не было понятия прямой видимости, проблем со слышимостью, да и сама мысль о том, что Господь может быть ограничен в Своей способности сделать все четким и ясным для всех и сразу, даже не приходила Ирэн в голову.

Но, однако, сейчас ей пришла в голову мысль о зрелищности. Ничто из прежней своей жизни не шло в сравнение с этим личным, один на один, общением с Богом, когда в то же время ты можешь слышать и видеть все — даже жизненные истории, испытание и награды.

Казалось, что все это происходит одновременно, и несмотря на то, что она была свидетельницей того, как тысячи людей предстали перед Иисусом, прошли испытание и получили благословение, Ирэн помнила все подробности до единой. Ее земной разум был бы вынужден расписывать всех по

категориям, сравнивать, выделять фаворитов. Но каким-то образом история каждого и каждой казалась ей бесконечно восхитительной. И именно этой бесконечности она желала. Если все это продлится вечность, то она будет более чем довольна этим. Это было сродни чтению книги, столь захватывающей, что не хочется, чтобы она кончалась.

Ирэн и Рэйми с радостью смотрели, как высокая, красивая женщина бежит, прыгает, танцует, летя к алтарю, вознося Господу хвалу и распевая. Несчастный случай — после неудачного прыжка в воду еще в подростковом возрасте — привел к параличу всех ее конечностей. Остаток жизни она провела в инвалидном кресле.

История Джони Эриксон Тада разворачивалась на сцене внутреннего театра Ирэн. Ее потрясли первоначальное отчаяние и опустошенность красивой молодой спортсменки, художницы и наездницы, которая так жестоко лишилась всего. Ее веселая, любящая семья из-за этой трагедии полностью изменилась. Сама Джони — хотя она и верила в Христа — должна была постоянно бороться с депрессией, осознав, что на всю жизнь будет зависеть от других даже в самых необходимых вещах.

Ирэн была восхищена тем, какую роль сыграли в жизни Джони ее друзья, которые постепенно отвлекли ее от мыслей о смерти и стремления уйти от реальности и закрыться в себе. Это не было чудесное превраще-

ние, но постепенный путь к полной зависимости от Господа. Жизнь Джони не стала легче, и она никогда бы не предпочла свою беспомощность здоровью. Но она дошла до момента, когда полностью предала себя Спасителю и посвятила себя другим людям.

Несмотря на инвалидное кресло, Джони стала изучать Слово Божие, история ее жизни стала бестселлером и фильмом, она пела и записывалась — однако, ей нужна была помощь в поддержке дыхания, чтобы долго держать высокие ноты, — научилась рисовать пером и писать кистью, держа их в зубах, и стала выдающимся диктором. В конце концов, она создала организацию «Джони и друзья», нацеленную на ускоренное распространение христианства среди инвалидов.

Труды Джони были испытаны пламенем, и Иисус даровал ей венец жизни. И когда Иисус обнял ее и сказал «Ты славно потрудились», случилось неожиданное. Иисус вернул ей одну из радостей ее юности, сотворив для нее белого скакуна.

* * *

Кэмерон Уильямс резко проснулся, когда пожилая дама, сидевшая прямо перед ним, окликнула пилота. Пилот прошептал, чтобы она говорила потише, и тогда она оберну-

лась к Бизону. Тот провел рукой по длинным светлым волосам и изобразил улыбку.

— В чем дело, мэм?

— Мой Харольд! — сказала она.

Бизон при посадке в самолет помогал старику укладывать в багажное отделение над креслом шерстяной пиджак «в елочку» и фетровую шляпу. Харольд был невысоким юрким старичком в дешевых мокасинах, коричневых свободных брюках и песочно-го цвета вязаном жилете поверх рубашки и галстука. Он начинал лысеть, и Бизон подумал, что, когда включат кондиционер, ему наверняка захочется надеть шляпу.

— Ему что-то нужно?

— Он исчез!

— Извините?

— Он пропал!

— Наверное, он просто в туалет ушел, пока вы спали.

— Не будете ли вы так добры проверить? И возьмите одеяло.

— Мэм?

— Я боюсь, он ушел туда нагишом. Он религиозный человек и будет очень смущен.

Бизон подавил улыбку, увидев несчастное лицо женщины. Он перебрался через заснувшего менеджера, который явно переусердствовал с бесплатным алкоголем, и наклонился, чтобы взять у женщины одеяло. Действительно, одежда Харольда была сложена аккуратной стопкой на кресле, а поверх всего лежали его очки и слуховой ап-

парат. Штанины свисали вниз, к туфлям и носкам.

«Что за ерунда, — подумал Бизон. — С чего это такая щепетильность?»

Он припомнил институтского приятеля, страдавшего какой-то формой эпилепсии, из-за чего он периодически отключался, хотя казался совершенно нормальным. Он мог прилюдно снять туфли и носки или выйти из туалета с расстегнутой ширинкой.

— Скажите, а ваш муж не страдает эпилепсией?

— Нет.

— Лунатизмом?

— Нет.

— Я сейчас вернусь.

* * *

Рэйми Стил посещал проповеди пастора Биллингза, в которых тот пытался подготовить паству к тому, что они испытают в вечности. Однако он должен был признать, что для его двенадцатилетнего сознания все это казалось чересчур абстрактным и отстраненным. Но быть здесь, переживать все это — теперь это обрело смысл. Конечно, теперь у него был новый разум, взрослый разум, но весь этот волшебный шквал чувств заставил все сойтись вместе.

Если Рэйми и сожалел о чем, так это о том, что возводил в герои спортсменов,

актеров телесериалов и кино. Людей, знаменитых из-за их славы. Рэйми и не знал, сколько на свете героев веры и что столько драгоценного чтения он упустил. Если бы только знать!

Надо признаться, что большинство людей, которые сейчас представляли перед всеми, не были знаменитыми и при их земной жизни никто ничего о них не писал. Много было домохозяек и мужчин, которые посвятили свою жизнь семье и любимым, которые тратили время, труд и порой деньги на помощь вдовам и сиротам. Естественно, Господь не упустил никого из них. Каждый из отверженных, которым они служили, сказал Иисус, на самом деле представляли Его. Он пояснил, что каждый раз, когда они кормили, одевали или каким-то другим образом помогали «малым сим», она или он делали это ради Иисуса.

Пастор Биллингз часто говаривал, что самая большая ошибка христианина — особенно тех, кто был увлечен идеей Второго пришествия Христа, — презирать мир.

— То, что вы можете быть спасены до времени Скорби, не означает, что пора распродать все имущество и засесть на вершине горы, ожидая, когда за вами придет колесница. Если вы действительно верите в возвращение Христа и в то, что он может прийти скоро, вы должны вершить Его труд. И куда важнее заботиться о вдовах и сиротах, чем высчитывать сроки, вычислять Антихриста, ждать журавля в небе и все такое.

Когда труды неизвестных святых испытывались пламенем, казалось, что оно взметнулось вверх — не потому, что было слишком много пустого, сгоравшего, как солома, но потому, что в жару пламени искрились и переливались золото, серебро и драгоценные камни. И казалось, что величайшие награды и самые громкие аплодисменты доставались «последним», которые представляли пред этим судом первыми и получали высшие награды.

Но все равно высшим восторгом было слушать истории героев и видеть, как Иисус вознаграждает их за труды. Но Рэйми подумал, что, наверное, из-за того, что им воздали должное еще при жизни, они идут в последнюю очередь.

Одним из таких, тем, чья слава пережила его на Земле, был человек по имени Дуайт Лиман Муди. Как же Рэйми любил читать о нем прежде и как же ему не терпелось поговорить с ним! Сама мысль о том, что время никогда не кончится и что он сможет пообщаться здесь со всеми, была понятна лишь его новому разуму.

Муди был одним из наиболее активных инициаторов служения Господу. Он умер на самом рубеже XX столетия, стало быть, до распространения автомобильного транспорта, но все же он прошел более миллиона миль, говорил со множеством людей и — на человеческом уровне — благодаря ему многие пришли к спасению через веру в Иисуса Христа. Мно-

гие считали его величайшим проповедником после апостола Павла и предтечей таких гигантов, как Билли Санди и Билли Грэм.

И Авраам Линкольн, и Улисс Х. Грант — оба посещали его религиозные бдения. Однажды, когда он проповедовал на Всемирной выставке в Чикаго, за один день его собрались послушать более 125 тысяч человек.

Муди стал настолько знаменит, что начал путешествовать за пределы страны с проповедями. Некоторые говорят, что он был известен не меньше, чем президент США. Некоторое время его родной город Нортфилд в штате Массачусетс считался самым знаменитым городом мира.

Труды Д.Л. Муди засияли в пламени, и он был увенчан венцом славы — за окормление паствы, венцом праведности — за «любовь к Его пришествию» и похвалы — за завоевание душ.

* * *

Туалет салона первого класса был свободен, но когда Бизон направился к трапу, в проходе стояли несколько пассажиров.

— Извините, — сказал он, — я ищу одного человека.

— А кто никого не ищет? — спросила женщина.

Бизон протиснулся мимо них и обнаружил очереди в туалеты в бизнес- и эконом-классах. Мимо него, не говоря ни слова, прошел пилот, а вскоре Бизон наткнулся на старшую бортпроводницу.

— Сэр, я вынуждена просить вас вернуться на свое место и пристегнуться.

— Я ищу...

— Все кого-нибудь ищут, — сказала она.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Когда настала пора для испытания пламенем трудов Ирэн, ей показалось, что она вернулась в прежнее свое земное бытие. Испуганная, взвинченная, она была на грани срыва. Но когда она подумала, правда ли все это и есть ли место неуюту в доме Господа, Он сам заговорил с ней в ее сердце.

— Твой сын будет с тобой, — сказал Он. — А Я с тобой всегда, отныне и навеки. Помни — только от того, кому много дано, много и спросится. Ты была Моей только недолгое время, и хотя многое пустое сгорит в огне, ты выкуплена тем временем, что служила Мне.

Успокоенная этими словами, вместе с Рэйми Ирэн встала в длинную очередь. Она смотрела, слушала, переживала вместе с остальными их испытание и радовалась наградам, в то время как их истории проходили перед ее внутренним взором. А что осталь-

ные скажут о ней? Она всегда считала себя никем, серой мышкой со Среднего Запада, которая встретила в колледже любовь всей своей жизни, а затем он отдалился от нее из-за того, что она пошла за Христом. Что тут рассказывать? Просто факты биографии.

Однако, когда Ирэн приблизилась к алтарю, ее охватила благодарность Иисусу и снова накрыла волна ощущения, что она недостойна даже находиться в Его присутствии. Хотя она и понимала, что Рэйми рядом, в этот момент он ничего не значил. Она упала ниц и услышала шум пламени, в то время как ее жизнь с момента встречи с Джеки, которая привела ее к Христу, уходила в огонь.

Ее собственная жизнь промелькнула перед ее глазами, словно спроецированная на экран перед всеми, и она увидела ее в новом свете, словно в первый раз. Ирэн видела себя глазами Бога. Она никогда прежде не считала себя привлекательной, как существо желанное и дорогое. Но воспитанная армией соплячка, которая промелькнула в быстрых сценах, та маленькая девочка, которую Ирэн всегда считала разболтанной и эгоистичной — потому, что ей постоянно об этом говорили, — имела и другую сторону личности. Утраченную. Она давно была утрачена, но Ирэн даже и не знала этого. Да и откуда ей было знать?

Ирэн увидела свою юную версию как заблудшую, бедствующую, жаждущую, ищущую, по мере взросления которой ее другая сторона лишь усугублялась. Ей напомнили о

ее разговорах в начальной и средней школе с другими девочками, которые хотели говорить только о мальчиках. И все же Ирэн уже начала задаваться вопросами о жизни, истине и желала видеть большую картину.

Ирэн уж и не помнила этих дней, тем более не задавалась вопросом, чего же она действительно хотела. Но теперь это стало таким понятным. Она искала Бога. Искала любви. Искала причастности. Цели. Ощущения семьи. С бойфрендами такого не получалось. Переезды только усугубляли проблемы. Ситуация была такой, словно у нее не было выбора, кроме как запасть на симпатичного спортсмена и будущего пилота, который запал на нее.

Но то, что она по-настоящему искала в этом мужчине, она могла найти только в Боге. Она отдала браку и детям все, что у нее было, но в душе ее по-прежнему была пустота, она по-прежнему чего-то искала, но пустоту в своей жизни она не могла заполнить ничем.

Потупив взгляд и ощущая всем телом жар пламени, Ирэн съежилась от страха за дерево, солому и прах своих потраченных впустую часов, обращавшихся в пепел. Она не знала — вот все, что она могла сказать в оправдание. Ее грехи были сняты с нее, но теперь ей хотелось вернуть каждый день, который она прожила как дитя Господа. Как бы сейчас она тратила каждую минуту!

Время, которое ушло на чтение, учение, труды, обсуждение важных вещей, размышления, заботу о людях и молитвы, было вос-

славлено. Но все это время было не обязательно христианским или даже религиозным. Впустую ушло время, которое она посвящала только себе — не ради отдыха, выздоровления или перезарядки, а ради мелочей, которые заполняли большую часть ее жизни и о чем она теперь так горько сожалела.

И все же — что это? Не всю ее жизнь поглотило пламя. Она подняла лицо и увидела радугу, исходящую из пламени. Перед глазами Ирэн развернулись образы женщины молящейся, которую она едва узнавала, женщины, читающей Библию, учащейся, работающей волонтером продуктового банка¹, собирающей одежду для бедных, воспитательницы воскресной школы, посещающей церковь и занятия по изучению Библии, молящейся за то, чтобы принять Христа, ученицы Джеки и, наконец, той, что привела Рэйми к Иисусу.

Пламя угасло, оставив после себя пепел пустых дней и золото, серебро и самоцветы добрых дел. Она понимала, что к ее спасению они никакого отношения не имеют, что они порождены ее благодарностью за принятый ею дар. Но ныне перед ней стоял Иисус, сошедший с престола и раскрывший ей объятия, снова приветствовавший ее.

А вокруг люди радостно кричали и хлопали в ладоши, и Ирэн вновь ощутила себя любимой, защищенной и исцелившейся.

¹ Некоммерческая организация, занимающаяся сбором продуктов для людей, живущих за чертой бедности.

Иисус обнял ее и сказал:

— Ты славно потрудилась, добрая и верная служительница. Тебе принадлежит венец праведности за то, что ты возлюбила Меня и ждала Моего возвращения. И венец похвалы надлежит тебе за то, что завоевала душу своего сына для Моего Царства.

* * *

Стюардесса с именем Хэтти на бейдже подтолкнула Бизона назад, к трапу, затем проскользнула мимо него и взбежала наверх, шагая через две ступеньки.

Посередине трапа Бизон оглянулся и окинул взглядом всю сцену. Стояла, черт побери, глухая ночь, и когда вдруг включили свет в салонах, его пробрала дрожь. По всему самолету люди хватали пустую одежду, ахали или кричали, что кто-то пропал.

Бизон ощутил тот же самый ужас, что и в Израиле чуть больше года назад, когда он ожидал смерти. Что он скажет жене Харольда? Вы не одна такая? От многих осталась только одежда на кресле?

Он поспешил назад, к своему сиденью, по дороге роясь в памяти насчет всего, что ему довелось читать, видеть или слышать о какой-нибудь технологии, при помощи которой можно сделать так, чтобы человек исчез из закрытого помещения, оставив после себя одежду. Если кто-то это сделал, то где

он скрывается на этом самолете? Последует ли еще одна волна исчезновений? Станет ли он очередной жертвой? Где он окажется?

* * *

Рэйми недолго стоял перед пламенем испытания и престолом, поскольку он недолго был верующим. Но тем не менее он был охвачен восторгом от того, что сам Иисус приглашал его в вечность. И он должен был согласиться с матерью, что увидеть собственную жизнь глазами Бога — это полностью меняет собственный взгляд на прежнюю свою личность.

Как же здорово было видеть, как получали свою награду Джереми и его родители, Джеки с мужем и в особенности пастор Биллингз! Пастора в особенности хвалили за его предусмотрительность — он оставил запись, которую обнаружили те, кто остался на Земле. В ней объяснялось, что произошло, и рассказывалось, как оставшиеся по-прежнему могут еще прийти к Христу.

* * *

Когда он перебирался через заснувшего соседа, чтобы попасть на свое место, страх висел во всем салоне буквально ощутимо.

Он встал и перегнулся через спинку переднего кресла.

— Похоже, исчез не только ваш супруг, — сказал он пожилой даме. Она посмотрела на него с таким же недоумением и страхом, которые переполняли и самого Бизона.

Бизон видел, как из кабины вылетел второй пилот, с непокрытой головой и весь красный. Он пробежал по проходу, стреляя глазами из стороны в сторону, проверяя кресла.

Сосед Бизона проснулся, слюняво примокнул, когда бортпроводница спросила, не пропал ли кто из его группы.

— Пропал? Да никто не пропал. Да и со мной нет никого, кроме меня самого.

Он снова свернулся в кресле и спокойно уснул.

* * *

Уильям Фрэнклин Грэм был, видимо, наиболее известным христианином XX и начала XXI века. С того момента, когда он стал истинно верующим, Билли Грэм преданно служил Христу, активно распространяя Его веру среди других людей.

Его палаточная проповедь в Лос-Анджелесе в сентябре 1949 года должна была продлиться три недели, но молодой страстный проповедник оказался настолько убедителен, что акция продлилась восемь недель, и в

результате к вере пришли несколько знаменитых и высокопоставленных людей.

С этого момента Билли Грэм начал проводить массовые проповеднические кампании по всем Соединенным Штатам и Европе на крупнейших стадионах и аренах мира, которые набивались битком. Вскоре он стал доверенным лицом многих глав правительств, всегда охотно делясь своей личной верой. Перед какими бы СМИ он ни выступал — на телевидении в ток-шоу или даже на эстрадном шоу, мистер Грэм всегда находил способ донести Благую Весть.

Всю свою жизнь, все время своего служения мистер Грэм сталкивался с противодействием, зачастую со стороны церкви, а также страдал от множества физических недугов, включая болезнь Паркинсона, отека мозга, пневмонии, перелома бедра и рака простаты. Но вопреки всему он продолжал утверждать, что Иисус — единственный путь к Богу и что для спасения мужчины и женщины должны раскаяться в своих грехах.

Ирэн особенно приятно было видеть те эпизоды из жизни Грэма, которые показывали его любовь к Христу. Она «смотрела», как мистер Грэм лежит у себя дома, страдая от перелома бедра, а доктор делает ему инъекцию прямо в сломанную кость. Он говорит мистеру Грэму: «Будет очень больно. Представьте себе, что вы где-то в другом месте — где-нибудь в Шангри-Ла». Ирэн предполагала, что мистер Грэм представит себя где-нибудь на небесах, но тот ответил:

«Нет, я нигде не хотел бы сейчас оказаться, кроме как здесь». — «Да вы что? — сказал доктор. — Я же сказал вам, что будет больно». — «Я верю, что на все Господня воля и что раз Он пожелал, чтобы я был здесь, то и я хочу здесь остаться».

Труды Билли Грэма остались грудой драгоценных металлов и камней, из которых Иисус создал венец жизни — за все страдания, которые тот перенес, венец славы — за то, что он обучил и выпестовал столько верующих за десятилетия своей жизни, венец праведности — за его частое упоминание о Втором пришествии Христа и, конечно, венец похвалы — за то, что завоевал столько душ для Царства, больше, чем кто бы то ни было из живших на Земле.

Когда мистер Грэм отошел от престола, и к нему приблизилась небольшая группа мужчин и женщин, и перед всеми начала разворачиваться их история, Ирэн глянула на Рэйми. Что-то говорило ей, что для него это будет самым захватывающим из всего прочего.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Через пару минут после того, как второй пилот Кристофер Смит покинул кабину, Рэйфорд услышал условный стук в дверь, и она распахнулась. Крис рухнул в кресло, забыв пристегнуть пояс, и обхватил голову руками.

— Что творится, Рэй? — воскликнул он. — Мы потеряли больше сотни пассажиров! От людей одна одежда осталась!

— Так много?

— Как будто потеряй мы полсотни, было бы легче! Как мы все это объяснять-то будем?

Рэйфорд покачал головой, все еще пытаюсь связаться по радио хоть с кем-нибудь, хоть в Гренландии, хоть в Исландии. Они зависли в каком-то нигде. Но все пункты связи были слишком далеко, чтобы поймать хоть какую-нибудь радиостанцию и услышать новости. Наконец, ему удалось связаться с француз-

ским самолетом, идущим встречным курсом в нескольких милях впереди. Он кивком приказал Кристоферу надеть наушники.

— У вас хватит топлива, чтобы вернуться в Штаты? — спросил Рэйфорда пилот.

Он глянул на Кристофера, который шепотом сказал:

— Мы на полпути.

— Я могу развернуться и направиться в аэропорт Кеннеди.

— Забудьте, — последовал ответ. — Нью-Йорк не принимает. Две полосы еще открыты в Чикаго. Туда мы и идем.

— Мы летим из Чикаго, — сказал Рэйфорд. — Я могу сесть в Хитроу?

— Нет. Аэропорт закрыт.

— В Париже?

— Парни, возвращайтесь откуда прибыли. Мы вылетели из Орли час назад, узнали, что творится, и получили приказ идти напрямиком в Чикаго.

— И что же творится?

— Если вы не знаете, то какого черта даете сигнал о помощи?

— У меня на борту такая ситуация, что и говорить не хочется, — сказал Рэйфорд.

— Ну, приятель, это по всему миру творится, ты не знал, что ли?

— Нет, не знал, — ответил Рэйфорд. — Расскажи.

— У вас пассажиры пропадают, верно?

— Верно. Больше сотни.

— Нифига себе! У нас около пятидесяти как не бывало.

— И что ты думаешь? Что ты намерен сказать пассажирам?

— Понятия не имею. А ты?

— Правду, — ответил Рэйфорд.

— Да, хуже уже не станет. Но в чем правда-то? Что мы об этом знаем?

— Ни черта.

— Хорошо сказано, «Пан-Континентал». Знаешь, что люди говорят? Прием.

— Прием, — ответил Роджер. — Лучше, чтобы люди и правда попадали прямиком на небо, чем какие-нибудь вполне земные силы уничтожали их какими-нибудь чертовыми лучами.

* * *

Почему эти двадцать человек подошли к алтарю и престолу вместе, Рэйми понятия не имел, пока перед театром его внутреннего зрения не начала разворачиваться их единственная в своем роде история. Его словно перенесли в другое столетие, он вдыхал тот воздух, воспринимал виды, слышал звуки, запахи, ощущал тепло и холод, испытывал надежды и страхи людей иного поколения.

Рэйми вскоре понял, что эти двадцать человек, включая пятерых миссионеров и их семьи, погибли мученической смертью. Рэйми — и он знал, что такое испытывают все в доме Господа — следовал за Джимом Эллиотом, Натом Сэйнтон, Питом Флемингом,

Эдом Мак-Калли и Роджером Юдерианом в джунгли Эквадора в январе 1956 года после того, как их маленький самолет приземлился на крохотном пятачке земли на территории жестокого племени ваодани.

Все они осознавали опасность. Джим Эллиот сказал своей жене Элизабет, что если Господь этого хочет, то он готов умереть ради спасения ваодани.

Поначалу встреча казалась дружественной. Миссионеры смогли уговорить одного из первых встреченных ими ваодани зайти в их самолет, и Нат пролетел вместе с ним над людьми его племени, которые махали руками и улыбались, когда тот махал им сверху. Когда они приземлились, ваодани выскочил, хлопая в ладоши и улыбаясь.

Но затем самолет Ната был найден на берегу, весь ободранный. Рядом не было ни следа живой души — ни белых, ни ваодани. Когда американским военным сообщили, что миссионеры пропали, эта новость быстро распространилась по миру.

После поисков трупы миссионеров были обнаружены в реке. Их закололи копьями. Фотограф журнала «Лайф» прибыл как раз в тот момент, когда поисковая партия хоронила последний труп. Это массовое убийство стало самой громкой историей миссионерства в 1900-х.

Теперь пятеро миссионеров преклонили колена перед алтарем, а затем были призваны к престолу. Иисус воздал хвалу им и их семьям, которые продолжили труды на бла-

го христианства, несмотря на свою скорбь и потери. Гневный протест по всему миру прозвучал и от тех, кто считал, что они погибли напрасно. Но их смерть вызвала самый большой приток миссионеров в мире, какой только был прежде.

После гибели миссионеров члены их семей пришли к ваодани, и их дети играли с детьми людей, убивших их отцов.

Сначала один, потом еще шестеро убийц уверовали в Христа. «Кровь Иисуса омыла мое сердце, — сказал один из них Рэйчел, сестре Ната. — Мое сердце исцелилось». Скоро уверовали и остальные пятеро убийц.

Пятеро миссионеров погибли не напрасно. Тысячи людей, услышавших повесть об их жизни, пришли к вере и посвятили свои жизни миссионерству. Дом Божий наполнился эхом от криков миллиардов людей, которые радовались венцам мученичества миссионеров.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Кристофер Смит считал себя хорошим парнем, и ему нравилось быть таким в глазах коллег и пассажиров. Он не был похож на Рэйфорда Стила и сам это знал. У Стила жизнь удалась. Чудесная жена, прекрасная семья.

Крис знал, что люди и о нем так же думают, даже хотя он честно считал, что на его жену нечего особенно любоваться, да и сам он тоже не ахти. Он был хрупким, некоторые сказали бы, что он выглядит как слабак. У него не было такой великолепной осанки, как у высокого, в шесть футов четыре дюйма ростом, Стила, смуглого и красивого. Однако и у Криса были свои плюсы, и в этом была проблема. Это был его грязный секрет. Или часть его.

Он был «ботаником», никогда не был спортсменом, о популярности и говорить нечего.

Потому он погрузился в учебу. У него были склонности к точным наукам, и он решил, что самый короткий путь к хорошим деньгам и уважению, которых он добивался, будет авиация. Откуда Крису было знать, что эти достижения и униформа откроют перед ним возможности, о которых он лишь мечтал?

Он женился на другой «ботаничке» и как минимум понимал, что не надо говорить ей о том, что считает, будто ее романтические перспективы не лучше, чем у него. Симпатичной ее, кроме собственных родителей, никто не считал, и Кристофер представить не мог, чтобы даже они считали ее такой с тех пор, как ее возраст перевалил за десять лет. Даже имя у нее было бесцветное. Джейн. Просто Джейн.

Но от чего Крису было действительно плохо, так это от того, что, несмотря на свою неказистую внешность и резкий голос, от которого его корбило даже после шестнадцати лет брака, Джейн оказалась действительно хорошим другом и хорошей женой. Она была расторопной, трудолюбивой, ему казалось, что она заботится о нем и он ей небезразличен, хотя сам он много лет как бросил притворяться любящим мужем.

Он просто хотел большего, чем мог достичь, и некрасивая жена здесь была совершенно не в кассу. Крис знал, что даже права мечтать о красоте не имеет, но как только он обнаружил, что некоторые из стюардесс и даже одиноких пассажиров подпадали под

очарование его положения и униформы, все его брачные клятвы улетучились.

Девушка в каждом аэропорту? Конечно. И кому из них он был небезразличен? Только одной, судя по всему, и он обращался с ней так же небрежно, как с Джейн. Крис давно перестал надеяться, что хоть какая-нибудь из симпатичных девушек будет считать его чем-то большим, чем лекарством от собственного одиночества, или будет ценить не за подарки, привезенные откуда-нибудь из дальних рейсов. Эти тайные связи заставляли его чувствовать себя жалким и вгоняли в депрессию, но не настолько, чтобы все это бросить. На самом деле он совершил чудовищную ошибку с той женщиной, которой, как ему показалось, он был действительно небезразличен. Он и на ней женился — под другим именем. Крис вел двойную жизнь.

То, что должно было бы быть непростым, он считал плевым делом. Его вторая жена считала его пилотом международного грузового самолета, который уходил в рейс на долгие дни и недели.

Когда его сыновья достигли подросткового возраста и начали иметь собственное мнение, свидания Криса — тайные и недолгие, не имеющие будущего — стали единственным, ради чего ему оставалось жить. Двоеженство было просто ради удобства, и это недорого стоило.

Теперь, когда он сидел, ошарашенный, в кабине пилота в разгар какого-то космиче-

ского феномена, как в сериях «Сумеречной зоны», который ударил не только по их со Стилом самолету, но, похоже, по всем самолетам в мире и всем странам, страх и ужас парализовали Кристофера Стила. Не особенно утешали какие-то религиозные объяснения, о которых говорил капитан. Все это напомнило ему о сыновьях.

Эти мальчики некогда были радостью всей его жизни. В старших классах оба стали нарушителями спокойствия. Криса постоянно вызывали в школу после каждой очередной выходки. С одной стороны, ему нравилось, что они независимо мыслят, но ему не нравилось, как это влияет на их оценки и репутацию. Его репутацию.

Но хуже всего было то, что с ними случилось не так давно. Они нашли себе религию. Один из их друзей пригласил их на какое-то церковное мероприятие, и хотя они и там набедокурили, оба в прошлом году внезапно решили, что хотят поехать в летний лагерь с этой же самой компанией. Крис и Джейн не возражали, хотя это стоило им кое-каких денег. Может, дети чему-то да научатся. Может, нет. Но, по крайней мере, пару недель они не будут путаться под ногами.

Ну и случилось худшее. Они вернулись законченными святошами. По-другому это нельзя было назвать. Теперь они ходили в церковь, мало того, они считали, что все на свете — включая Криса и Джейн — тоже должны это делать. Но Крис-то знал что да

как. К счастью, его жена тоже. Им обоим хватило выше крыши религии в детстве, и они надеялись, что ребята вырастут и бросят это дело.

Но не тут-то было. Прошло уже девять месяцев, а дело стало еще хуже. Они таскали Библию с собой в школу. Их стали называть церковными детьми. Их оценки снова поползли вверх. Это было хорошо, но какой ценой!

Черт, думал Крис, ужасной ценой! Теперь он был летчиком компании «Пан-Континентал», обремененным долгим тягостным браком с некрасивой женой, двумя детьми-христианами и чувством вины от тайной жизни, в которой была другая жена. Но почему ему было так плохо, хотя ни на какую мораль он не претендовал? Он не понимал. Он просто знал, что на стороне делает что-то такое, что Джейн — несмотря на всю ее недалекость и слабости — никогда бы в его отношении не сделала и что она не заслуживает такого обращения.

Странно, что в этот момент кризиса он едва подумал о своей жене номер два, а стал беспокоиться о своей настоящей семье. Мальчики должны были вечером пойти на какое-то церковное мероприятие, и по окончании его Джейн должна была их забрать. Если эти исчезновения накрыли весь мир одновременно, они могли угодить в самое пекло.

* * *

Когда какая-то женщина преклонила колени перед алтарем и пламенем, Иисус встал, и картины жизни этой женщины начали разворачиваться перед внутренним взором Ирэн. Она заметила, что Рэйми потрясен не меньше ее.

Сначала Ирэн видела, как эта женщина, родом явно из первого столетия, хоронит своего супруга. Затем она перебирается из уютного дома в заднюю комнатку хибарки, в которой уже ютились две семьи, и им не было дела до этой женщины. Ирэн видела, как женщина идет в храм Иерусалима и молится.

Женщина питалась колосками, которые подбирала на полях по дороге в богатый дом, где убиралась. Она прежде жила в той округе. Часто она останавливалась помолиться. В конце каждой недели богатый домовладелец вкладывал в ее руку монетку.

Сейчас женщина снова была в храме. Стояла она позади богатых людей, которые щедро, напоказ, бросали монеты в ящики для сбора пожертвований. На заднем фоне Ирэн увидела Иисуса, который сидел напротив такого ящика.

Когда труды женщины были испытаны пламенем и превратились в драгоценные металлы и камни, Иисус сказал:

— И многие богатые клали много. Придя же, одна бедная вдова положила две лепты —

самая мелка римская монета, — что составляет кодрант. Подозвав учеников Своих, Я сказал им: истинно говорю вам, что эта бедная вдова положила больше всех, клавших в сокровищницу, ибо все клали от избытка своего, а она от скудости своей положила всё, что имела, всё пропитание свое¹.

* * *

Крис Смит не разговаривал — по-настоящему не разговаривал — со своими мальчиками уже много лет. Да, они орали друг на друга, он грозил им, укорял, наказывал. У них был полный набор демонстративного равнодушия, хлопанья дверьми, прозвищ и ультиматумов. Но, в конце концов, незадолго до того, как мальчики увлеклись этой устаревшей религией, Крис сдался. Он сам в этом возрасте был не подарок, посмотрим, как все обернется. Да, просто посмотрим.

Хотел ли он, чтобы они стали таким же, как отец? Бесчестным, лживым, скользким типом? Двоеженцем? Крис понимал, что, несмотря на то что он делал или говорил, не был для них примером и они, будут делать то, что хотят, и идти своим путем.

Но ему было любопытно — а вдруг это что бы там ни было действительно связано с религией? Деяние Бога? А если так, то

¹ Евангелие от Марка, 12:41—44.

что это значит? Мальчики могут знать? Они ведь вроде искренне увлеклись церковью, они были сообразительными, но достаточно ли много знают о том, что творится сейчас? Крису нестерпимо захотелось поговорить с ними, узнать, что они насчет всего этого думают.

А еще у него начался кризис совести. В реальной жизни ничто не могло его понастоящему зацепить. Для Криса новости были просто новостями, чем-то, что случается с кем-то другим. Но сейчас он был вторым человеком в самолете, в котором пропала треть пассажиров. Это вам не новости по телевизору, о которых можно потрепаться с приятелями за покером.

Что еще хуже, когда ранним утром по центральному времени «Боинг-747» развернулся по огромной дуге, и он ввел координаты аэропорта О'Хара, Рэйфорд попросил его порыскать по радиочастотам — вдруг поймает какую-нибудь новостную передачу. Для этого они находились в наиболее неудачной точке в мире, но вскоре они войдут в зону радиовещания Гренландии и Канады и даже Восточного побережья США. Если это и правда глобальный феномен, то Крис даже и представить себе не мог, как будут звучать эти новости.

Новые эмоции накатили на него, когда он метался по частотам. Капитан Стил был занят и не спрашивал, как продвигается поиск, видимо, считая, что, как только Крис что-то найдет, он скажет Рэйфорду. Но когда Крис

в течение нескольких минут слышал только треск статических разрядов, мысли его стали течь в ту сторону, куда ему вовсе не хотелось. Что же это за природная катастрофа, которая заставляет каждого заглянуть себе в душу?

За исключением осознания того, что его личные связи — и, конечно, второй брак — не те вещи, которые надо было бы знать Джейн и особенно мальчикам, — у Кристофера редко бывали проблемы с совестью. В его жизни было много такого, чем он не стал бы публично хвастаться, так что он редко об этом задумывался.

Сейчас это не помогало. Черное облако опустилось на Криса Смита, и он не мог выбраться из него. Что же он за тварь такая? Какими бы ни были недостатки его жены, Джейн была хорошей женщиной, куда более хорошей, чем он заслуживал. Она даже бывала милой. И она служила ему.

Вина. Вот что ощущал Крис. С одной стороны, он был благодарен, что она всегда была заботлива и не знала, что он вытворял в рейсе. Это ведь было для него слишком, не так ли, подумать о ее чувствах? Он всегда так и говорил себе — он заслужил эти тайные удовольствия, но он достаточно заботлив, чтобы не делать больно жене и не расстраивать ее. Разве это не оправдание?

Конечно, нет, и он всегда это понимал. Он скрывал все это ради себя, но теперь этот сумасшедший всемирный кошмар заставил его сфокусироваться на собственном «я»,

перестать прятаться за собственными отговорками. Он ощущал себя сволочью, какой и был на самом деле.

Крис помотал головой и попытался отгородиться от этих мыслей и чувств, сосредоточившись на своей задаче. Но это не высшая математика — он переключал частоты, надеясь поймать сигнал достаточно сильный, чтобы послушать новости. Он такое и во сне мог бы сделать, и черта с два этим отвлечешься.

Он должен был признать, что глобальная катастрофа становилась личной. Крису отчаянно хотелось поговорить с женой, но он понимал, что еще очень не скоро они попадут в зону, где можно будет позвонить с борта на землю, скорее, они поймут обрывки каких-то новостей.

Кристофера просто трясло. Наверное, это всем видно. Что же он будет делать, если что-то случилось с Джейн? А с мальчиками? Пусть они раздражают его, пусть достают, но на него вдруг обрушилось осознание, что они — его плоть и кровь, его жизнь, его сердце. Что это? Любовь? Он любит свою семью или просто боится за них... или за себя?

Чем дольше монотонно гудел самолет, тем глубже Крис погружался в темный провал отчаяния.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Ирэн и Рэйми сидели, вертя в пальцах венцы и — Ирэн это понимала — думали об одном и том же, не говоря ни слова. Как же радостно было оказаться возле Иисуса, Того, Кто возлюбил их души! Но как многократно предсказывал в своих воскресных проповедях пастор Биллингз, преобразились и стали новыми не только их тела, но образ мышления и восприятие их нового разума.

Услышать слова «ты хорошо потрудились» из уст единственного совершенного человека из когда-либо живших и быть приглашенным в дом Господа, получить венец — все это ни разу не напоминало дешевую имитацию, как бывало на Земле. Ирэн бывала на многих встречах, где людей благодарили, хвалили и награждали почетными значками, призами, кубками, сертификатами в рамочке и всяким прочим за всякие дела или достижения.

Но держать в своих руках венец за труды во имя Христа — на земле такое просто невозможно было ни осознать, ни выразить. Ирэн никогда не видела ничего похожего на этот сплав золота и серебра. А драгоценные камни венца были столь изысканными и ослепительными, что даже ее новые глаза должны были привыкнуть к отражаемому ими свету — не солнца, не лампы, а Самого Бога.

И она сидела, глядя венец и восхищаясь им, в то же время не упуская ни единого момента из сотен тысяч испытаний трудов людей, которые чередой проходили перед алтарем и престолом. И Ирэн поняла, к чему все время подводил их пастор.

Какой бы восторг ни заполнял Ирэн от присутствия здесь и ощущения личного внимания Того, Кого любит, Кем восхищается и Кого славит все сущее, венца она хотела не больше, чем покинуть это место. Как бы он ни был прекрасен, сколько бы в нем ни было смысла, поскольку он олицетворял ее жизнь во Христе, она не жаждала его и не могла держать его у себя. Она знала, что и Рэйми испытывает такое же чувство. Они переглянулись и пожали плечами.

У этого украшения была только одна цель — вернуть его Дарителю, сложить к стопам Иисуса. По глазам Рэйми Ирэн поняла, что у него сложилось такое же впечатление и что 20 миллиардов святых в доме Божьем решили сделать то же самое. И на фоне постоянных восхвалений Агнцу, уби-

тому за грехи мира, возгласов хора ангелов, приветствовавших пришедших с Земли в Царство, слышался почти ощутимый на ощупь гул восторга и предвкушения. Поэтому что в какой-то момент, поняла Ирэн, все двинулись сложить свои венцы к ногам Иисуса.

— Мам, — сказал Рэйми, — тут ведь нам даже советоваться не надо, верно?

Она покачала головой.

— То есть поначалу мне показалось, что мы на одной волне и я могу говорить с тобой без слов, но я не знал, правда ли это, действительно ли мы одновременно думаем об одном и том же. Но больше я не задаюсь этим вопросом. Я просто знаю.

— И я, — ответила Ирэн.

— Забавно! О чем я думаю прямо сейчас?

Ирэн хотела было улыбнуться, но поняла, что шире улыбаться уже просто невозможно. Она находилась в постоянном эйфорическом состоянии с того самого момента, как попала сюда, и каким-то образом это не выматывало ее, а подбадривало. Она хотела, чтобы это никогда не кончалось — и не кончится, она это знала.

— Тебе интересно узнать, сколько всего мы можем сделать одновременно.

— Верно.

— Ты хочешь изучить венец, стать свидетелем всех испытаний, поговорить со своими героями — старыми и новыми, — спеть вместе с хором, воздать хвалу Иисусу, пого-

ворить со мной без слов и — больше всего — ты хочешь осмотреть все это вместе.

— Да. Но мне немножко неловко спрашивать. Почему это? Я должен бы уже понять, что Господь знает, о чем я хочу спросить, прежде, чем я об этом скажу. Почему я считаю, что надоедаю Ему, или об этом спрашивать — это уже слишком?

Ирэн пожала плечами:

— У нас обновленные разум и тела, но память-то осталась. Может, лет этак через миллион мы освободимся от наших смертных качеств.

Рэйми рассмеялся:

— Мы уже.

— Знаю.

* * *

К тому времени, как Кристофер Смит понял, что «Боинг-747» «Пан-Континентал» вошел в зону радиопокрытия США, он был уже на грани безумия. Почему-то связи с Гренландией и Канадой сейчас не было. Он не мог понять. Неужели что-то в атмосфере перебивало сигнал? Радио и телесигнал не могут пойти помехами от перегрузки.

В наушниках заговорила суперстанция в Нью-Джерси — поначалу слабо, сквозь треск статических разрядов. Наконец, прижав наушники плотно к ушам, Кристофер стал различать слова. Он прикрыл глаза и

сосредоточился. Он скажет Рэйфорду, как только сигнал можно будет слушать без таких помех. Капитану сейчас и без того хватает.

Шея и спина Криса затекли и задеревенели. Но внезапно, как только самолет миновал какой-то невидимый барьер, сигнал стал сильным и четким. Он включил связь напрямую с Рэйфордом.

— Подключаю тебя к новостному радио в Джерси, кэп.

— Понял, спасибо. Держись курса.

Так Рэйфорд, по своему обыкновению, говорил Крису, что немного послушает радио, пока Крис возьмет управление на себя. Еще чего! Крису было любопытно не менее начальника, и самолет шел на автопилоте. Крис знал, как делать вид, что сосредоточился на панели управления, переключив радио на собственные наушники.

Задав параметры по приборам, Крис посмотрел наружу и увидел, что небо какого-то странного цвета. Они летели назад в Штаты в непривычное время суток, связываясь с различными диспетчерскими, чтобы оставаться на нужном курсе и высоте, в то время как тысячи самолетов по всему миру искали посадочные полосы.

«Как странно, — подумал он, — когда солнце встает у нас за спиной».

Прямо в уши Крису хлынул поток сообщений о мировой трагедии. Ужас, отчаяние, уныние — все слилось воедино. Он начал подумывать о самоубийстве, и он понимал, что,

если не сможет поговорить с кем-нибудь из любимых, он сойдет с ума. Любимых. Когда в последний раз он так думал о жене и мальчиках? Любимыми для него были его женщины, хотя он знал, что ни одну из них на самом деле не любит. Даже Хэтти, молодую старшую бортпроводницу в этом самом рейсе. Конечно, она и не думала о нем с той ночной передышки, которая была у них в Испании много месяцев назад. Правда, половину времени она засыпала его вопросами о Рэйфорде. Словно у нее был шанс с таким упертым семьянином, как Стил.

* * *

— Да, — ответил Бог Рэйми Стилу. — Ты можешь делать все, что тебе угодно одновременно.

— И ничего не упущу? — сказал Рэйми.

На это Бог не ответил, но Рэйми не было нужно — он узнал ответ сразу, как только задал вопрос. А в следующий момент он уже оказался в своем дворце. Когда впервые он услышал о «дворце на холме» в небесах¹, Рэйми не понимал, о чем это. Он знал, что такое дворец — это был дом больше, чем комфортабельный пригородный коттедж, который купил его отец. В разных телешоу он видел

¹ Mansion over the hilltop — известная песня, в частности, была репертуаре Элвиса Пресли

потрясающие дворцы. Может, этот будет похож на них.

С другой стороны, пастор Биллингз толковывал им, что Иисус покинул землю две тысячи лет назад, чтобы «приготовить место для вас», так что это должно быть что-то более зрелищное, чем сама Земля, которую Он создал за шесть дней.

Первым сюрпризом для Рэйми было его имя на дверной пластинке. То есть его ждали! И внутри его поместья в семьдесят пять кубических акров было ошеломляющее изображение Земли, гигантская сфера, висевшая перед ним в воздухе, как оживший школьный глобус, во всей полноте своих цветов, таких ярких и блистающих, что его неодолимо потянуло к ней.

Здесь не было ни кресла, ни стола, ни постели — ничего, что было необходимым в земной жизни. Рэйми просто ничего такого не было нужно. Вопрос в другом — что ему делать с огромной копией Земли, такой большой, что он мог ходить вокруг нее и даже по ней? Он понял сразу, как только ступил на нее. Она оказалась просто переключателем для его разума. Куда бы он ни ступал, памятники всех исторических эпох возникали перед ним, и от одного взгляда или прикосновения к ним он тут же переносился в то место и время и мог смотреть, как история повторяется перед его глазами.

Почему бы не начать с самого начала? — подумал он и направился к Плодородному

полумесяцу. Он оказался в Эдемском саду. Его взгляд привлек сверкающий плод, и он услышал разговор Евы со змеем и то, как она сорвала запретный плод. Вскоре к ней присоединился Адам.

Библейское предание оказалось истиной. Рэйми мог погрузиться в каждое событие и смотреть, как оно разворачивается. Он перескочил на гору Арарат и увидел, как Ноев ковчег качается на волнах сорок ночей и дней. А это что? Груда кирпичей и извести, и тысячи людей снуют вокруг и строят... Что? Вавилонскую башню.

У Рэйми была целая вечность на то, чтобы смотреть, слушать и испытать на себе все, что случилось за века человеческой истории. Он попытался передвинуться вперед во времени и увидел убийство Юлия Цезаря и Авраама Линкольна. А вот еще тот раз, когда все его друзья клялись, что его вышибли на второй базе, а он ну точно знал, что это не так. Он дотронулся до базы и следил за игрой, хохоча от радости, и тут оказалось, что друзья-таки правы.

Все время, пока Рэйми экспериментировал, прыгая туда и сюда, из одного столетия в другое, он в то же время следил за испытанием трудов святых на нижнем уровне дома Божьего. Что может быть лучше этого? Он вернется, когда настанет время, увидит смерть Христа на кресте и триумфальное воскрешение.

* * *

Когда капитан по громкой связи объявил о возвращении в Штаты, Бизон Уильямс с удивлением услышал аплодисменты по всему салону. Пассажиры, потрясенные и перепуганные, были в большинстве своем из Штатов и хотели хотя бы вернуться в знакомую обстановку, чтобы разобраться в ситуации. Бизон ткнул локтем сидевшего рядом бизнесмена.

— Прости, друг, но сейчас тебе лучше проснуться и послушать, что говорят.

Тот с досадой посмотрел на Бизона и пробормотал:

— Если мы не падаем, то не буди меня.

* * *

Ирэн вскоре поняла, что после всего, что она увидела за какие-то минуты земного времени, настал момент, когда к испытанию будут призваны те, кто был «первым» на Земле, а тут стал «последним». Казалось, что библейские герои, несмотря на все, через что они прошли и что свершили, считались первыми лишь потому, что они были известны многим поколениям людей благодаря Библии.

Ирэн была в восторге от историй жизни многих учеников Христа, которые сейчас

подходили к алтарю, выступая из ряда тех двадцати четырех старейшин, что стояли перед престолом. Матфею, сборщику налогов, конечно, не ставились в вину его тайное доноительство и коварство, поскольку все это было до того, как он встретился с Иисусом и стал одним из Двенадцати. Марка и Луку славил за их писания и служение, как и Стефана, первого мученика, великих женщин Нового Завета и сотни других, о которых Ирэн слышала или читала.

По мере того как очередь становилась короче и короче, Ирэн увидела, как еще трое поднялись из числа старейшин, потом еще одна женщина и двое мужчин. Она в уме отслеживала, кого из великих деятелей Библии она уже видела и кому еще предстоит явиться. Она была уверена, что знает, кто эти шестеро последних, и не могла дождаться момента, когда ее правота подтвердится.

* * *

Кристофер Смит никогда в жизни не чувствовал себя таким одиноким. Слушая местную радиостанцию Джерси, он узнал, что пути сообщения забиты по всему миру, поскольку исчезновения охватили все континенты. По всему миру среди пропавших были медики, технический и обслуживающий персонал. Везде было объявлено чрезвычайное положение, гражданские службы

были приведены в полную готовность и пытались как-то справиться с нескончаемой чередой трагедий. Крису приходилось видеть репортажи с мест природных катастроф, терактов и массовых аварий, когда медики, пожарные и полиция бросали на устранение последствий всех своих людей. Он попытался представить эту ситуацию, только помноженную на тысячу.

Даже в голосах дикторов звучал страх, несмотря на все их старания. Принимались все мыслимые и немыслимые объяснения, но все эти обсуждения и даже репортажи о массовой гибели людей отступали перед практическими вопросами. Люди хотели самой обычной информации о том, как добраться до тех мест, куда они направлялись, и как связаться с близкими, чтобы узнать, живы ли они еще.

Крису пришлось оторваться от новостей и переключиться на диспетчерскую, когда им дали указание следовать схеме движения, общей для всех Штатов, чтобы сесть в аэропорту О'Хара точно в назначенный момент. Открыты были только две полосы, и казалось, что все крупные самолеты шли именно в этом направлении.

Тысячи человек погибли в авиа- и автокатастрофах, и повсюду люди оплакивали пропавших близких и сослуживцев. В одном из сообщений говорилось, что в таксопарке аэропорта О'Хара пропало столько таксистов, что пришлось набирать добровольцев, чтобы управлять машинами, которые оста-

вались стоять с работающими двигателями и с одеждой прежнего водителя на водительском кресле.

Машины, из-за руля которых пропадали люди, становились, конечно, неуправляемыми. Чрезвычайным службам было труднее всего выяснять, кто исчез, кто погиб, кто ранен, а затем связываться с выжившими.

— Кэп, — сказал Крис, — мне очень не хочется спрашивать, но как ты думаешь, может, мы дозвонимся до кого-нибудь в диспетчерской Чикаго, чтобы те попытались позвонить мне — нам — на домашний телефон?

Рэйфорд пожал плечами:

— Стоит попытаться.

И он запросил диспетчерскую.

В ответ только рассмеялись.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Всего полудюжине святых осталось пройти испытание. Рэйми упивался тем, что обнаружил в своем доме. Ирэн смотрела, как высокий смуглый человек медленно подходит к алтарю и опускается на колени.

Пламя испытало и очистило его труды, которые были превращены в прекрасный венец жизни, и Иисус подал его этому человеку, обнял его и сказал:

— Ты славно потрудился. Как была избрана девственница, — сказал Иисус, — так и ты, Мой земной отец. Этот венец — олицетворение твоей стойкости в испытаниях во Имя Мое.

— Но поначалу я был в гневе, — сказал Иосиф. — Я был расстроен, смущен. Я вел себя не как избранный.

— Как только ты узнал истину, ты отдал Мне и Моей матери всего себя и вел себя так, словно Я был твоим собственным сыном.

— Я всегда ощущал себя так, будто я действительно твой отец.

Ирэн с удовольствием смотрела жизнь Иосифа и слушала его разговоры с Марией, с ангелом и Иисусом в различном возрасте. Ей не терпелось испытать чудеса собственного дома и физически войти в мир в любом месте и в любом времени.

* * *

Впервые в жизни Кристофер Смит понял, что значит выйти из себя. Его душевная боль была такой острой, что ему казалось, будто он покинул собственное тело и видит себя со стороны. Он сидел на своем обычном месте за таким знакомым пультом управления. А душа просто рвалась из тела.

Ему было плохо. Эта всемирная катастрофа каким-то образом заставила его посмотреть на себя самого, и скрыться от себя было невозможно. Жизнь его была пуста. Он был бесполезным человеком. Он отчаянно хотел связаться со своей настоящей женой, своими мальчиками.

Зачем? Почему именно сейчас, после всех этих лет? Что могла сделать для него Джейн? Что могли предложить ему сыновья, кроме богословского занудства, которое они усвоили в церкви или том самом идиотском лагере? И даже если они скажут ему, что это каким-то боком связано с Богом, ему-то

что? Слишком поздно становиться одним из «этих». Он слишком далеко зашел по собственной дороге и слишком долго шел по ней. Господь никогда не простит ему того, что он сделал, не сможет изменить его.

Крису жена и сыновья нужны были не для ответов на вопросы. Это было какое-то исцеление от собственного одиночества. Почему он чувствовал себя так? Он сам такое с собой сделал? Конечно. Он сделал Джейн в первую очередь эмоциональной заложницей и мог бы точно так же забыть о собственных сыновьях. Они не особенно и сопротивлялись, видимо, не очень нуждаясь в нем. И это ему было на руку. Это помогало приглушить любое чувство вины. Может, в его присутствии и помощи они не особенно и нуждаются — слабое извинение для такого человека, как он.

Но теперь? Сейчас? Они были нужны ему! Как они ответят на такой вопль о помощи? Он знал их. В душе они были хорошими. Даже притом, чем он стал, они соберутся вокруг него, будут с ним, несмотря на то что он так надолго устранился из их жизни.

Крис не знал, что будет делать, если не сможет вскоре до них дозвониться.

* * *

— Я недостойнейший из недостойных, — говорил человек, ныне преклонивший колени пред алтарем.

— Ты сомневался, Фома, — сказал Иисус. — Но Я прощаю тебе это, поскольку, когда ты уверовал, ты стал самым преданным и ревностным из проповедников. Смотри, как ты искупил свое неверие! Твои труды прошли сквозь пламя. Из драгоценных камней Я создам прекрасный венец праведности. Ты хотел знать, куда Я иду, чтобы оказаться со Мной.

— И я здесь! — воскликнул Фома.

— И ты — здесь.

* * *

«Забавно, как катастрофа меняет взгляды на жизнь», — думал Рэйфорд. Все мысли, надежды, даже чувство к Хэтти Дюрхем теперь казались ему самыми абсурдными на свете мыслями. Если бы она бросилась ему на шею прямо сейчас, он оттолкнул бы ее. Жестоко? Да. Подло? И это верно. В конце концов, Рэйфорд несколько недель давал ей надежду. Но о чем он думает, черт побери?

Сейчас он хотел одного — воссоединиться с Ирэн, Рэйми и Хлоей. Но в глубине души он боялся худшего — что от их семьи остались только они с Хлоей.

Рэйфорд сказал Хэтти, что он понятия не имеет о том, что происходит.

Весь ужас был в том, что он слишком хорошо понял, что произошло. Ирэн была права. Его, Хлою и большинство пассажиров его самолета Бог забыл в этом мире.

* * *

Тринадцатилетний Лайонел Вашингтон гордился своей матерью, но не потому, что она умела прощать и одобрять. Он гордился ее положением главы чикагского бюро «Глобал уикли». Она была звездой семьи. И не только семьи Лайонела, а всего клана Вашингтонов. Они прослеживали свои корни до проводников «подпольной железной дороги»¹ во времена рабства. Многие из его предков были деятелями движения за гражданские права, боровшимися за равные возможности для представителей разных рас. Его мать доказала, что человек вне зависимости от цвета его кожи или дома, в котором он живет, может достичь многого и сделать себя сам, если действительно к этому стремится.

Люсинда Вашингтон рассказывала Лайонелу, что родилась и выросла в кливлендском гетто, но «любила учиться. И этим путем я вышла оттуда». Она говорила, что ей очень понравилось делать репортажи и писать. Она окончила школу журналистики и в конце концов пробилась в «Глобал уикли».

Она хорошо зарабатывала, даже больше мужа, Чарлза, который был водителем тяжелой техники. Он гордился ею так же, как и все прочие, и Лайонел втайне тоже гордился ею.

¹ Система переброски белых рабов-негров из южных штатов в северные.

Но у Лайонела была еще одна тайна, и она постоянно тревожила его. Лайонел знал то, о чем остальная семья даже не подозревала. Он не был настоящим христианином, хотя вся история его семьи вращалась вокруг церкви. Семейные предания говорили о том, что мать взяла его в церковь, когда ему еще и недели не было.

На самом деле ему в церкви очень нравилось. Церковь — это то, с чем была связана вся семья Вашингтон, но Лайонел понимал, что связь эта еще более глубока. Его мать не просто любила церковь, она также по-настоящему любила Бога. И Иисуса. И Святого Духа.

Лайонел признался младшему брату матери, Андре, что он так и не стал настоящим христианином. Андре был паршивой овцой в их стаде. Лайонел сказал ему:

— Все думают, что я христианин, у которого порой бывают черные полосы. Они думают, что я однажды смогу стать проповедником или миссионером.

— Ты должен поговорить об этом с матерью, — сказал дядя Андре. — Лучше бы ты вырос таким, как она, чем как я.

— Не могу. Это убьет ее. Она считает меня самым лучшим из юных христиан, каких она только знает. Слушай, дядя Андре, а вдруг все это правда и мы кончим в аду?

Андре запрокинул голову и расхохотался своим безумным смехом.

— Вот в это я точно не верю. Может, когда-то и верил, но вырос. Некоторые из этих историй о конце света — я даже не

знаю, откуда проповедники их выкапывают. Не могу представить, что в Библии.

Прошлым вечером, когда в последний раз Лайонел виделся с матерью, она крепко обняла его и сказала:

— Разве Господь не чудесен? Разве у нас не добрый Бог? А? Разве ты не рад служить Господу, Который так тебя любит?

— Ну-у-у, — протянул Лайонел. — Конечно, мама. Конечно, я рад.

Он чувствовал себя ужасно. Ханжой. Лжецом, которым он и был.

В цокольном этаже дома Вашингтонов, где спал Лайонел, не было часов. На следующее утро, когда он проснулся, было уже слишком светло, значит, довольно поздно. Он не пошевелился, просто открыл глаза, сощурился, глядя, как пылинки пляшут в солнечных лучах, пробившихся в маленькое окошко.

Когда наверху зазвонил телефон и он не услышал шагов, он со стоном выбрался из-под одеяла и пошел наверх, чтобы ответить. Наверное, все же было очень рано, раз его мать еще не встала. Да и его отец обычно вылетал из комнаты с грохотом и топотом. Лайонел заметил, что грузовик его отца по-прежнему припаркован перед гаражом, где мама держала машину. Оба еще спят? Странно.

Звонок был из «Глобал уикли», спрашивали его мать. Лайонел ошеломленно увидел, что стояло позднее утро. Он будет прямо ге-

роем, если разбудит всех, чтобы они не опоздали на работу.

Лайонел прошел через кухню и столовую к лестнице, которая вела в спальню наверху. Заметил кое-что своим боковым зрением. На кресле отца грудой лежал его огромный махровый халат. Его папа никогда не сбрасывал халат вне спальни. Мистер Вашингтон считал неприличным расхаживать при всех в пижаме, даже если «всеми» была только его семья.

Может, ему было жарко, и он сбросил халат в полусне, не задумываясь? Но это не было похоже на него. Он всегда очень гордился тем, что он не «из тех мужей, за которыми женам приходится убирать».

Перед креслом стояли шлепанцы его отца. Халат лежал аккуратно, рукава на подлокотниках, словно отец по-прежнему сидел в нем. Когда Лайонел увидел видневшиеся из-под халата пижамные штаны прямо над шлепанцами, стало понятно, что его отец испарился прямо из пижамы и халата.

Все стало словно как в замедленной съемке. Лайонел не ощущал своего тела, осторожно подходя к креслу. Он затаил дыхание, слыша только громкое биение своего сердца. Яркой солнечный луч упал на халат и выхватил что-то блестящее, лежавшее там, где должны были быть колени отца.

Лайонел опустился на колени, уставившись на контактные линзы, наручные часы, обручальное кольцо отца и его слуховой аппарат. Руки Лайонела затряслись, и он за-

ставил себя выдохнуть, чтобы не закричать. Губы его дрожали, он хотел крикнуть — и не мог. Он подполз на коленях к креслу и распахнул халат. Пижама отца была застегнута на все пуговицы. Лайонел сжался и осел на пол. Повесил голову между коленями и заплакал. Если это то, чего он боялся, он знал, что увидит наверху.

Он побежал по лестнице наверх, перепрыгивая сразу через две ступеньки. То, что он увидел в родительской спальне, было невыносимо. Постель его родителей все еще была застелена, ночная сорочка матери лежала на краю постели, там, где она, очевидно, стояла на коленях и молилась. Как же Лайонелу хотелось, чтобы его забрали на небо с его семьей и чтобы его застали за чтением Библии и молитвой, когда пришел Иисус.

Только на мгновение Лайонел подумал, что все это сон. Он знал, что случилось. Все было по-настоящему. Исчезли все сомнения и вопросы. Его семья была восхищена, как учила церковь, его пастор и его родители.

А его оставили здесь.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Все в доме Бога знали, кто эта юная женщина, подошедшая сейчас к алтарю, и все, включая Самого Иисуса, встали, чтобы приветствовать ее радостными криками и аплодисментами. Когда она преклонила колени, потупив голову, перед алтарем, хвалы ей не прекращались, даже тогда, когда ее труды проходили испытание пламенем.

Ирэн с удивлением ощутила родство с Марией — просто потому, что она тоже была женщиной. Но здесь все сходство и кончается, подумала Ирэн. Да, у Ирэн были дети, как и у Марии. Она тоже была замужем. Но юная Мария наверняка обладала таким характером, что именно на нее Господь решил возложить величайшую ответственность, которую только может нести женщина. Ирэн жаждала погрузиться в мир первого века и увидеть Марию ребенком, а затем юной избранницей Бога.

Ирэн увидела, как юная Мария пугается приближающегося к ней архангела Гавриила. Позорный страх исказил ее лицо, но Гавриил сказал:

— Радуйся, Благодатная! Господь с Тобою; благословенна Ты между женами. И вот, зачнешь во чреве, и родишь Сына, и наречешь Ему имя: Иисус. Он будет велик и наречется Сыном Всевышнего, и даст Ему Господь Бог престол Давида, отца Его; и будет царствовать над домом Иакова веки, и Царству Его не будет конца.

А Мария ответила:

— Как будет это, когда Я мужа не знаю?

Гавриил сказал:

— Дух Святый найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя; посему и рождаемое Святое наречется Сыном Божиим, ибо у Бога не останется бессильным никакое слово.

И Мария ответила:

— Се, Раба Господня; да будет Мне по слову твоему.

Теперь, когда Мария встала и отошла от алтаря и приблизилась к трону, Иисус подал ей венец жизни и праведности, обнял ее и сказал:

— Ты славно потрудились, добрая и верная служительница.

Мария ответила Ему:

— Мой Сын стал моим Отцом. Величит душа Моя Господа, и возрадовался дух Мой о Боге, Спасителе Моем, что призрел Он на смирение Рабы Своей, ибо отныне будут

ублажать Меня все роды; что сотворил Мне величие Сильный, и свято имя Его; и милость Его в роды родов к боящимся Его; явил силу мышцы Своей; рассеял надменных помышлениями сердца их; низложил сильных с престолов, и вознес смиренных¹.

* * *

К тому времени, как самолет совершал посадку над Чикаго, Бизон Уильямс увидел, что старшая бортпроводница на грани срыва. Он подозвал ее к себе, взял за руку, еще раз посмотрев ее имя на бейдже.

— Хэтти, сегодня всем нам придется плакать, вернувшись домой. Но здесь — держитесь. Проводите своих пассажиров и хотя бы насчет этого успокойтесь.

Его слова мало ей помогли. Она начала всхлипывать.

— Понимаете, мы потеряли несколько стариков, но не всех. Несколько людей средних лет — но тоже не всех. Несколько человек нашего с вами возраста — но тоже не всех! Мы потеряли даже нескольких тинейджеров.

Бизон уставился на нее. К чему она ведет?

— Сэр, мы потеряли всех маленьких детей и младенцев на борту!

¹ Евангелие от Луки, 1:46—52.

— Сколько их тут было?

— Больше десяти. Но всех! Ни одного не осталось!

Сосед Бизона проснулся и, прищурившись, посмотрел в окно, за которым сияло утреннее солнце.

— Вы о чем, а? — спросил он.

— Мы садимся в Чикаго, — сказала Хэтти. — Мне пора.

— Чикаго?

— Лучше бы вы не просыпались, — сказал Бизон.

Сосед чуть ли не плюхнулся на колени Бизону, пытаясь посмотреть в окно, обдав Бизона перегаром.

— Это что, война? Беспорядки? Что стряслось-то?

Дым. Пожары. Валяющиеся в кюветах и размазанные о разделители машины. Обломки самолетов на земле. Машины «скорой» с проблесковыми маячками, пробирающиеся сквозь обломки.

Когда в виду показался аэропорт О'Хара, стало понятно, что быстро никто никуда не доберется. Самолеты были повсюду, куда ни кинь взгляд. Некоторые были разбиты и горели, остальные стояли друг за другом в пробке. Люди брели по траве и пробирались между машинами к терминалу. Скоростные дороги, что вели к аэропорту, выглядели как во время великих снежных заносов в Чикаго — только снега не было.

Краны и эвакуаторы пытались расчистить подъезд к терминалу, но это заняло бы

часы, а то и дни. Людская вереница медленной змеей выползала из гигантских зданий терминала, тянулась между неподвижными машинами и поднималась к стоянкам. Люди шли, шли, шли, пытались поймать такси или частника.

* * *

Рэйми Стил был почти уверен в том, кто этот человек, чья очередь настала сейчас. И его предположение подтвердилось сразу же, как суровый молодой мужчина с рыданиями упал перед алтарем. Его труды ярко засверкали в пламени, и среди них уж точно не было ни дерева, ни соломы, ни сена. Он не был совершенным человеком и подвел Господа не единожды, но ему были прощены его грехи, и он верно служил Богу до самой кончины.

Когда его подозвали к престолу, чтобы получить венцы и похвалу, Петр замялся и попросил прощения у Иисуса за то, что трижды отрекся от Него.

— Друг мой, ты был прошен сразу же, как раскаялся, и грех твой был забыт — разве что ты сам вспоминал о нем на исповеди снова и снова. Я превозношу тебя за твою непоколебимость в руководстве Моей ранней церковью, за твои страстные проповеди того, что стало известным как день Пятидесятницы, за то, что ты был первым, кто поведал Мою

истину евреям Иерусалима. И я славлю тебя за то, что ты проповедовал язычникам, открыв двери спасения миллионам.

Больше ты никогда не отвергал Меня, рассказывая о Моем воскрешении и возвращении на небеса. И когда ты претерпел мученическую смерть во имя Мое, ты пожелал быть распятым вниз головой, считая себя недостойным умереть, как Я. Я зову тебя к вечной радости Отца Моего и вручаю тебе венцы жизни, славы, праведности и похвалы.

Иисус увенчал одним из венцов голову Петра, и Петр обернулся к собранию с остальными тремя в руках. Рэями показалось, что Петр растерян, не зная, куда их девать.

Рэями с матерью вскочили вместе с остальной толпой, весело крича и хлопая в ладоши, когда Петр обернулся восславить Иисуса. Петр снял венец с головы и вместе с остальными тремя сложил их, преклонив колени, к ногам Спасителя.

Так началось шествие святых, которые последовали примеру Петра, и никто не мог сказать, где оно началось и когда кончится. И когда Иисус почти исчез за грудой венцов, они расплавились и стали частью стекляннoго моря и мощенных золотом улиц.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Кристофер Смит прикрепил телефон к уху пластырем, помогая остальной команде вывести пассажиров с борта, спуская их по рукаву надувного трапа. Подъехали несколько автобусов подобрать немощных, но почти все пассажиры пошли пешком.

Крис не смог дозвониться до жены или мальчиков, так что звонил куда только мог. Наконец, он пробился в местное отделение полиции, к настолько задержанному дежурному по отделению, что Крис даже удивился, что тот вообще стал разговаривать с ним.

— Ваша жена попала в ДТП.

— ДТП?

— Дорожно-транспортное происшествие. Сожалею.

— Она в порядке? Где она?

— Я не имею права обсуждать этот вопрос по телефону, сэр.

— Да вы о чем? Мне нужно знать, все ли с ней в порядке, в какой она больнице. И мои сыновья, где они? Она забрала их? Они были с ней в машине? Мы же оба понимаем, что вы это знаете. Скажите!

— Вам надо позвонить мистеру Айре Смиту. Вы его знаете?

— Конечно. Это мой дядя. А почему я должен звонить ему?

— Он расскажет вам обо всем, что вам нужно знать.

Крис звонил дяде, пока они с Рэйфордом и Хэтти покидали борт. Водитель последнего автобуса настаивал, чтобы команда поехала с ним.

Рэйфорд отказался.

— Не смогу ехать мимо своих пассажиров, которые добираются до терминала пешком. Это будет просто по-свински.

— Спокойно, кэп, — сказал Кристофер. — Ты не против, если я воспользуюсь его предложением?

Рэйфорд гневно глянул на него:

— Ты серьезно?

— Мне за пешие прогулки деньги не платят.

— Как будто тут авиакомпания виновата. Крис, ты же не всерьез?

— Вполне серьезно. Пока ты до терминала дотащишься, сто раз пожалеешь, что не поехал.

— Я буду вынужден доложить о твоём поведении.

— Да миллионы людей исчезли без следа, и ты думаешь, что меня будет волновать,

доложишь ты или нет о том, что я поехал на автобусе, а не пешком потопал? Пока, Стил.

* * *

Остались только два человека. Когда Иисус встал и сказал: «Иоанн!» — толпа просто взорвалась. Ученик, которого так любил Иисус, преклонил колени перед алтарем, и труды его тоже оказались без примесей — ни дерева, ни соломы, ни сена. Он получил все венцы, кроме венца мученика, поскольку он был единственным из верных учеников Иисуса, кто не был убит за свою веру.

Иисус и Иоанн сейчас обнялись, как добрые друзья, каковыми они и были, и Иисус сказал:

— Славлю тебя за то, что ты никогда не отрекался от Имени Моего перед людьми, за написанное тобой Евангелие и три твоих послания. А также за то, что ты записал Мое Откровение, сохранив видение, которое Я послал тебе. Ты много лет был свидетелем Моим и пастырем многих стад, в первую очередь церкви Эфесской, где ты обучил и выпестовал многих, кто продолжал труд после смерти апостолов.

Благодарю тебя за заботу о Моей земной матери. Ты славно потрудился, добрый и верный служитель. Поскольку ты был верным, надежным, заслуживающим доверия в столь многом, отныне сделаю тебя правите-

лем многих городов. Приветствую тебя в радости вечного Царствия Божьего!

* * *

— Крис, тебе надо вернуться домой, — сказал дядя Айра. — Я буду ждать тебя здесь.

— Нет! Говори прямо сейчас, что с моей семьей!

— Это правда не телефонный разговор. Я даже не буду пытаться объяснить все по телефону.

— Будешь! Я серьезно, Айра! Я еще черт знает сколько часов буду добираться отсюда до пригородов. Не заставляй меня столько ждать. Они погибли, да? Они все погибли!

— Не совсем так.

— То есть? Если они с тобой, дай мне с ними поговорить!

— Если ты хочешь знать и ответ «нет» тебя не удовлетворит, то, увы, я должен тебе сказать, что Джейн погибла.

— Что случилось?

— Она ехала забрать мальчиков, и ей прямо в лоб врезался тягач с прицепом. Водитель был как раз из тех, кто исчез прямо из одежды.

— Нет! Но мальчиков ведь с ней не было?

— Нет, Крис. Но их тоже нет.

— О нет! Как они-то погибли?

— Их сумки нашли возле церкви на парковке вместе с одеждой и личными веща-

ми еще нескольких десятков детей и штата церкви. Думаю, они ждали автобуса, когда это случилось.

Крис цеплялся за все, что могло удержать его от безумия.

— Тогда их найдут. Мальчики вернутся. Они не погибли.

— Никто не знает, где эти люди, Крис, — сказал Айра. — В церкви не осталось никого. Правда в том, что никто не знает, увидим ли мы снова когда-нибудь этих людей.

— Не говори так!

— Ты же хотел правды. Теперь, извини, я выложился по полной. Приезжай прямо домой как только сможешь, слышал? Твоя тетя готовит тебе поесть.

— Скажи, чтобы не хлопотала.

— Она уже готовит. Представить не могу, как это все для тебя ужасно. Приезжай, мы позаботимся о тебе.

— Да, — ответил Крис и отключился.

Позаботятся о нем? Разве что вернут назад Джейн и детей, никак иначе Кристофера Смита они утешить не смогут. То, что все в церкви исчезли, сказало ему все, что ему надо было знать. За всем этим действительно стоял Бог. Его дети оказались достойны, а они с Джейн — нет. Несмотря на всю абсурдность, это имело смысл.

Он заслужил это.

Но он не мог представить жизнь без них. Он даже не рассматривал такой возможности. Кристофер Смит не собирался возвращаться в пустой дом, чтобы его старшие род-

ственники жалели его. Как только он найдет укромное место и средства, он позаботится о том, чтобы не задержаться дольше десяти минут на этой забытой Богом планете.

* * *

— Павел.

Не без причины этот апостол, который никогда лично не встречался с Иисусом, был оставлен напоследок. Он был самым известным персонажем Нового Завета, не считая Самого Иисуса. И он так проникновенно выражал свою веру в глубоких теологических трактатах, что миллионы людей в течение веков пришли к ее пониманию и поверили Евангелию.

«Какая жизнь! — думал Рэйми. — Ученый, который так выступал против христианства, что даже убивал христиан, стал таким прославленным писателем Нового Завета».

Казалось, Павлу не терпится встретиться с Иисусом, даже когда он стоял, преклонив колени, перед пламенем, которое оставило лишь драгоценные камни, золото и серебро. И когда он приблизился к престолу, он упал на колени, моля прощения за то, что прежде был преследователем церкви.

— Твои грехи, — сказал Иисус, поднимая и обнимая его, — теперь далеки от тебя, как запад от востока. Ты пришел к вере в Меня столь полной, что ты до последней частицы отдал

себя служению Мне. Это ты стал полным олицетворением пожизненного служения. Я даю тебе все четыре венца, добрый и верный Мой слуга. Благодарю тебя за то, что ты стал первым, кто принес Мое Евангелие в Европу, которая стала вратами для остального мира.

Стоя спиной к толпе и лицом к Иисусу, Павел все равно был слышен всем.

— Я благодарю Тебя за Твою жертву, которая дала жизнь вечную всем, кто поверил во Имя Твое, за завершение труда Твоего на кресте и за воскрешение. И благодарю Тебя, что Ты послал нам Духа Святого как Утешителя, Который направлял и укреплял нас во всех наших испытаниях и страданиях. Вечно буду славить Имя Твое.

И с этими словами Павел сложил венцы к ногам Иисуса.

* * *

Рэйфорд Стил боялся, что, в отличие от остальных, прекрасно понимает, что случилось. Если он прав, если все правда, то дома никто не поднимет трубку. Пока он стоял в очереди, на телеэкране у них над головами демонстрировали кадры всемирного хаоса. Рыдающие матери, мужественно переносящие потерю семьи, репортажи о смертях и разрушениях. Десятки историй, включая и рассказы очевидцев, на глазах у которых исчезли любимые люди или друзья.

Но самым шокирующим для Рэйфорда оказался репортаж о роженице, которая должна была уже идти в родильную палату, как вдруг ее матка оказалась пуста. Доктора извлекли плаценту. Затем она закричала, камера упала, послышались перепуганные голоса, забегали санитарки, примчался доктор. Си-эн-эн прокручивала ролик в замедленном режиме, показывая, как живот женщины вдруг становится совершенно плоским, словно она мгновенно разрешилась от бремени.

Местные телестанции по всему миру передавали сообщения о странных происшествиях, особенно из часовых поясов, где все эти события происходили среди бела дня или ранним вечером. Си-эн-эн через спутник передавала видео, на котором жених исчез прямо в тот момент, когда надевал кольцо на палец невесты. В похоронном зале в Австралии с одной заупокойной службы исчезли чуть ли не все оплакивавшие покойного. Труп исчез тоже. На других похоронах, происходивших в то же самое время, исчезли всего несколько человек, труп остался на месте.

Услышав по телефону только автоответчик, Рэйфорд, в конце концов, сумел сесть на вертолет, который направлялся к Северо-западной городской больнице на Арлингтонских высотах.

До дома было около пяти миль, и он готов был поспорить, что поймает попутку скорее, чем дождется такси. Он надеялся,

что его летная форма и опрятный вид помогут ему поймать машину. Пока он брел, перекинув через руку тренчкот и держа в другой чемодан, душу его томили отчаяние и одиночество.

На Алгонкин-роуд рядом с Рэйфордом притормозила машина. За рулем сидела женщина лет сорока. Он сел в машину и поблагодарил ее, потом спросил:

— Вы тоже кого-то потеряли?

— Боюсь, что так. — Ее голос дрогнул. — С десяток племянниц и племянников.

Женщина, всхлипывая, вела машину к Маунт-Проспект. Рэйфорд ощутил такую усталость, какой не испытывал никогда.

— Могу ли я вам чем-нибудь помочь? — спросил он женщину, когда она вырулила на подъездную дорожку.

Она покачала головой.

— Помолитесь за меня, если сможете.

— Я не слишком силен в молитвах, — согласился Рэйфорд.

— Ничего, научитесь. Я тоже раньше не умела молиться. Теперь умею.

Рэйфорд стоял на дорожке и махал рукой вслед женщине, пока она не скрылась из глаз. Двор и дорожка были, как всегда, безупречно опрятны, огромный дом с лепниной мрачно возвышался перед ним. Он открыл парадную дверь. Все — от газет на крыльце до задернутых штор на венецианском окне и горького запаха жженого кофе — указывало, что случилось именно то, чего он так опасался.

* * *

Бизон заглянул в журнал звонков в своем ноуте и позвонил.

Ответил подросток.

— Дом Вашингтонов.

— Кэмерон Уильямс из «Глобал уикли». Можно позвать Люсинду?

— Мамы нет. Остался только я. Мама, папа, все пропали. Исчезли.

— О господи! Извини, сынок.

— Все в порядке. Я знаю, где они и даже не могу сказать, что это меня удивило.

— Ты знаешь, где они?

— Если вы знали мою маму, вы тоже знаете, где она. Она на небе.

* * *

Люсинда и Чарлз Вашингтон, переполненные всем, что они успели увидеть за то краткое время, что провели в обновленных телах, понимали, что будет дальше. Семь земных лет пройдет после подписания договора между Антихристом и Израилем, Иисус вернется и установит тысячелетнее Свое Царство мира.

Но прямо перед этим произойдет венчание Иисуса со Своей невестой — церковью. Люсинда смотрела в глаза мужу и читала его мысли. Время здесь не значило ничего. Это

венчание казалось невообразимо далеким, но могло случиться через несколько мгновений. Она не могла дожидаться этого момента. Самым прекрасным было то, что, когда настанет время, Иисус на Своем белом скакуне триумфально отправится в битву при Армагеддоне, святые спустятся с небес вместе с Ним как Его армия возмездия. И они с мужем будут там. Только представить себе!

Как и все среди огромного собрания в нижнем уровне чертога дома Божьего, Люсинда Вашингтон видела, что небо — это гораздо большее, чем она себе когда-либо представляла.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

Второе пришествие Иисуса Христа — наиболее часто упоминаемый момент в Библии, не считая доктрины спасения, которой, собственно, вся Библия и посвящена. О Втором пришествии ясно говорится как в Старом, так и в Новом Завете. О нем в Писании упоминается 321 раз — его предрекает как Сам Иисус Христос, так и все писатели Нового Завета и многие пророки Ветхого. Это замковый камень христианства, без которого Господень милосердный замысел будущего человечества не может быть понят.

Второе пришествие — наиболее потрясающее событие, предсказанное везде, и единственное послание, которое дает надежду нам в том мире хаоса, в котором мы живем. Нас с Джерри Дженкинсом часто спрашивали, почему «Оставленные» стали самой популярной фикшн-серией в мире. Я бы сказал, что кроме невероятного писательского дара Джерри здесь играет роль то, что повествование основано на библейском предсказании о последних днях, начинающихся со Второго пришествия, что увлекает многих. Опросы показывают, что более 65 процентов населения США верят в возвращение Иисуса Христа в этот мир, как Он и обещал. Это последняя и лучшая надежда человечества, если, конечно, вы готовы к Его возвращению, лично впустив Иисуса в вашу жизнь. Это главная причина, по которой мы написали «Оставленных». К счастью, из пи-

сем, электронных посланий и личных встреч мы знаем, что тысячи людей говорят, что пришли к вере благодаря этим книгам.

Сатана, очевидно, не желает, чтобы кто-нибудь понимал пророчества, поскольку нет более духовно привлекательного сюжета, чем возвращение Христа. Иисус называет Сатану «наговаривающим ложь» и «лжесвидетелем», так что мы можем ожидать, что он будет сеять раздор между братьями и смущать тех, кто ищет истину (Книга притчей Соломоновых, 6:19). Помните то, что Иисус предсказывал, что «восстанут лжехристы и лжепророки», которые появятся в последние дни мира (Евангелие от Матфея, 24:24; Евангелие от Марка, 13:22). Если мы и правда живем в последние дни, в чем уверены многие ученые-библеисты, то нас не должно удивить, если мы обнаружил лжепророков, нарочно сеющих ужас. Поэтому для серьезного изучающего Библию важно учиться...

Два ключа к пониманию Второго пришествия

1. Мы должны воспринимать Библию буквально, включая пророчества.

Это не означает, что мы тупые буквоеды, в чем нас обвиняют некоторые критики. В каждом языке есть свои метафоры и фигуры речи, как правило понятные по контексту. Мы следуем проверенному веками принципу, который используют многие

ученные-библеисты: «Когда смысл Библии совпадает со здравым смыслом, не ищи третьего смысла, но читай каждое слово в его первом, буквальном значении, если только контекст не диктует другого». Это, конечно же, не оставляет места для толкования в аллегорическом или метафорическом смысле, что приводит к множеству расходящихся и сбивающих с толку толкований событий конца света. Большинство сторонников амиллениализма, постмиллениализма и претеризма¹ попадают в эту категорию. Хотя остальное Писание они могут воспринимать буквально, они склонны аллегорически и метафорически толковать пророчество, что, по нашему мнению, делает совершенно невозможным «верно преподавать слово истины» (Второе послание к Тимофею святого апостола Павла, 2:15). Поскольку пророчество Ветхого Завета о пришествии Иисуса было

¹ Согласно учению амиллениализма все пророческие числа имеют только символическое значение. Постмиллениализм своими корнями восходит к Иоахиму Флорскому (приблизительные годы жизни 1135 — 1202), делившему историю на три эпохи, последняя из которых должна была начаться в 1260 г. по Р. Х. и продолжаться сорок два поколения по тридцать лет в каждом. Затем должно состояться Второе пришествие Христа.

Претеризм — интерпретация христианской эсхатологии, согласно которой большая часть пророческих описаний Последнего Времени, которые содержатся в Библии, относятся к событиям, уже произошедшим в первый век существования христианства.

выполнено буквально, есть все основания верить в столь же буквальное выполнение пророчеств Нового Завета о Его Втором пришествии.

2. Вы должны помнить, что есть две стадии Второго пришествия.

Изучив все 321 отрывка, касающихся Второго пришествия в контексте, мы обнаружили, что все они попадают в две категории: они относятся либо к Восхищению церкви — когда Христос призывает всех верующих ко встрече с Ним в облаках (Первое послание Фессалоникийцам святого апостола Павла, 4:16—17) перед тем, как забрать их на небеса, согласно Его обещанию (Евангелие от Иоанна, 14:1—3); либо они описывают явление Сына Человеческого во славе (Евангелие от Матфея, 24:29—32; Откровение Иоанна Богослова, 19:11—21) непосредственно перед Его возвращением на Землю, чтобы установить Свое тысячелетнее царство. В наших романах мы пишем о Восхищении сразу перед периодом Скорбей, о которых мы рассказываем в книгах с первой по двенадцатую, а затем уже — Явлению во Славе, о чем мы рассказываем в двенадцатой книге и заключительном сиквеле.

В четырех моих нон-фикшн книгах, посвященных пророчествам, — «Живем ли мы в последние времена?», «Популярная энци-

клопедия библейских пророчеств», «Восхищение» (не путать с романом) и «График конца света» — я указываю 15 различий между этими событиями. Действительно, сравнив их, вы поймете, что они не могут описываться как одно и то же событие. Например, Восхищение может случиться в любой момент без предупреждения, а Явление во славе не может случиться как минимум раньше чем через семь лет после множества предсказанных в пророчествах событий. При вознесении Христос призывает верующих к Себе, чтобы встретиться с Ним в облаках, дабы Он мог забрать нас в дом Своего Отца, как и обещал. Во время Явления во славе верные вместе с Христом возвращаются на Землю, где Он устанавливает Свое тысячелетнее царство. Возможно, именно потому апостол Павел называет Восхищение, пришествие нашего Господа «благословенной надеждой» и называет открытое возвращение Христа на Землю «Явлением во славе». Лично я думаю, что Павел различал две эти стадии Второго пришествия Христа.

Маленький график на странице 412 показывает эти две фазы пришествия Христа, разделенные семью годами периода Скорбей. Если вы прочли большинство книг серии «Оставленные», вы легко определите, к какому моменту какая из книг относится на этом графике. Я надеюсь, что этот пример поможет вам понять весь замысел Господа, касающийся вашего будущего и будущего всего мира.

ТИМ ЛАХЭЙ, ДЖЕРРИ Б. ДЖЕНКИНС

За дальнейшей информацией о пророчествах конца света обращайтесь на мой веб-сайт: www.timlahaye.com, а также на сайт нашего издателя: www.tyndale.com. И загляните в полную библиотеку пророчеств Тима ЛаХэя.

Доктор Тим ЛаХэй.

ВРЕМЯ СКОРБЕЙ В КОНТЕКСТЕ

	Восхищение (1 Фес. 4:16—17)	Антихрист — мерзость запустения (Мф 24:15; 2 Фес. 2:4)	Явление во славе (Мф. 24:27—31)
Время церкви	7 лет Скорбей	Тысячелетие	Вечность

ОБ АВТОРАХ

Джерри Б. Дженкинс (www.jerryjenkins.com) — автор серии романов «Left Behind»®. Он возглавляет Гильдию христианских писателей Джерри Б. Дженкинса (www.ChristianWritersGuild.com), организацию, занимающуюся воспитанием молодых писателей, а также кинокомпанию Jenkins Entertainment (www.Jenkins-Entertainment.com). В прошлом вице-президент издательства при Библейском институте имени Дуайта Муди, Чикаго, он также долгое время работал редактором журнала Moody и теперь является постоянным автором этого журнала.

Его статьи появлялись в таких изданиях, как журнал Time, Reader's Digest, Parade, Guideposts, в журналах для авиапассажиров и десятках других периодических изданий. «Послужной список» Дженкинса включает книги, написанные, в частности, в соавторстве с Билли Грэмом, Хэнком Аароном, Биллом Гайтером, Луисом Палау, Уолтером Пэйтоном, Орелом Херишером и Ноланом Райаном.

Его книги регулярно появляются в списке бестселлеров New York Times, USA Today, Wall Street Journal и Publishers Weekly.

Имеет две почетные ученые степени доктора, присвоенные Колледжем Бетель (Индиана) и Международным университетом Тринити.

Доктор Тим ЛаХэй (www.timlahaye.com), которому принадлежит идея серии романов по мотивам Откровения Иоанна Богослова, является популярным писателем, священнослужителем и широко известным в США исследователем библейских пророчеств. Он основатель Союза духовенства Тима ЛаХэя и Исследовательского центра ожидания времени Скорби.

Также недавно он стал сооснователем Школы откровения Тима ЛаХэя при Университете Либерти. Доктор ЛаХэй выступает с докладами на многих крупных конференциях, посвященных библейским пророчествам, в США и Канаде, где его исследования пророчеств весьма популярны.

Тим ЛаХэй получил степень доктора богословия в Западной теологической семинарии и почетную степень доктора филологических наук, присвоенную Университетом Либерти. В течение двадцати пяти лет он служил проповедником в одной из наиболее известных в Америке церковных общин в Сан-Диего, которая теперь имеет три филиала.

За это время он основал две аккредитованные христианские школы, сеть христианских школ, включающую десять учреждений, и Колледж Христианского Наследия.

Пятьдесят нехудожественных сочинений авторства доктора ЛаХэя были опубликованы более чем на тридцати семи иностранных языках и разошлись тиражом свыше 13 миллионов экземпляров. Он писал книги на множество тем, таких как семейная жизнь, человеческий характер, библейские пророчества. Его последние художественные произведения, романы из серии «Left Behind»®, написанные в соавторстве с Джерри Б. Дженкинсом, продолжают входить в списки бестселлеров Ассоциации христианских книготорговцев, Publishers Weekly, Wall Street Journal, USA Today и New York Times.

Другая серия пророческих романов ЛаХэя включает «Восстание Вавилона», «Тайну Арапата», «Европейский заговор» и «На краю тьмы», которые попали в список бестселлеров New York Times. Действие в этой серии романов, включающей в себя четыре остросюжетных триллера, в отличие от «Left Behind»®, начинается не с момента Восхищения, а в наши дни.

ДА ПРИИДЕТ ЦАРСТВОЕ

РОМАН-СИКВЕЛ
К СЕРИИ «LEFT BEHIND®»

Ужасные испытания времени Скорби остались позади. На Земле установилось царствие Христово, и верующие по всему миру наслаждаются близостью со своим Богом. И все же зло проникает в сердца людей вместе с неверием. И когда тысячелетнее благоденствие подойдет к концу, новое поколение неверующих начнет новую войну за право обладания Землей.

Заказать книгу «ДА ПРИИДЕТ ЦАРСТВОЕ» можно:
по телефону (495) 737-04-80 (по будням);
по e-mail: club@knigovek.ru;
по почте: 127206, Москва, а/я 24

Тим ЛаХэй
Джерри Б. Дженкинс

ВОСХИЩЕНИЕ

Редактор *Н. Занозина*
Художественный редактор *А. Балашова*
Консультант *А. Коньхова*
Корректор *О. Бубликова*
Компьютерная верстка *И. Немцева*

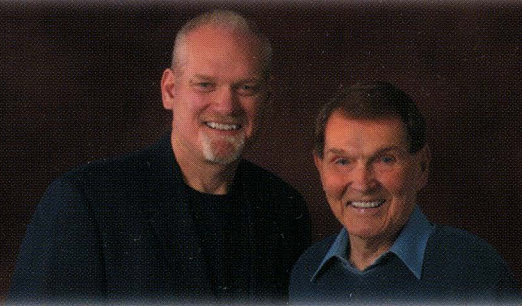
Подписано в печать 28.12.12 г.
Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага офсетная. Гарнитура «Балтика».
Печать офсетная. Тираж 30 000 экз.
Усл. печ. л. 21,84. Уч.-изд. л. 13,96.

Книжный Клуб Книговек.
127206, Москва, Чуксин тупик, 9.
www.terra.su

Отпечатано BALTO print
www.balto.lt
www.baltoprint.ru

ВОСХИЩЕНИЕ — заключительный роман из трилогии приквелов к саре «LEFT BEHIND®».

Основная часть повествования посвящена описанию уже знакомых читателю событий с точки зрения Ирен Стил, ее сына Рейми и других людей, которые были восхищены на Небеса.

ДЖЕРРИ Б. ДЖЕНКИНС

Писатель, соавтор серии «LEFT BEHIND®», автор более сотни романов. Его книги регулярно появляются в списке бестселлеров «New York Times», «USA Today», «Wall Street Journal» и «Publishers Weekly».

ТИМ ЛАХЭЙ

Создатель и идейный вдохновитель серии романов «LEFT BEHIND®». В Америке широко известен не только как писатель, но и как исследователь библейских пророчеств. Написал более 50 книг, переведенных на 37 языков мира. Имеет несколько ученых степеней.

«Самый успешный литературный тандем всех времен и народов».

NEWSWEEK

«Как ни назови серию «LEFT BEHIND®», очевидно одно — сейчас она пользуется огромным успехом, как настоящий блокбастер. Ее создатели даже представить такого не могли».

ENTERTAINMENT WEEKLY

«Саспенс в духе Тома Клэнси, чуть-чуть романтики, отблеск Hi-Tech и ссылки на Библию — в одном флаконе!»

THE NEW YORK TIMES

ISBN 978-5-4224-0609-8

9 785422 406098

www.Leftbehind.ru